

Духовный дневник

Жадановский Арсений

Содержание

- [Часть первая](#)
- [Часть вторая](#)
- [Часть третья](#)
- [Часть четвертая](#)
- [Часть пятая](#)
- [Часть шестая](#)
- [Часть седьмая](#)
- [Часть восьмая](#)

Часть первая

Все нами совершаемое доброе нужно относить к милости Божией, а не к собственной заслуге, чтоб было, как написано: хвалящийся хвались Господом (Ср.: Иер.9:24).

Так называемая впечатлительность происходит от влияния на нас внешней обстановки, внешних приражений, и она показывает, что мы больше живем вне себя, главным образом следим за тем, что вокруг нас происходит. Гляди же больше внутрь себя. Там ты увидишь всю свою скверну: даже и ночью учит меня внутренность моя (Пс.15). Это вызовет другого рода впечатлительность — скорбь, плач, сожаление о своих грехах, результатом чего будет не беспокойство, которое порождается первого рода впечатлительностью, а внутреннее успокоение, умиротворение сердца: Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей (Пс.50:12).

Не в силах ты помочь ближнему в скорби, несчастье, беде, — прими всю его скорбь в свое сердце и с ним поплачь, этим облегчишь его душевную тугу.

Батюшка отец Иоанн Кронштадтский пред каждым служением Божественной литургии припадал к престолу и тайно исповедовался Господу Богу и до тех пор молился, пока начинал чувствовать, что Господь прощает его Своею милостию[1]. Какой великий пример для каждого пастыря!

Мало себя укорять — и особенно без свидетелей, — хорошо принимать без смущения укоры от других, это уже будет высшая степень смирения и кротости.

Как болезнь нас смиряет: от нее я и худ, и бледен, и некрасив! А это все как полезно борьбе с вожделениями нашей греховной плоти: если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2 Кор.4:16).

Как любезно покаяние! Оно человека, лишившегося за грехи близости благодати Божией, снова примиряет с Господом, снова привлекает благодать и — больше того: так перерождает человека грешника, что делает его удобоподвижнее к добру и смиреннее даже обыкновенного праведника. Покаяние — это необыкновенная милость Божия к человеку: «покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче»!.. (Стихира на утрени великопостная).

Старайся предавать забвению все свои заслуги, не помни их. А если они постоянно у тебя всплывают в памяти, знай, что тебя борет страсть самомнения, тщеславия, превозношения и тебе надлежит искоренять эту дурную закваску. Она ведет к постыдному падению. Превозношение хорошо рассеивать следующим духовным рассуждением: 1) все доброе совершает в нас благодать Божия, постоянно на нас изливающаяся. Без благодати мы ничто; 2) мы пристрастны к себе, а потому и хвалим свое, но стоит посмотреть на других, и мы увидим у них многое такое, чего сами не имеем. Один, например, имеет прекрасный голос, а я его не имею, другой — дар слова, третий — здоровье и т.д., — я же всего этого лишен: чем же мне хвалиться? — Буду хвалиться немощью моею (2 Кор.11:30).

Всему внутри твоего существа происходящему, всем помыслам, движениям чувств давай толк, правильный ход, что возможно делать христианским разумением при помощи силы воли. Ты постоянно выходишь из правильной колеи. Старайся же немедленно направлять, вставлять себя в нормальное русло: разгневался — подави гнев; дурно подумал — укори себя и т.п. О, как желательна такая внутренняя работа! Она дает возможность справляться со всякого рода обстоятельствами жизни, поддерживает бодрый дух, дает тебе прилив даже физических сил, разбивая и предупреждая в тебе всякое нервное расстройство, уныние и т.п.

Отчего это ты делаешься по временам таким противным, неприятным, нечистым, скверным, мечтательным? Вникни в самого себя, и ты увидишь, что это оттого, что ты сердцем на этот раз удалился от Господа, мало Ему молишься, мало духовно бодрствуешь, мало плачешь о своих грехах, — словом, это бывает тогда, когда ты умом и сердцем оставляешь Бога и начинаешь ходить по распутиям мира сего.

Мы не привыкли благодарить Господа, не думаем о том, сколько милостей Господь изливает на нас каждый день и час, а потому и ропщем на свою судьбу, не миримся со своим положением, жалуемся на тяжелую, скорбную жизнь нашу.

Как я поддаюсь велеречию, превозношению, самовосхвалению: так мысль к этому и ползет! Следи, ради Бога, зорко за собою, укоряй себя, наказывай, бичуй себя. Такую себе поставь задачу: мне во что бы то ни стало надлежит избавиться от сего недостатка — и вот, помня сие, постоянно себя останавливай, постоянно исповедуйся в этом; словом, не давай себе покоя ни на минуту. Тверди себе всегда: «Какой я велеречивый фарисей!» Избави, Господи, всякого от сего препакостного недостатка.

Женщины и девицы! Вы любите обливаться духами, благоухающими веществами. Смотрите,

чтобы также благоухало чистотою ваше внутреннее существо. А то — какое страшное может получиться несоответствие: во вне вы будете издавать благоухание, а внутреннее ваше будет смрадно, безобразно, грязно, нечисто, скверно, развратно; какой смысл тогда будут иметь ваши духи? От благоухания внешнего переноситесь мыслию к благоуханию внутреннему: будьте Христовым благоуханием Богу (Ср.: Кор.2:15).

Надо ревниво блюсти нашу любовь к Господу и всячески остерегаться, как бы что не отторгло нас от полноты нашей любви к Господу Богу: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим (Мф.22:37).

Телесные подвиги, если они сопровождаются усталостью, вредно отражающеюся на нашем внутреннем настроении, надо умерять, и вообще надо стараться, чтобы у нас дух всем заправлял, был бы двигателем в нашем стремлении к Господу: в усердии не ослабевайте; духом пламенейте (Рим.12:11).

Поддерживать смиренное мнение о себе хорошо через постоянное воспоминание нашей прежней греховной жизни и наших теперешних постоянных недочетов, немощей и грехов. Тебе, однако, неясны твои недостатки, несовершенства — воспроизводи в памяти Нагорную проповедь Спасителя, вспоминай жизнь подвижников, обрати внимание на заслуги других людей, и — ты увидишь, что тебе нечем хвалиться, разве только, как говорит святой апостол Павел, немощами своими (2 Кор.11:30).

Старайся так внутреннее свое поставить, чтобы, когда тебя хвалят или порицают, ты был бы к этому равнодушен, безучастен, спокоен: как будто это к тебе не относится, тебя не касается.

Великое дело сила воли: это как бы руль на корабле. Посредством силы воли всем внутренним нашим движениям можно дать правильное направление. Сила воли помогает нам со всем мириться, все переносить; как результат всего этого — спокойное, безмятежное в Боге житие.

Какое это высокое, божественное чувство — любовь! В ней поистине отобразился образ Божий в человеке. Любовь — это возглавие всех добродетелей: она ведет ко всему доброму; она заставляет нас быть и кроткими, и смиренными, и чистыми сердцем, и миролюбивыми, и терпеливыми, и благодетельными, так что справедливо можно сказать: кто имеет истинную любовь, тот исполняет весь закон, — как и говорит апостол Павел: любовь есть исполнение закона (Рим.13:10). Святая любовь — это несокрушимая сила против всего дурного; кто имеет ее, от того отбегают враг, и о твердыню любви такого разбивается всякое зло, как разбиваются волны о камень. Святая любовь — это уже здесь, на земле, блаженное состояние духа: мир и радость о Дусе Святе (Рим.14:17). Святая любовь — это скорый, верный, безмятежный, радостный путь ко Христу, ко спасению.

Окаянный смех, как ты неуместен для христианина! Сколько оскорблений величию Божию через тебя нанесено, когда, например, ты беспокоишь в храме Божиим во время богослужения и в местах священных, где должно быть одно только благоговейное, трепетное, святое чувство к Господу

Богу! Не апостол ли сказал: пустословие и смехотворство не приличны вам (Еф.5:4). Лучше сетование, нежели смех, потому что при печали лица сердце делается лучше (Еккл.7:3).

Милосердие Божие настолько велико, что оно не оставляет и великих грешников, так называемых падших людей. Бывают в жизни последних такие моменты, когда благодать Божия с особенным усилием начинает стучаться в сердце их, как бы стараясь отворить двери им к выходу из глубин падения. И как важны эти моменты в жизни падших людей!.. Воспользоваться ими, не пропустить, восчувствовать их — это значит найти путь к нравственному возрождению. Этот-то момент и был у преподобной Марии Египетской[2]. В самом деле, как вы объясните то обстоятельство, что Мария-грешница вдруг случайно наталкивается на отправляющийся в Иерусалим корабль, инстинктивно садится на него, продолжая думать, однако, об удовлетворении своих страстей, затем в Иерусалиме опять кто-то ее влечет зайти в храм; она пытается сделать это, но неведомая сила не допускает ее до святого места. Это заставляет ее задуматься. «Видно, грехи мои, — думает она, — препятствуют мне... Да, я великая грешница»... Отсюда затем пробуждение совести и дальнейший ход нравственного возрождения. Не ясно ли здесь воздействие благодати Божией на сердце грешницы?

Или, вот пример. Совсем сбившийся с пути человек, окончательно расстроивший свое здоровье пьянством, развратною жизнью, идет по Петербургу мимо вокзала и невольно замечает толпу, стремящуюся к подходящему поезду. Простое любопытство заставило его спросить, куда это народ так спешит. Ему говорят: «Сейчас должен приехать отец Иоанн Кронштадтский». «Вот, чудачи, — говорит он себе, — стоит так толкаться и стремиться, а впрочем, подойду и я и посмотрю на этого священника, что особенного в нем, уж больно много о нем говорят». Идет... все спешат взять благословение у приехавшего батюшки, инстинктивно подходит и наш герой. Батюшка отец Иоанн ласково на него смотрит и с дерзновенною верою, благословляя, говорит: «Да благословит тебя Господь и да поможет Он тебе направиться на добрый путь, друг мой, видно, что ты много страдаешь»... Как электрическая искра, проходят по всему существу падшего человека вдохновенные слова благодатного пастыря. Отошедши в сторону, он замечает, что в сердце его появляется какое-то умиление, а сознание говорит: «И в самом деле, как мне трудно жить, до какой низости я дошел; я, кажется, сделался хуже скота, и неужели можно мне подняться? И как бы это было хорошо! А ведь батюшка мне этого пожелал, и какой добрый этот батюшка, как он меня пожалел, непременно поеду к нему в Кронштадт»...

И он затем едет, исповедуется, говеет, причащается там и, с Божией помощью, постепенно нравственно возрождается. Марию Египетскую благодать Божия натолкнула ехать в Иерусалим, а здесь также благодать Божия натолкнула падшего человека на встречу с великим пастырем и тем указала ему путь к исправлению. Словом, каждый грешник, если он пожелает, может проследить в своей жизни моменты особенного воздействия на него благодати Божией, и эти моменты являются как бы точками, пунктами, кризисами, с которых может начаться перелом или в добрую сторону к нравственному возрождению, или — в худую, когда угрожает грешнику уже полная нравственная гибель. Так, если, например, человек неверующий переживает этот момент, то он может после него сделать поворот в сторону веры и утвердиться в ней, или, наоборот, пойти по уклону неверия и дойти до сатанинской гордости, полного безверия. Жизнь на каждом шагу это подтверждает.

Много у нас есть примеров людей весьма церковных, крепко преданных Православной Церкви, которые, однако же, в свое время заражены были неверием; но вот, когда благодать Божия коснулась их сердца, они восчувствовали этот момент, не отвергли толкнувшегося в их сердце Христа, приняли Его и затем всецело Его возлюбили. Несомненно, этот момент воздействия благодати Божией был и у известного всем нам невера графа Толстого. Но он сам и под влиянием своих домочадцев пренебрег им и пошел по дальнейшему пути неверия, и дошел до полного богоотступничества. Когда прелюбодея, вора, винопийцу, разбойника коснется эта искра Божия, все они могут нравственно воспрянуть, восстановиться и, наоборот, когда они ее заглушат, не воспримут, — нравственно погибают. И не только нравственно, но часто и телесно. Таких людей в большинстве случаев охватывает отчаяние, отвращение к жизни, и они оканчивают ее

самоубийством, а то просто — умирают голодную, холодную, если не сказать, скотскою смертью.

Боже, милостив буди мне грешнику!.. (Лк.18:13).

Знаете ли вы, по каким побуждениям Святая Православная Церковь среди Великого поста творит память преподобной Марии Египетской? — Дабы нам, грешникам, показать, что милосердный Господь ждет от всех нас обращения, как бы мы ни были грешны, и Он наше покаяние всегда готов принять с любовью. Грешники! Не отчаивайтесь в спасении, — как бы так нам говорит Господь, — берите пример покаяния с преподобной Марии Египетской, и Я ваши грехи изглажду: долготерпит Господь на нас, не хотя да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут (Ср.: 2 Пет.3:9).

В монастырях, и особенно городских, когда оскудевает духовная жизнь, можно наблюдать такое явление. Сегодня все благопристойно и чинно, а завтра уже все бесчинно: и служба, и пение, и чтение, и поведение. А отчего? Сегодня искусственно заставили братию быть исправными — присутствие начальника, угроза; завтра же этого нет и — все плохо. При внимании же братии к себе, при духовном бодрствовании — этого не может быть. Доброе поведение братии, исправность послушание будут тогда поддерживаться внутренним стремлением к духовным подвигам.

Какое наше отношение должно быть ко всем так называемым падшим людям? Всем нам приходится сталкиваться с ними в жизни и многим из нас даже жить в семье. Не отвращаться от них мы должны, не презирать и осуждать, а жалеть и молиться о них. Если благодать Божия не оставляет падших, то нам ли, подобострастным им и грешным людям, от них отвращаться? Мы так о них должны думать: человеческое несовершенство довело их до падения, враг рода человеческого их запнул и полонил, сам же по себе человек, как носитель образа Божия, достоин одного только сожаления, как и говорит святой апостол Павел: Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? (Рим.7:24). Такое презрительное, обходительное, доброе, мягкое, смиренное, ласковое обращение с грешными людьми способно умягчить их загорелое, черствое сердце, и, кто знает, быть может чрез это мы заставим их подумать, что такое добро, любовь, и наведем их мысль и сердце на путь восхождения к Богу.

Первородный грех все в нас повредил, все перепортил; он и любовь — это божественное свойство в нас — оземленил, исказил, нарушил ее гармоничность. Сама по себе любовь — это есть приятное влечение одного лица к другому и, так как наша душа, наше сердце заключены в греховное тело, свойство которого также имеет влечение к подобным нам существам, то здесь духовному нашему чувству любви постоянно грозит опасность быть подавленным, полоненным плотским нашим влечением. Отсюда и может быть такое явление у нас: начнется любовь чистая, духовная, а окончится с плотским оттенком, а то и прямо — плотскою, низменною. Поэтому-то нам нужно быть весьма зоркими, весьма осмотрительными, весьма тонкими в различении любовных движений нашего сердца. Любят родители своих детей, любят супруги друг друга, любят духовные дети своего пастыря и т.п., и во всех этих и подобных случаях проявления любви нужно бояться, нужно остерегаться плотской стороны.

Например, высоко, свято, духовно любят родители своих детей, когда они смотрят на них как на Божие благословение, как на новых членов, долженствующих вступить в Царство Божие, а потому и стараются воспитывать их в страхе Божиим, благонравии и благочестии; но могут родители любить своих детей как лишь продолжателей их рода, могут гордиться их дородностью, званием, красою; в такой родительской любви много уже плотского, низменного. Свято любят супруги друг друга, когда уважают достоинство каждого, когда нисходят к немощам, недостаткам один

другого и стараются их взаимно исправлять, когда супруги живут в мире и согласии, в духовном единении, во образе единения Христа с Церковью; не может супружеская жизнь иметь подкладку только страстную, плотскую. Высоко любят духовные чада своего пастыря, когда они смотрят на него как на служителя Божия, руководителя их в духовной жизни, помогающего им шествовать ко Христу. Но может быть в любви духовных чад к пастырю и доля пристрастности — это когда привязанность к пастырю отвлекает от молитвы, занимает нашу мысль воспоминанием и представлением о нем, а наше сердце томится желанием чаще его видеть, усладиться его голосом, речью и т.п., и бывает тогда, что пастырь как бы заслоняет собою наш путь к Господу... Словом, к высокому, небесному чувству любви может всегда примешиваться низменная сторона и при этом тонко и хитро, так что иной раз мы думаем, что любим чисто, свято, а проверим себя — найдем долю пристрастности. Наша задача — небесное чувство любви всячески хранить, оберегать, очищать от всяких дурных наслоений, и к этому есть вернейшее средство — это любовь к нашему Господу Спасителю. Мы должны всеми силами нашего ума и сердца прилепиться к Господу, так сказать, схватиться за Него, — тогда мы сумеем правильно проявить свою любовь и к ближним. Возлюби, сказано, сначала Господа Бога твоего всем сердцем твоим, а потом и ближнего, как самого себя.

Когда грешник чистосердечно, со слезами кается духовнику, то у последнего невольно в сердце возникает чувство отрады и утешения, а вместе и чувство любви и уважения к кающемуся. Открывшему же грехи может, пожалуй, показаться, что пастырь и не посмотрит теперь на него, так как он знает его скверны и презрительно отнесется. О, нет! Мил и дорог и как бы родной делается пастырю искренно кающийся грешник. Это надо помнить всем нам и без всякого смущения и боязни открываться на исповеди, ибо благой результат сего несомненен.

Подавая соблазн, мы сугубо грешим, скверним себя грехом и развращаем наших ближних. И если всякий грех можно очистить, загладить покаянием, то произведенный соблазн не так легко истребить. Соблазн, мы сказали, развращает других, которые ускользают от нашего внимания, так что мы бываем лишены возможности в них уничтожить последствия соблазна. Поэтому-то такое грозное слово и произносится во Святом Евангелии на соблазняющих: горе человеку тому, имже соблазн приходит (Мф.18:7).

Как избавиться от пьянства? Существуют медицинские средства, объявляются врачи, отучивающие от пьянства, есть больницы для алкоголиков, делают какие-то прививки. Самое сильное средство в борьбе с пьянством — это, конечно, нравственное возрождение. Надо страдающему пороком винопития духовно переродиться. Надо сознать свой недостаток, надо раскаяться в нем, надо пролить слезу сокрушения, надо припасть к стопам Господа, все исцеляющего, как припала кровоточивая, надо сделаться религиозным, прилежным к храму Божию, надо всеми силами своего сердца ухватиться за Господа, надо Ему молиться, надо в корне изменить прежнюю мирскую жизнь, разгульную, на тихую, трудовую, — словом, надо духовно воспрянуть. Трудно нам самим, слабым и немощным, бороться с пороками, но припавшему к Господу готова и всесильная благодатная помощь. Возьми в руки святыню и пользуйся ею: пей святую воду, припадай почаще к мощам угодников Божиих, призывай их постоянно на помощь и особенно мученика Вонифатия[3], целителя от сего недуга, положи себе за правило ежедневно читать Святое Евангелие, класть утром и вечером по несколько поклонов, посещать в свободное время храм Божий, говеть, принимать Святые Тайны, — и ты духовно возродишься и у тебя само собою отпадет пьянство. Отчего ты не идешь ко Господу за исцелением, а ищешь его в миру? И ты не найдешь, потому что там сильно действует враг рода человеческого, в ведении которого находится пьянство. Где же Господь — там враг отступает, а потому только в Господе ты найдешь себе благодатную помощь в борьбе с пьянством.

В Москве и Петербурге появились так называемые «братцы». Они устраивают собрания, на которых объясняют Евангелие, поют церковные песнопения, говорят поучения, помазывают присутствующих маслом... Как смотреть на «братцев»? Допустимо ли их дело? Прежде всякого расследования — чему учат «братцы» и как они объясняют Евангелие, — решительно надо сказать, что дело их неправо и собрания недопустимы, так как без благословения церковного не может быть истинного учительства. «Братцы» находятся в духовном самообольщении. Они свои собрания, очевидно, ставят выше церковного богослужения и себя выше пастырей. А расследование их проповеди православными миссионерами и сообщения об их собраниях православных людей, побывавших у «братцев», доказали, что «братцы» совершенно уклонились от истины церковной и являются опасными еретиками. Печально упорство, какое проявляют приверженцы «братцев». Некоторые из них думают найти оправдание своих посещений «братцев» у пастырей, духовников. И вот такие, прося благословения на посещение «братцев», вследствие пристрастия к ним и предвзятой мысли, начинают расхваливать «братцев» и выставить их за святых, думая этим расположить к «братцам» пастыря, духовника. И как ты ни уговаривай оставить «братцев», как ни доказывай их неправоту, — ничем не убедишь. Не получив благословения, такие отходят от тебя с видимым недовольством, раздражением и даже неприязнью. Это и обличает в них наличность сектантского духа.

Мне приходилось читать в аскетических книгах, что враг может завлекать и в монашество, если этот образ жизни является более удобным для его губительных козней, могущих нас погубить. Например, если мы увлекаемся одним только внешним видом монашества или безотчетно влечемся к нему, то это может быть опасным. Но есть такие точки опоры, держась которых можно быть уверенным, что они тверды, святы и навеяны Духом Святым: например, мысль сохранить девственную чистоту не может вложить нам враг, или стремление пребывать постоянно в посте и молитве не может быть от диавола, ибо сей род изгоняется... молитвою и постом (Ср.: Мф.17:21).

Бесконечно милосердие Божие к нам, грешным! Господь не только пострадал за нас, не только смыл с нас прародительский грех, не только Своею живоносною смертью обновил падшее естество человеческое, но и дал нам вкушать Свое Тело и Кровь под видом хлеба и вина. Благодаря этому мы можем входить в тесное единение с Господом, соединяться с Ним крепкими узами любви, пребывать в Нем по Его Божественному слову: Ядый Мою Плоть и пийй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем (Ин.6:56). Это ли не милость Божия! Какое неоцененное сокровище мы имеем в своих руках, ибо никто не возбраняет и не запрещает нам всякий раз приходить и пить из сей Чаши Жизни, и не только не возбраняет, но Церковь каждодневно призывает нас к сей Чаше бессмертной: приступите, вопиет она, Тело Христово приимите, источника бессмертного вкусите! И первые христиане заповедь Спасителя о Святом Причащении так именно и поняли, что оно возможно для верных ежедневно. Вот как представляется нам картина жизни первохристианской общины. Языческий, греховный мир суетится, развратничает, а первые добрые христиане, как один, окончив свои дневные дела, спешат в уединенные, часто подземные, места, молятся там, причащаются Пречистого Тела и Крови Господней. Постоянное причащение — должно быть идеалом всех христиан. Но враг рода человеческого не дремлет. Сразу понял он, какую силу нам Господь даровал в Своих Тайнах; и вот, с появлением же Христовой веры, начал он свое дело отклонения христиан от Святого Причащения. И если мы обратим внимание на историю жизни христиан, мы убедимся в справедливости этого. Сначала христиане причащались ежедневно, затем четыре раза в неделю, далее по воскресным и праздничным дням, а там во все большие посты, то есть четыре раза в год; наконец, едва-едва раз в год, а иные и того реже. Что же будет далее? Как хотите, а удаление христиан от Святого Причащения — дело очевидное, прискорбное, губительное! Помни, православный христианин: аще не снете Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе (Ин.6:53).

Мы страдаем отсутствием сознательной религиозной жизни. И прежде всего это проявляется по отношению к внутреннему нашему я. Это значит, что мы не следим за своим сердцем, своими помыслами, не занимаемся внутренней работой над собою, а безотчетно отдаемся течению наших мыслей и чувств, не поверяя их светом Христовой истины; куда желания тащат нас, туда мы и направляемся, — отсюда получается та сумятица, тот беспорядок мыслей и чувств, которыми характеризуется жизнь современного общества, жизнь без всяких нравственных устоев. Внутренне не сознает себя человек, нет у него сознательного отношения и ко всему, что относится к области веры.

Возьмем, например, церковное богослужение. Оно существует как бы не для нас. У многих нет интереса познакомиться с ним, его изучить, в него вникнуть, его понять и восчувствовать. Отсюда непонимание церковно-богослужебного языка и устава. Нам один искренно говорил, что когда он придет в храм, а это бывает весьма редко, то для него все там остается непонятным. И разве не таково же отношение многих православных и к догматам православной веры, и к истории Православной Церкви?!. Что ж удивительного, что на такой почве произрастают тернии и волчцы, то есть разные секты, расколы, безбожие и т.п.!.. Кто же виноват? Конечно, не только пасущие стадо Христово, но и не менее сами пасомые. Если первые должны постоянно поучать, то последние, то есть пасомые, должны постоянно учиться. Забвение этого долга и порождает велию скорбь Матери-Церкви о блуждающих по распутьям овцах стада Христова. Пусть же и пастыри, и пасомые исполняют свой долг научения и тем утолят скорби Матери-Церкви, ревнующей о спасении своих чад!

Удивительны ухищрения врага рода человеческого! Люди неверующие и развращенные всецело находятся в его власти. Но и желающие жить благочестиво не оставляются им в покое. Напротив того — последние хитро и тонко бывают боримы врагом. Под благовидными предложениями, на почве благочестия, под обличьем трезвенничества, «братчества», а нередко даже и старчества, — он втискивает их в духовное самообольщение, в прелесть. Вот почему Святая Церковь так часто в своих молитвословиях просит Господа избавить нас от прелести вражия. Так называемые блаженные и проживающие в миру, именуемые старцы, разные «братцы» и «сестрицы», «монахи-бельцы» и «чернички», в особенности находятся в опасности впасть в эту прелесть вражю. Господи Боже — не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго!..

Каждый из нас испытывает сновидения. Одни спокойно переносят их, не тревожатся, другие же придают им большое значение или, как говорится, верят снам; отсюда у многих беспокойство, уныние, гадательные предположения и даже желание удовлетворять, исполнять то, что снится. Интересно установить поэтому истинный взгляд на сновидения, и в этом могут хорошо помочь нам богомудрые отцы, хорошо знавшие человеческую природу со всеми ее хорошими и дурными сторонами и проникавшие духовным опытом в высокие тайны духовных явлений. Можно различать три рода сновидений: 1) сны естественные, 2) сны от врага рода человеческого и 3) сны от смотрения Божия.

Сны обыкновенные, естественные. Во время сна деятельность нашего тела и души не прекращается, сном парализуется только рассудок или та часть нашего духа, которая заправляет всем нашим внутренним существом. И вот мы, во время сна оставшись без руководителя, предаемся необузданному течению своих мыслей и мечтаний, необузданному, как кони без седока; отсюда сновидения часто носят на себе печать несвязных мечтаний, хотя материал для этих ночных наших грез заимствуется из нашей же собственной жизни; потому-то у богача бывают свои сны, каких не видит бедняк; у бедняка — свои, каких не видит богач; у женщин — свои, у детей свои и т.д. Если материал для обыкновенных наших сновидений заимствуется из нашей же жизни, то сновидения могут до некоторой степени быть показателями нашего душевного состояния,

нашего вообще настроения и, если хотите, нашего нравственного роста. Не оттого ли один обладает мирным, спокойным, тихим сном, другой мятется и во сне. У нас берется как образец сон дитяти — мирный, безмятежный, и это, конечно, потому, что и жизнь его такова. «Кто хранит себя чистым, — читаем мы у аввы Дорофея, — у того огонь сердечного горения не допускает погрузиться в сон чувственный, а такой пользуется только естественным».

Второй род сновидений — это от наветов врага рода человеческого, который пользуется всеми средствами, лишь бы только повредить человеку. И в этих сновидениях ухищрения врага часто бывают весьма тонки; при этом он, прежде всего, ополчается на тех, которые верят снам, а таких людей немало, даже среди верующих, по-видимому, христиан. Демоны могут являться в виде ангелов света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажать их жительство, обещать венцы небесные. Цель демонов смущать такими сновидениями может быть двоякая: или возвести человека на высоту сомнения и гордыни, каковая высота, конечно, вместе с тем есть и погибельная пропасть, или же вообще сбить человека с пути истины, как, например, случилось это с иноком, о котором повествует преподобный Кассиан Римлянин[4]. Демоны, усмотрев, что один инок дал цену себе, то есть впал в самомнение, начали представлять ему сновидения, что будто бы на одной стороне святые апостолы, мученики и все христиане находятся во тьме — в аду и терпят страшные мучения, а на другой иудеи во свете наслаждаются блаженством. При этом демон, разумеется, во образе ангела, дал совет инок принять иудейство для получения возможности принять участие в блаженстве иудеев, что инок без малейшего промедления и исполнил на деле. Он пошел к евреям и не только принял их веру, а еще и женился на еврейке...

Помимо обольщений видениями, почитать надо сновидениями, навеянными врагом, и то, если грезится что-либо во сне противное вере, либо Церкви Святой, либо жизни благочестивой, а между тем пред сном и вообще в бодрственном состоянии ничего подобного у тебя и в голове не было. Как же нам отрывать от себя злые сновидения врага? Что касается, прежде всего, видений во сне Ангелов и т.п., то по пробуждении нужно смириться, нужно так себе сказать: грешный я человек, я недостоин таких видений! И вот, если эти видения были обольстительные, они бесследно для нас пройдут; сразу о них произойдет забвение. Как предохранять себя от вражеских сновидений, это нам указывает Святая наша Церковь, которая точно нежная мать в этом отношении все предусмотрела. Она велит каждому из нас, пред тем как лечь в постель, сначала поцеловать святой крест свой на груди, потом перекрестить постель свою от ног до головы и во все стороны и в то же время читать молитву: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» Вся эта молитва направлена против демонской силы, например: «...да погибнут беси от лица любящих Бога...», — «Радуйся, пречестный и животворящий Кресте Господень, прогоняяй беси» и проч.

И нужно сказать, ничего так не боится диавол, как крестного знамения. В книге преподобного Иоанна и Варсонофия мы читаем: «Святого Креста диавол показать нам в сновидении не может, ибо не находит средства изобразить его другим, превратным образом, чем как он есть. Он может показать нам якобы ангелов, Самого Христа под видом простых людей, может нам показать Святое Причастие под видом простого хлеба, но Креста — нет, ибо уже самый вид, самое знамение, образ Креста диаволом нетерпим, ибо на Кресте разрушена сила его, Крестом нанесена ему смертоносная язва» (Руководство к духовной жизни...). Поэтому мы, крестом ограждаемы, всегда можем противодействовать наветам диавола. Однажды явился демон святому Симеону Столпнику[5], который спасался на столпе, и явился ему в виде светлого ангела, да еще с огненными конями и с огненною колесницею и, искушая его, завел с ним такую речь: «Вот, Симеон, ты угодил Богу так, как Илия пророк, и потому я послан сюда на землю, чтобы восхитить тебя, как Илию, на этой колеснице на небо...» Святой поверил было, да как только перекрестился и сказал: «Господи, благослови (то есть перейти со столпа на колесницу)!» — как вдруг не стало ни ангела, ни копей, ни колесницы, — все исчезло. Так крестное знамение спасло преподобного. Хорошо поэтому делают те, которые часто ограждают себя крестным знамением. Случился ли наплыв дурных мыслей, произошло ли затруднение, препятствие в деле, подверглись ли мы искушению, соблазну пред сном и после, — при каждом пробуждении, если сотворим крестное знамение, этим мы заграждаем доступ к себе вражьей силы, разрушаем все вражий козни и наветы.

Есть, наконец, третий род сновидений истинных, посылаемых Божиим Промыслом. Здесь может иметь значение общение душ наших, человеческое предчувствие, влияние Ангелов, и особенно Ангела хранителя, воздействие на нас святых. История и опыт свидетельствуют о возможности подобных сновидений. Как же распознавать эти сновидения и как нам относиться к ним? Прежде всего, праведные сны свойственны людям святым, а не нам грешным. У нас часто за множеством грехов и несовершенств отсутствует или, лучше, притуплена способность различения духовных явлений, и если наяву это постоянно проявляется относительно всего, вокруг нас и в нас самих совершающегося, то тем более мы можем неправильно понять, что с нами было в сновидениях. А поэтому лучше всего ко всякого рода снам относиться с осторожностью, не задумываться над ними: не беспокоиться и не стараться их разгадывать. «Верующий сновидениям — вполне неискусен, а неверующий никакому сну — истинно любомудр», — говорит преподобный Иоанн Лествичник. А премудрый сын Сирахов относительно людей, верующих в сны, сказал: «Верить снам то же, что хвататься за тень и гнаться за ветром. Многие обольстились сновидениями и погибли, потому что верили им» (Ср.: Сир.34:2-7). Преосвященный Феофан Затворник[6] на вопрос: «Верить ли снам?» — писал: «Лучше не верить. И если какие сны сбываются, то по сбытию — нужно благодарить Господа за милость, а также за приятные и назидательные сны благодари Господа» (472 письмо). И святые угодники Божии, действительно, относились с осторожностью даже к истинным сновидениям. Они по несколько раз проверяли их. Нужно поэтому так представлять дело. Если Промыслу Божию угодно что-либо посредством сновидения внушить человеку, то тот же Промысл Божий поможет человеку и его разъяснить. Лучше всего какое-либо чрезвычайное сновидение не самим разгадывать, а поведать его духовно-опытным людям, духовникам, старцам, которые, зная все ухищрения врага, скорее могут разобраться в этих сновидениях; во-вторых, не стараться во что бы то ни стало разъяснить сон, а предоставить спокойно времени, ибо Сам Господь, Промыслитель наш, приведет его к исполнению. И не дай Бог за разъяснением снов обращаться к гадалщикам и знахарям — это значит еще более запутывать дело и отдаваться в руки врага. Пусть же дурные сны служат для нас побуждением к трезвению, молитве и исправлению нашей жизни; за хорошие, добрые, приятные — станем благодарить Господа и нашего Ангела хранителя, а в чрезвычайных сновидениях, которые, кстати сказать, бывают весьма редки, будем предоставлять себя Промыслу Божию.

Вся сила в отце Иоанне Кронштадтском заключалась в его истинной, живой, деятельной вере во Христа Спасителя и Его учение, в полном проникновении этим учением, ставшим его родною и вечною стихией, истинным ведением, по слову апостола, а не простым и холодным только знанием. В деле веры мы только еще к ней приближаемся, мы только желаем веровать, но нас борет масса сомнений: так ли это? — вдруг промелькнет в голове. От такого нашего состояния веры — она не согревает и не наполняет наше сердце, она не занимает всецело наш ум, — вера скользит у нас и вот-вот готова оставить нас. Не то было у отца Иоанна. Он верил вне всяких сомнений, он, можно сказать, укрепился в вере; он говорил и думал об относящемся к вере не как переданном, а как бы самолично все испытанном и виденном. Когда говорил он о чем-либо духовном, то чувствовалось, что говорит как бы очевидец. Вот пример его веры. Когда однажды он был в Чудовом монастыре и мы показали ему Святое Евангелие, писанное рукою святителя Алексия[7], то у него и в мыслях, кажется, не было спросить, по каким историческим данным оно относится ко времени святого Алексия, а сейчас же он припал к словам сего Евангелия и со слезами лобызал его, говоря: «Это ты, угодник Божий, писал, это твой почерк! Как я счастлив твою руку созерцать, твое писание лобызать». Служил ли отец Иоанн, он весь входил в созерцание Господа, он видел Его как бы предстоящим и действующим[8]. Отец Иоанн так был укреплен в вере, что он весь был проникнут духовным созерцанием и со апостолом мог сказать: уже не я живу, но живет во мне Христос (Гал.2:20). От веры отца Иоанна исходили и все его благодатные дарования: дар молитвы, дар чудотворений, прозорливости, постоянного духовного бодрствования, ибо непреложно слово Господа: аще имате веру и не усумнитесь... горе сей речете: двигнися и верзися в море, будет (Мф.21:21).

Каким же путем достиг отец Иоанн такого необычайного дара веры? Путем постоянного бодрствования над собою, путем внимательной к себе жизни. Вот примеры этого внимания. Все,

что в течение дня он переживал: проявление ли страстных чувств, движение ли дурных помыслов или же благодатные озарения, — всему этому он ежедневно подводил итог, плодом чего и был его дневник. Правда, здесь мы больше читаем духовные размышления, но это только часть его дневника, другая же, где он себя укоряет, где часто указываются личности, на которых он гневался и по отношению к которым у него являлись те или другие дурные чувства, эта часть дневника не напечатана[9]. Имея такую внутреннюю внимательность к себе, отец Иоанн старался сознательно относиться ко всему, что касалось религии, церковной службы. Возьмется ли он читать канон, он уже читает его так, чтобы все понять, все пережить, ничего не пропустить из внимания; от этого и выходило, что когда он, бывало, читает, то или выкрикивает, или по несколько раз повторяет одно и то же слово, или ворочается назад за несколько строчек, — все это от того, что он желал из прочитанного ничего не пропустить, а все понять, все пережить. От такой внимательности церковные книги и правильники, по которым он читал, оказывались с многими пометками на полях и с подчеркнутыми местами. Вот, например, подчеркнуто выражение: «окаянную мою душу соблюди», а на полях написано: «Действительно, как я окаянен!» И такую внимательную жизнь он проходил не год и два, а более полувека, и достиг того, что он весь был в Боге.

Надо различать слезы по Богу, происходящие от высоких, религиозных чувств, и слезы человеческие. Отсюда мы видим, что, с одной стороны, плачет человек на молитве от переполняющих его чувств любви и преданности к Богу, а с другой стороны, плачет человек от досады, злости, обиды, нанесенной ему. Что же такое слезы по Богу? Это когда человек, исполненный веры и любви к Господу, начинает сознавать всю тяжесть своих грехов, каяться в них и проливать слезы. Слезы по Богу и те, когда христианин, исполненный чувств благодарности к Творцу, от умиления за неизреченные милости Божий к падшему человеку, также источает слезы.

Слезам по Богу можно назвать и те, когда человек, видя страдания близких, их несчастья, нравственные падения, проливает слезы за ближних. Источником слез по Богу является глубокое познание человеком самого себя, своего положения в мире и затем чувство благодарности и любви к Богу и ближним. И слезы по Богу имеют великое значение в духовной жизни человека.

Вот что о них говорит духовный опыт святых отцов. Святые чистые слезы омывают душу от грехов. Слезы в этом отношении то же, что крещение. Крещение омывает у человека первородный грех, покаянные слезы омывают все наши соделанные грехи, убеждают нашу совесть. Слезы, далее, умягчают загорелое от грехов сердце, разрыхляют его и делают способным к принятию благодати Божией. Кто проливает слезы о грехах, к тому нечистые помыслы никак не могут приблизиться, поэтому-то можно сказать, что слезы порождают целомудрие и искореняют блудную страсть. Слезы по Богу дают дерзновение в наших молитвенных воззваниях к Господу, и это потому, что слезы — признак искренности, твердой веры, а эти чувства являются необходимыми условиями в получении от Господа просимого. Слезы просветляют наши духовные очи, и это потому, что слезами подавляется грубо-чувственная сторона нашей природы; от слез она как бы замолкает и отходит в сторону. Слезы для наших добрых начинаний, для наших добрых дел то же, что чистый источник для нивы. Наши добрые начинания, орошаемые слезами, приносят доброцветный плод. Слезы порождают смиренномудрие, то есть смиренное, спокойное, высокое, обращенное к единому Богу настроение нашего духа. Кратко сказать, слезы по Богу сохраняют нас от страстей и нравственно нас созидают. А если таково значение слез, то нам остается только пользоваться ими, но не так бывает в действительности.

Прежде всего, дар слез дается не каждому. Другой и рад иной раз поплакать о своем окаянстве, да глаза у него сухи, на сердце черство. Но никто не лишен возможности приобрести дар слез. Христианину надлежит только поработать над собою, больше погрузиться в самого себя, восчувствовать все свое греховное состояние, чаще размышлять о Страшном Суде, чаще представлять себе милости Божии, наконец, молиться Господу о ниспослании дара слез, — и Господь за такое терпение отверзет хляби наших очес и даст благодатный источник слез. Нужно при этом помнить, что дар слез — дело весьма тонкое, нежное и его легко погубить, потерять нашей грубостью, и именно тогда, когда к нашим слезам примешается самомнение, тщеславие:

что, дескать, и мы плачем. Утрачивается также дар слез нашею излишнею телесною заботою, роскошью, многоречьем, излишним умствованием. А главное, можно тщеславиться слезами, что губит их, а потому относительно слез нужно сказать, что пусть не увесть шуйца твоя, что творит десная (Мф.6:3).

Наконец, кто-нибудь еще скажет, как совместить слезы христианина — это по-видимому скорбное чувство, — с заповедью апостола всегда радоваться. Относительно этого нужно сказать, что особенность слез по Богу именно та и есть, что они умиляют, умиротворяют, успокаивают наше сердце, иначе — слезы как сопровождаются тихим умилением, так в особенности оканчиваются духовною отрадою, свежестью всех духовных сил христианина и в этом отношении слезы по Богу ведут к той же радости о Господе, о которой говорит святой апостол.

В жизни своей христианин должен давать всему отчет, всему придавать нравственный смысл, на все иметь правильный, высокий взгляд. Плохо, когда человек не следит за собою, многое считает безразличным; этим путем вырабатывается малоценная, пустая по внутреннему содержанию личность. Что такое, например, смех? Может ли христианин безразлично относиться к нему, или же и смех для него не пустое дело? Сам по себе смех чисто физиологическое явление. При известных переживаемых человеком чувствах происходит движение мышц, которое и проявляется вонне тем, что у нас известно под именем смеха. Как физиологическое явление, смех имеет в нашей природе естественную, прирожденную основу. Но в природе человеческой грехом все извращено, все естественные проявления теперь несовершенны, а некоторые крайне грубы; это нужно сказать и относительно смеха. Откуда же он выродился, где его чистая, правильная основа?

Человеку свойственно переживать радостные, восторженные чувства при известных обстоятельствах, и вот это-то проявление восторженных чувств человека, при несовершенном своем отправлении, выражается в смехе. Смеется, можно сказать, греховный человек. Смех — принадлежность, свойство падшего человека. От смеха нужно отличать добрую улыбку, происходящую от чистой радости. Улыбается, например, человек при виде успеха, славы, совершения доброго дела другом. Улыбается мать, видя, как ее дитя старается стать на ноги; улыбается начальник от удовольствия, что преданный ему подчиненный прилагает к делу все свое старание. Во всех этих случаях улыбка, как выражение чистой радости, естественна и поистине безгрешна; она бывает тиха, кротка, спокойна и ничуть не обидна для того, кто ее вызывает. Но вот смеется греховный человек, и когда? Смеется он при безнравственных разговорах, смеется при виде и описаниях недостатков человеческих; смеется во время увеселений, смеется при каждом пустом обстоятельстве, и смех во всех этих случаях вполне греховное явление.

В самом деле, вникните в основу этого смеха, и вы увидите один только грех. Так, когда человек смеется при виде недостатков ближнего, то им руководит тогда чувство осуждения, злорадства, недоброжелательства к ближним, чувство самолюбия и гордости. Когда человек смеется при безнравственных разговорах, то очевидно он заражен сладострастием; когда человек смеется при всяком пустом случае, то это признак ветрености, крайней несерьезности. И этот смех, будучи сам по себе греховен, влечет еще за собою развитие нашей греховности. Так, смех приводит человека к бесстыдству, к большому загрязнению совести, к сладострастию, к блуду, а вместе с этим к удалению от нас благодати Божией. Угодник Божий Димитрий Ростовский говорит: «Остерегайся смеха. Смех собранное духовное богатство расточает; смех устраняет благодать Господню, погубляет память смертную, творит забвение Страшного Суда. Смех есть признак детского нрава, сластолюбивого сердца, слабой, немужественной души. Остерегайся же смеха, чтобы тебе не быть лишенным всякой добродетели, чтобы ты не был объят бесстыдством и не подпал под козни врага. Остерегайся смеха, чтобы тебе не сделать душу совершенно пустою, ибо смех делает холодным, бесчувственным сердце, отягчает душу, помрачает совесть, опечаливает Ангелов, веселит бесов, смех всякой дерзкой выходке причина, всякому греху пособник, блуду и всякой нечистоте руководитель» (Алфавит духовный. 2 часть, 7 гл.).

Трудно понять, как это люди, именующие себя православными христианами, могут сочувствовать

и одобрять графа Толстого. Это можно объяснить или полным незнанием воззрений Толстого и желанием следовать моде, быть передовыми людьми, неотсталыми, следовательно, одобрять все то, что современно, оригинально, ново, — или же сознательным отношением к его учению. Но в таком случае почитатели Толстого бесчестно прикрываются именем православных христиан, ибо они не христиане, а безбожники, как и сам Толстой. Вот, с одной стороны — наша Вера, упование, а с другой — измышление Толстого. Мы, православные, веруем, что есть Бог, Творец всего, Бог живой, личное Существо, что Он слышит наши нужды, что Он Отец и Промыслитель всех. По Толстому же такого Бога нет. В сущности, говорит Толстой, мы не имеем никакого основания предполагать Бога Творца и никакой нет в этом нужды. Бога Творца нет. Что же Богом называет Толстой (ибо в его сочинениях это слово также нередко употребляется)? Он употребляет слово Бог в своем собственном смысле; у него Бог — природа, вещество со своими силами и законами; вся природа Бог, а так как и я составляю часть природы, то и я часть Бога. Мы, далее, православные христиане, веруем в Святую Троицу; это главный пункт нашей веры. Он же ее отвергает. «Я отвергаю, — говорит Толстой, — непонятную Троицу...»

Мы, православные, веруем в Сына Божия, Спасителя мира, вочеловечившегося ради нашего спасения, страдавшего и погребенного и в третий день воскресшего. Мы не можем себе представить, как это возможно отвергать Искупителя. По мнению же Толстого, Господь Спаситель не есть Бог, второе Лицо Святой Троицы, воплотившийся Сын Божий, а простой человек. «Я отвергаю, — говорит Толстой, — не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о Боге, родившемся от Девы и искупляющем род человеческий...» Слышите ли, православные? Главное наше упование об искуплении нас, грешных, Христом Спасителем Толстой считает «баснею»!

Далее, для нас, православных, Святое Евангелие есть священнейшая книга, где Духом Святым через евангелистов записаны глаголы живота вечного. Ни одной йоты мы, православные, не дерзнем в ней изменить, исправить, помня заповедь апостола Павла, который говорит, что все потребное к нашему спасению сказано и записано, и если кто, даже Ангел, стал бы иначе проповедовать, чем они, апостолы, да будет тому анафема. Как же смотрит Толстой на Святое Евангелие? Для него оно обыкновенная человеческая книга, которую можно исправлять, и вот, он, Толстой, усмотрел в ней «много ошибок». Вот что он говорит о своем первом чтении Святого Евангелия. «Я находился, — читаем мы у него, — в положении человека, который бы получил мешок грязи...»[10] Можно ли дойти до большей дерзости! Какое кощунство! Толстой называет «грязью» все то, что не пришлось по вкусу ему, Толстому, в Святом Евангелии! А это именно: учение о Боге личном, Христе Спасителе, Его страдании и воскресении, загробной жизни, будущем суде и мздовоздаянии. Все это Толстой отвергает.

Для нас, православных, далее, святые апостолы, хотя и были простого звания, но они получили дар Духа Святого, были носителями Его, были богодохновенными писателями, и все в их писаниях истинно. Толстой же апостолов называет «людьми малообразованными и суеверными» и осмеливается даже заявлять, что апостолы «лгали», когда утверждали, что на них сошли огненные языки и что они видели воскресшего Христа. Для нас, православных, неизмеримое значение имеют Святые Таинства и особенно Таинство Тела и Крови Христовых. Толстой же над христианскими Таинствами смеется, и особенно над Святым Причащением. Стоит только прочесть в заграничном издании его роман «Воскресение», чтобы убедиться в ужаснейшем кощунстве неверующего графа[11]. Для нас, православных, большое утешение составляют чудотворные иконы и особенно Божией Матери. Сколько милости Божией изливается через них на нас, грешных. Возьмем, например, Иверскую икону Божией Матери. Толстой же все это отвергает и так ужасно выражается об Иверской, что даже нет возможности сказать, а это каждый может узнать из его сочинений, изданных за границей. Но довольно — очень уж оскорблено наше христианское чувство неизмеримым кощунством Толстого. Толстой — это в полном смысле безбожник.

Но как смотреть на то, что в своих сочинениях он говорит о Боге, Евангелии, правде, любви и других христианских началах? Граф Толстой в этом отношении оболстатель. Он воспитался и вырос среди христиан, которые живут указанными евангельскими началами, — как же можно

было привлечь Толстому к себе внимание, как не проповедуя о правде и любви, но только правде и любви не истинных, а своеобразных, толстовских. Уже Сам Христос Спаситель говорил и указывал на то, что не явно, не в своей одежде будут приходить вредные люди, а прикрываясь истиною. Берегитесь, говорил Господь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: «я Христос» и многих прельстят (Мф.24:4-5).

Посмотрите, не точно ли это предсказание о Толстом? Не он ли прикрывался словами: Бог, Христос, Евангелие, правда, любовь, не указывая, однако, истинного смысла их, — как, по слову Спасителя, волки прикрываются овечьей одеждой, чтобы не испугать сразу стада и не отвратить от себя? Не под именем ли Христовым пришел Толстой, называя себя христианином, объясняя Евангелие, проповедуя будто о Христе, и не прельстил ли он многих? Сам антихрист, по верованию Церкви, употребит тот же способ обольщения, завлекая сначала христианскими началами, а потом открыто восстанет на Христа. А если так, если через обольщения будут действовать антихристовы слуги, то делается страшно, ибо этот способ весьма тонкий, хитрый и опасный; можно незаметно для себя отдалиться от истины Христовой через обольщение. Но есть такие пункты нашей веры, держась которых, мы не можем быть одолены врагом. Эти пункты следующие: 1)вера в Святую Троицу, 2)вера в Спасителя как Богочеловека, нашего Искупителя, 3)вера во Святые Таинства, через которые подается нам благодать Божия, 4)твердое пребывание в ограде Церкви. Если держаться этих пунктов, никакой слуга антихристов нас не обольстит!

«Люблю я читать, — говорил мне однажды отец Иоанн Кронштадтский, — Слово Божие, ибо я ясно ощущаю, что каждое в нем слово написано священными писателями под озарением Духа Святого. Вспомнишь себя лет 30, 40 назад: не так мне это представлялось. Читаю, бывало, Святое Евангелие, а на сердце иной раз холодно и многое ускользало от внимания. Теперь же я читаю и, прямо вам скажу, духовный восторг охватывает мое сердце, так мне ощутительно присутствие благодати в Слове Божиим; мне даже представляется, что я читаю и впиваю в себя благодать Божию».

Слово Божие написано под озарением Духа Святого. Если это так, то с каким благоговением, с каким вниманием мы должны относиться даже к самым священным книгам. Место хранения для них должно быть там, где у нас ставятся святые иконы, а читать их нужно и в приличном месте, и в смиренном положении самого нашего тела.

Если Слово Божие проникнуто благодатию Духа Святого, то как полезно читать его людям больным, страждущим, скорбящим. В этом отношении действие Слова Божия хорошо сравнить с действием вообще святыни: святой воды, масла, лобызания чудотворных икон, мощей и т.п. Как во всех сих случаях мы освящаемся благодатию, так — и чтением Слова Божия. Благотворное действие оказывает оно, например, на страдающих алкоголизмом. Бывали случаи, что регулярное, ежедневное чтение Святого Евангелия исцеляло таких людей от болезни.

Скажи мне, не счастлив ли ты бываешь, присутствуя на Божественной литургии, когда около тебя незримо предлежит Сам Господь? Вспомни: при жизни Спасителя, когда видели Его проходящего, больные, слепые, прокаженные вопияли к Нему и получали исцеление. И ты, присутствуя на Литургии около того же Христа Спасителя, с верой вопий к Нему, и Он услышит тебя. Божественная литургия — это такая великая милость, что все остальное меркнет, а мы, имея в руках такое счастье, идем искать себе благо где-то на задворках у «братцев» и у каких-то предсказателей. Истинно слово, человек часто не знает данного ему сокровища!

— Что помогает пастырю сосредоточиваться на Божественной литургии? — спросил я батюшку отца Иоанна Кронштадтского. — Необходимо для этого с самого начала Литургии, — сказал он мне, — входить в дух Божественной службы. Поэтому-то я и стараюсь почти всегда сам совершать проскомидию, ибо она есть преддверие Литургии и ее никак нельзя выпускать из внимания. Подходя к жертвеннику и читая молитву «искупил ны еси от клятвы законныя...» я вспоминаю и сердцем переживаю великое дело искупления павшего человека, и в частности меня, грешника, от греха, проклятия и смерти Христом Спасителем. Вынимая частицы из просфор и полагая их на дискос: Агнца, в честь Божией Матери и девяти чинов, я мысленно созерцаю Небесную Церковь торжествующую. Вот Агнец — Единородный Сын Божий сидит на Престоле Славы, с правой стороны Его занимает место Пречистая Мать, а с левой — Предтеча Господень, пророки, апостолы, святители, мученики, преподобные, бессребреники, праведные и все святые. Окружая Престол Агнца Божия, они наслаждаются лицезрением Его и принимают участие в блаженстве. Это Церковь Небесная, торжествующая.

Затем я спускаюсь мыслию на землю и, вынимая частицы за живых и мертвых, Царя, Синод, весь священнический чин и всех православных христиан, представляю себе Церковь воинствующую, которой надлежит еще пройти жизненный путь, чтобы достигнуть небесного блаженства. И вот я призван быть пастырем, посредником между небом и землею, призван приводить ко спасению людей. Какая неизреченная милость Божия ко мне, и вместе как велик и ответственен мой пост, мое звание! Вот стоят в церкви люди, и я должен за них предстательствовать, за них молиться, их поучать и наставлять. Что же, холоден я буду к своему делу? О нет! Помогите мне, Господи, с усердием, со страхом и трепетом совершить сию Божественную литургию за себя и ближних моих. Так начинается Литургия, и я стараюсь не терять нити, не развлекаться посторонними помыслами, а сердцем переживать все воспоминаемое и терпимое, и творимое на Божественной литургии. — И батюшка отец Иоанн действительно переживал, что так заметно было и по его молитвенному виду, и по тем слезам, которыми увлажнялись во время службы его светлые очи...

Христианское любомудрие не оставило без описания и внешнего облика Христа Спасителя. Вот, например, как историк Никифор[12] на основании преданий описывает внешность нашего Господа. «Он был весьма прекрасен. Рост Его составлял полных семь пядей; волоса Его были светло-коричневого цвета, не слишком густые и слегка завивающиеся в мягкие локоны. Брови Его были темные и выгнуты и глаза Его как бы изливали из себя нежный золотой свет. Они были весьма прекрасны. Нос у Него был выдающийся; борода приятная, но не очень длинная. Волосы головы Он, напротив, носил весьма длинными, потому что ножницы никогда не касались их, как не касалась их и рука человеческая, кроме руки Его Матери, когда Она играла ими в Его детстве. Он немного был согбен, но тело Его было хорошо сложено. Цвет Его кожи походил на цвет созревшей пшеницы, а Его лицо, подобно лицу Его Матери, было скорее овальное, чем круглое, с небольшим оттенком румянца; но чрез Него проглядывали достоинство, разумность души, крепость и никогда ненарушимое спокойствие духа. Вообще Он очень походил на Свою Божественную и Непорочную Мать».

На западе легло в основу описания внешнего вида Спасителя письмо Лентула к римскому Сенату, найденное в конце XV века. Лентул в своем письме сообщает: «У нас явился и еще жив Человек великой добродетели, по имени Иисус Христос, называемый от Своих учеников Сыном Божиим. Он воскрешает мертвых и исцеляет больных. Он человек высокого роста и благородной наружности; вид Его важен и выразителен, так что, смотря на Него, нельзя не любить Его и вместе не бояться. Волосы у Него волнистые и кудреватые, немного потемнее цвета каштанов и сильно лоснящиеся там, где они спадают на плечи. Они разделяются на две стороны по обычаю назореев. Чело у Него гладкое и чудесно спокойное; на лице Его нет ни морщин, ни каких-либо пятен, а румянец делает Его щеки прекрасными. Нос и рот у Него совершенны. Он имеет густую коричневатую бороду в цвет Его волос, не длинную, но разделенную надвое. Глаза у Него яркие и как бы имеют различный цвет в различное время. Он страшен в Своих угрозах, спокоен в Своих

увещаниях. Человек любящий и любимый, бодрый, постоянно серьезный. Никто никогда не видел Его смеющимся, но часто видели плачущим. Руки и другие члены тела Его совершенны. Речь Его ровна и важна. Он смирен и кроток, прекраснейший из сынов человеческих».

Другие церковные писатели первых времен христианства, имея в виду сказание пророка Исаяи о Мессии: нет в Нем ни вида, ни величия, и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему (Ис.53:2), и слова в Псалтири: Все видящие Мя поругаются (Пс.21:8), — представляли Спасителя в виде уничиженном, без признаков личной красоты. Этот взгляд разделяли Иустин Философ[13], Климент Александрийский[14], Тертуллиан[15], Ориген[16] и др. Ориген, например, говорит: «Спаситель был мал ростом и несоизмерен, как и хуроден, и единственная Его красота была только в Его душе и жизни». Но пророчества имеют в виду уничиженное состояние страждущего Мессии и не дают нам твердых оснований заключать о непривлекательном внешнем виде нашего Спасителя. Ведь есть и иного рода ветхозаветные указания на Мессию. Например, Псалмопевец говорит: Ты прекраснее всех сынов человеческих (Ср.: Пс.44:3). Простое рассуждение, что внутренние качества души человеческой отражаются и вовне, особенно в глазах, дает нам право скорее думать, что внешний облик нашего Спасителя был именно отражением Его бесконечных нравственных совершенств — любви, милосердия, кротости, смирения, терпения. Если Господь Спаситель был совершенный Бог и совершенный человек, то наше нравственное чувство более удовлетворится признанием телесной в Нем красоты. Но не во внешнем виде Христа Спасителя все обаяние Его для душ человеческих. Нам образ Спасителя привлекателен по божественным, нравственным свойствам, какие Он в Себе воплотил. Нам дорог Христос как Испытатель наш, как Бог и Господь.

Любвеобильный Господи, Боже наш! Ты возлюбил нас до конца, даже до смерти, смерти же крестныя! Твоя любовь к нам безмерно велика! Чем же я могу Тебе отплатить за Твое великое ко мне снисхождение? Любовью же к Тебе! И я должен возлюбить Тебя всем сердцем, всею душою своею. Но слабое я создание! Плоть моя тянет к земле, хотя душа и ищет Тебя и хочет служить Тебе. Научи же меня, грешного, одному Тебе принадлежать, всю жизнь мою Тебе посвящать, быть Твоим и в жизни и в смерти. Перероди, Боже, мое гордое, грешное сердце, так часто противящееся воле Твоей; дай мне сердце новое, угодное Тебе, да будет оно полно любви, да пребудет в нем закон Твой и да почиет в нем мир Твой, Господи, вовеки!

Примечания

[1] Батюшка отец Иоанн Кронштадтский перед каждым служением Божественной литургии припадал к престолу и тайно исповедовался... и до тех пор молился, пока начинал чувствовать, что Господь прощает его... Преосвященный Серафим (Чичагов) (впоследствии митрополит, священномученик; память 28 ноября/11 декабря), состоявший, по его собственным словам, «в послушании отца Иоанна в продолжении тридцати лет» и часто ему сослуживший, пишет: «Вначале он усердно поминал у жертвенника всех живых и мертвых, со слезами молился о всех, дерзновенно просил Господа за скорбящих и страждущих, по временам отходил, потом опять возвращался и снова молился, становился на колени, обнимал дискос и видимо страдал вместе с людьми, за которых молился. Когда начиналась Литургия, он продолжал еще помянуть у жертвенника по многочисленным запискам, которые ему читались, но к чтению Святого Евангелия всегда возвращался на свое место и с полным вниманием прослушивал слово Божие, вникая во всякое слово, покачивая головою в знак непреложности и истинности благовестия. ...По пресуществлении Святых Даров в Тело и Кровь Христовы отец Иоанн совершенно преображался. Мысль о людях сперва как бы отлетала от него, он начинал славословить Господа, благодарить Его за бесконечное милосердие, за беспредельную любовь, за спасение рода человеческого... Затем отец Иоанн углублялся в молитву свою за верных, о которых ему надлежало с дерзновением просить Господа Христа. Бывали дни, когда он в эти минуты превращался в какую-то неподвижную тень, точно замирал, стоя на ногах, и лицо его из живого постепенно превращалось в бледное, а затем и в темное. Как только наступало время ему сказать возглас, он моментально приходил в себя, открывал глаза, и из них катились по ожившему уже лицу крупные слезы. В такие моменты его службы присутствующим делалось жутко и страшно» (Слово Преосвященного

Серафима, епископа Кишиневского, пред панихидою в сороковой день кончины отца Иоанна Кронштадтского // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский: Воспоминания самовидцев. М.: Отчий дом, 2004. С.678-679).

[2] Преподобная Мария Египетская (†521) — египетская подвижница VI в. Вела греховный образ жизни, но после вразумления свыше в Иерусалимском храме покаялась и стала просить Божию Матерь о наставлении на путь спасения. Услышав голос, повелевающий идти за реку Иордан, она поселилась в заиорданской пустыне, где в течение 40 лет вела подвижническую жизнь, оплакивая свои грехи, страдая от голода, холода, зноя и терпя всевозможные лишения. К концу жизни преподобная сподобилась благодатных даров. Старец Зосима, которому она открыла свою жизнь, пришел причащать ее перед кончиной и увидел, как подвижница свободно переходит реку по воздуху.

Память преподобной Марии Египетской почитается, кроме 1(14) апреля, в воскресенье и четверг 5-й седмицы Великого поста, когда на утрене совершается чтение Великого покаянного канона прп. Андрея Критского. Эта служба, известная под названием «стояние Марии Египетской», показывает постящимся высокий пример покаяния.

[3] Мученик Вонифатий (†290) — святой, пострадал во время гонений при Диоклетиане в III в. Вонифатий был рабом римлянки Аглаиды и состоял с ней в преступной связи, причем оба они сокрушались о своем грехе. Аглаида, пожелав иметь у себя в доме мощи мучеников, сказала об этом Вонифатию, который с радостью отправился в город Тарс в Киликию. Там, увидев мужество христиан, он пожелал пострадать за Христа, объявил себя христианином и был замучен в 290 г. Аглаида, узнав о мученической кончине Вонифатия, устроила церковь во имя его, в которой положила его мощи и начала вести жизнь в покаянии, смирении и воздержании.

Мученик Вонифатий имеет особую благодать в исцелении от недуга пьянства, курения и т.п. Память 19 декабря/1 января.

[4] Преподобный Кассиан Римлянин (IV в.) — родился около Марсея, во Франции. Воспитанный родителями в христианском благочестии, он еще отроком отправился в Вифлеем и постригся в монашество в одной из обителей. Подружившись там с неким иноком Германом, он путешествовал с ним по монастырям и скитам Египта, ища назидания у пустынников и терпя всевозможные лишения: носил ветхую одежду, ходил босиком, спал на рогожке и добывал необходимое для жизни собственными трудами. После Египта они посетили Константинополь, где поучались у святителя Иоанна Златоуста, который рукоположил Кассиана в сан пресвитера. На своей родине подвижник основал мужской и женский монастыри, оставил много сочинений. Память 29 февраля/13 марта.

[5] Преподобный Симеон Столпник (†459) — подвижник V в., родился в 390 г. в селении Сисан на границе Сирии и Киликии. С самого детства любил посещать храм, где внимательно слушал чтение и пение. Однажды он обратил внимание на слова Евангелия, в которых блаженными назывались нищие духом, плачущие и т.п., и попросил одного старца объяснить эти слова. Старец объяснил, и Симеон, оставив все, ушел в монастырь, где в 18 лет принял постриг. В обители он превзошел всех в подвиге поста, ибо не принимал пищи по нескольку дней. Слава о его подвигах быстро распространилась, и, чтобы избежать стечения к нему народа, подвижник устроил высокий столп, где

Часть вторая

Нечистые, блудные, плотские помыслы хорошо подавлять, рассеивать следующими духовными рассуждениями. Господь — Творец всего мира, а человек наилучшее Его создание и все в нем, в человеке, все члены его целесообразны и высоки, а потому ничто не должно возбуждать в нем скверных, грязных представлений и чувств. Отсюда если у тебя возникают дурные плотские помыслы, спешి обратиться мыслию к Господу, хвали Его за премудрое создание человека, хвали

Его как виновника всякой красоты в мире. Такими возвышенными представлениями и чувствами ты можешь приостановить течение нечистых помыслов. На иных же хорошо действует такое рассуждение: что телесная красота, она непрочна, скоропреходяща! Сегодня красив человек, а завтра он может обратиться в смердящий, отвратительный, безобразный труп. Стоит ли к такой ненадежной красоте прилепляться сердцем? Дурные помыслы часто являются у нас от нечистого взора, а потому храни свои очи, не позволяй им бродить по распутиям мира, не позволяй им искать человеческой красоты. Старайся так воспитать свои очи, чтобы они при взгляде на человека останавливались не на внешнем его облике, а проникали бы внутрь, в сердце, созерцали бы человеческое достоинство, духовные качества человека, его духовную красоту.

Что такое иметь страх Божий? — Это значит никогда не забывать, кто Бог и кто мы. Бог — Творец Мира, Судья и Мздовоздатель наш, человек же грешное, падшее создание, которое только и может спастись милостью Божию. И страх Божий великое значение имеет в деле нашего нравственного преуспеяния. Он удерживает нас от всего дурного, приучает нас к благоговению, смирению, кротости и чистоте.

Ты — немощной, а потому постоянно нуждаешься в благодатном подкреплении, нуждаешься в освящении святыней. Куда же тебе прежде всего идти, как не в храм к Божественной литургии, где видимым образом Господь каждый раз присутствует в Дарах Евхаристии? Здесь ты, стоя невдалеке от Самого Господа, кажется, все доброе можешь себе испросить.

Помыслы мешают нам сосредоточиваться на молитве. Как прекратить их течение, как отшибить их от себя? В обыкновенном течении жизни наше внимание останавливает что-либо выдающееся — сильный стук, яркий ослепительный свет, какая-нибудь громада и т.п. Попробуем применить подобное в жизни нашего духа. Текут ненужные и даже вредные помыслы, отвлекающие нас от духовного созерцания. Постараемся вызвать в уме, с переживанием в сердце, такие представления, как необходимость и неизбежность смерти, Страшный Суд, всевидящее око Господа, безмерную милость Его к нам, нашу преступность, выдающиеся случаи (тяжелые) нашей жизни, — и это отвлечет нас от житейского, ненужного течения мыслей и вставит нас в колею духовного созерцания. Мы не говорим уже о крестном знамении и призывании сладчайшего имени Господа Иисуса, чем, по опыту святых людей, лучше всего подавляются всякого рода нечистые, противные нашей духовной жизни помыслы.

Отсутствием терпения у нас расслабляется дух и мы все более и более делаемся неспособными к перенесению житейских невзгод. И наоборот, через терпение мы духовно укрепляемся, вырабатываем силу духа, мужество, благодаря которому легко препобеждаем жизненные препоны и достигаем успокоения. И не говори, что то или другое сверх моего терпения, ибо есть Промысл Божий, который не посылает нам испытаний более, чем сколько мы можем понести, а трудно тебе — обратись с молитвою к мученикам, которые являются образцами терпения, и они тебе помогут нести твой крест до конца.

...Аще сердце наше не зазрит нам, дерзновение имамы к Богу, и егоже аще просим, приемлем от Него, яко заповеди Его соблюдаем и угодная пред Ним творим (1 Ин.3:21-22). — Вот показатель, когда мы можем иметь дерзновение ко Господу, — это если мы имеем сердце чистое, свободное от страстей.

Аще кто узрит брата своего согрешающа грех не к смерти, да просит, и даст ему живот, согрешающим не к смерти. Есть грех к смерти: не о том, глаголю, да молится (1Ин.5:16). Значит, и молиться нужно с разбором. Дело все в том, чтобы молитвой мы ничуть не оскорбляли бы величия Божия, другими словами: чтобы молитва вся была исполнена святости, любви, преданности и веры в Господа — молитва должна совпадать с Промыслом Божиим.

...Овех убо милуйте разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе: обличайте же с боязнию, ненавидяще и яже от плоти оскверненную ризу (Иуд.22-23). Эти слова святого апостола в приложении к пастырям, наставникам, руководителям, начальникам убеждают в том, как разнообразно, смотря по душевному строю, по преступности, должно быть их отношение к руководителями. Не годится, например, для начальника такой образ поведения, как снисходительность, ласковость ко всем без исключения, — это может порождать злоупотребления и т.п. Одного поддержи, а другого накажи. Руководитель должен знать характер, наклонности руководимых, должен их любить бескорыстно и молиться за них — это будет способствовать правильному отношению начальника к подчиненным.

У тебя не должно быть заботы о том, чтобы достигнуть сознания, что ты преуспел. Трудись, борись со грехом, и больше ничего, и за твои подвиги Господь даст тебе блаженное состояние духа, когда ты будешь чувствовать мир, отраду в душе, а не сознание того, что ты преуспел.

Враг на каждом шагу ставит нам препоны и беспокоит дурными помыслами и пожеланиями. И ты на каждом шагу отражай его, гони его и бей молитвою, слезами, укорением, духовным бодрствованием.

Подвиги, пост, поклоны, воздержная во всем жизнь должны проистекать не из намерения этим угодить Господу, ибо в таком случае всегда может быть опасность впасть в самомнение, что мы-де, кажется, угодили уже, а из глубокого сознания нашей греховности, нашей нищеты духовной, нашей скверны, требующей постоянного очищения постом, молитвою и всякого рода добродетелью. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Пс.50:19).

Всякого рода нечистые помыслы, греховные движения сердца — суть обнаружения нашей испорченной духовной природы. Как тело наше слабое, немощное, то там то здесь испытывает боль, колики, стреляния, так и в духовной нашей стороне проявления всякой скверны естественны, коль скоро душа наша испорчена; и эти проявления, как необходимые, не есть еще грех; они делаются таковыми, когда мы их принимаем, ими услаждаемся, даем им развиваться. И как тело оздоравливается питанием, воздухом, лекарствами, так и больная душа наша исцеляется воздухом благодати Божией, Таинствами, духовным врачевством.

Отец Иоанн Кронштадтский, по словам близко его знавших, в молодости по временам испытывал необычайную тугу душевную и это, как он объяснял, оттого, что его в это время оставляла благодать Божия, но он не ослабевал и продолжал молиться так: ты, Господи, меня оставишь за

грехи, но я не отойду от Тебя и неотступно буду молить о помиловании. Вот образец для нас молитвы и любви ко Господу.

Мы можем говорить, учить сообразно с верою православною, но не быть в ней утвержденными. Надо насадить в своем сердце твердый корень веры, надо достигнуть того, чтобы вера совпала с разумом и сердцем, надо, чтобы разум и сердце оправдывали веру. И этого можно достигнуть путем духовного делания, внутреннего переживания всего относящегося к вере; тогда в нашем разуме само собой будет появляться оправдание веры, подыскиваться нужные доказательства, а сердце непрестанно станет вещать: как по духу мне вера, как она отрадна, как она спасительна. Кто достигнет сего, у того вера наполнит все его внутреннее существо и она будет бить ключом, будет живою струею, а не холодным только знанием.

Тем или другим угодникам Божиим приписывается подаяние помощи нам в определенных болезнях и делах — по следующим причинам. Одни из угодников сами страдали тою или другою болезнью, тем или другим искушением, испытанием, борением, и — так как благодатию Божиею они препобедили все это, то, как искушенные, могут и нам помогать. Другие брали на себя тот или другой подвиг при жизни в деле служения ближним — защиту неповинных, лечение больных, попечение о бедных и странниках, и по смерти они являются теми же помощниками, что в иных случаях бывает весьма разительно (Пантелеймон Целитель). Иные святые испрашивали у Господа благодати и милости помогать людям в известном именно случае. Например, священномученик Харалампий^[17] молился, чтобы Господь ниспосылал плодородие земле там, где его молитвенно будут призывать на помощь и вспоминать его честные страдания за Христа.

Духовные, аскетического содержания книги не могут во всей полноте заменить старчества. Они, книги, могут оказать услугу только в выработке правильного духовного мирозерцания, а старчество есть живая сила, воспитывающая человека-христианина в этом созерцании.

Праведность может быть, так сказать, формальная, безблагодатная, основанная на природных дарованиях. У такого человека не бывает глубины смирения, а потому не преисполняет его сердце и благодать Божия. Опыт показывает, что часто падения разбивают эту холодную праведность и как бы способствуют праведности живой, благодатной, ибо, преткнувшись, человек пребывает в смирении, которое является необходимым условием в деле нашего спасения. Что же скажем — без падений не обойдешься, или, как говорят, «не согрешишь и не спасешься»? О нет! Спаси Господи всякого человека от греха. Это милосердный Господь так печется о нас грешных, что даже самые козни врага нашего спасения, самые его ухищрения и наши падения обращает для нас затем во благо. Сам же человек должен идти ко Господу всегда положительным путем, путем глубокой веры и любви к Нему, что способно воспитывать в нас все лучшие качества души, приводит к доброделанию и приближает нас ко Господу настолько, что Он, Господь, Своею благодатию пребывает в нас и мы в Нем. Аминь.

Как относиться к посещающим нас скорбям: без рассуждения принимать их и нести, или же должно быть ведение их, то есть исследовать, отчего они произошли, какую пользу, какой урок можно для себя извлечь от них и т.п.? Задача христианина — духовное устройство сердца, вселение внутрь себя Царства Божия, — вот и рассуждай: если ведение скорбей даст тебе плюс в этом отношении, то хорошо и ведение, но бывают случаи, когда покорно, без рассуждений, скорей принимай скорби и неси их с терпением и молитвою ко Господу. Скорбь сама по себе, как скорбь,

имеет в духовной жизни воспитательное значение; прими ее и неси, а ведение, рассуждение иной раз только отвлечет нас от дела. О том, что это ведение может ввести во вредное борение, — например, мы можем вообразить, что несем скорби незаслуженно, что наши скорби равны скорбям святых, — о всем этом мы уже и не говорим.

Священнослужители при совершении молений и Таинств являются посредниками передачи благодати Божией другим. Участвуют ли сии священнослужители в утешении благодатию, ими передаваемой? — Апостол Павел к Тимофею пишет: Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства (1 Тим.4:14). Благодать священства апостол Павел называет дарованием, которое несомненно может развиваться, укрепляться, усиливаться у пастыря, если он не нерадит о сем даровании. И вот, молитвы пастыря, совершение им Таинств — и суть для развития пастырского дарования моменты, когда сие дарование, благодать священства приходит в духовное движение, так сказать, «взыграет» в нем, особенно, если он усердствует в священнодействии, что и может переживаться пастырем как благодатное утешение.

Далее, благодать, ниспосылаемая Господом на верующих в том или другом Таинстве, не может не задевать сердце пастыря и по закону духовного общения сердец. Один радуется — и я, ему сочувствующий, радуюсь. Кается духовнику человек, благодать Божия разрешает его от греха, ему от этого легко — и сердце пастыря это чувствует и также преисполняется благодатного утешения. А главное, такая близость благодати Божией при совершении Таинств пастырем, когда она, так сказать, бывает как бы в его руках, может ли бесследно проходить для него? Добрый пастырь обязательно ее ощущает. Как счастлив поэтому всякий пастырь Христовой Церкви! Он ради верующих, пасомых, постоянно близок к благодати Божией, спасающей, милующей, утешающей. Не неради только, говорит святой апостол Павел, о своем даровании, и ты всегда можешь быть преисполненным благодати Божией.

Как смотреть на неверие людей, часто совершенно несведущих в делах веры, необразованных, юных, не знающих ни истории Церкви, ни ее исповедания? Каждый христианин бывает в жизни особенно чем-нибудь борим: один блудною страстию, другой пьянством, а иной — вот именно, неверием. Это тоже своего рода вражье, демонское наваждение на человека, а потому неверие хорошо применить к хульным помыслам, и борьба с неверием должна быть та же, как и с хульными помыслами, то есть побеждай неверие оружием, против которого оно восстает, — святыней, молитвой, не обращай внимания на неверие, не останавливайся мыслию на нем, пренебрегай помыслами неверия и т.п. Изложенное мнение о неверии хорошо подтверждает то обстоятельство, что часто неверием бывают, как мы сказали, одержимы люди совершенно незрелые, так что их неверие смело можно называть несознательным.

Что нужно всегда иметь в виду начальнику? Быть прямодушным, то есть говорить, не стыдясь, правду всем; иметь силу воли в проведении добрых и нужных начал; не выходить из себя; не удивляться неисправностями, а спокойно принимать меры к пресечению зла; не действовать по пристрастию и, главное, быть добрым примером для других.

В духовной жизни большое значение имеет самоукорение. Оно облегчает, прежде всего, нести скорби. Случилось со мною что-либо скорбное: если я не стану укорять никого, возлагать вину на другого, а сам себя обвиню, внутренне скажу, что я достоин всего скорбного, то этим самым обличу себя и без смущения, с некоторым спокойствием, перенесу для меня трудное, тяжелое, так что можно сказать: укорение себя доставляет успокоение, умиротворение нашего духа.

Самоукорением подавляются, так сказать, притупляются наши страсти, наши грехи. Самоукорение для страсти то же, что вода для огня, — водой заливается огонь, самоукорением страсти.

Самоукорение развивает тонкость различения нравственно доброго от скверного, дурного, так что у кого нет самоукорения, у того притуплено познание доброго. Самоукорение развивает, укрепляет смирение, ибо кто укоряет себя, тот все, что ни случается с ним доброго, будет считать делом Божия Промысла, а злое — за грехи наши. Самоукорение ведет к взаимному миру. Если бы все укоряли себя, то водворился бы мир, все бы мирствовало друг с другом и, наоборот, — укоряя друг друга, мы посеваем вражду и неприязнь. Самоукорение дает нам спокойно переносить оскорбления, не чувствовать их. Самоукорение есть узда, сдерживающая проявление, движение в нас всего дурного. Самоукорению противоположно самооправдание, которое развивает в нас тщеславие, самомнение и гордость.

Не дурных помыслов нужно бояться, а содружества с ними нашего сердца. Всякому дурному помыслу сердце должно отвечать: я не хочу тебя, я не принимаю тебя.

Батюшка отец Иоанн Кронштадтский, когда я был у него и в беседе в кабинете спросил, как предохранять себя от самомнения и тщеславия, — взял со своего письменного стола Библию, раскрытую на 14 главе пророка Исайи, в которой говорится о низвержении Денницы, первого Ангела, с неба за гордость, прочитал мне ее и потом сказал: «Часто я прибегаю к чтению сей речи пророка и поражаюсь, как легко пасть с высоты духовной до ада преисподнего, и этим чтением предохраняю себя от самомнения». И действительно, я не мог не заметить, что лист Библии указанной главы пророка Исайи был крайне изношен и, по всей вероятности, за частым его чтением. Мне даже показалось, что батюшка в этом месте держит Библию всегда открытую, и это на меня произвело неизгладимое впечатление.

Хорошо, когда человек зрит только свои немощи, свои прегрешения и не осуждает ближнего, — этим достигается спокойствие собственного духа и доброе отношение к нам других.

Блажен, кто единого Господа возлюбил, к Нему обращены всегда мысли, с Ним соединено сердце. Постоянно поэтому следи за собою, не предпочитаешь ли ты что-либо паче нежели Бога, не изменяешь ли Ему, не оскорбляешь ли Его какими-либо иными привязанностями.

Что такое иметь внимание к себе? Внимать себе — это значит постоянно, неуклонно бодрствовать над собою, следить за движениями своих помыслов и чувств и всему давать отчет: что плохо, то отвергать, изгонять, укорять себя, а на благоговейных, молитвенных, святых мыслях и чувствах останавливаться и в них пребывать.

Добрые христиане часто жалуются на трудность жизни в миру среди соблазнов, пороков, развращения и суеты. Но знаешь ли ты, христианин, что тебе скорбями и подвигами надлежит войти в Царство Небесное? Вдали от мира тебе нужны для спасения пост, коленопреклонения, постоянное бодрствование над собою; в миру же, если ты не приражаешься к соблазнам, терпишь и страдаешь от окружающего тебя развратного мира, ты являешься своего рода мучеником и знай, что каждая твоя слеза, каждый твой вздох, выпускаемый от притеснения развращенного мира, стоит многих подвигов и постов. Мученики за Христа претерпевали видимые гонения, страдания и

утеснения от мучителей, а ты, живя среди развращенного мира, тоже терпишь утеснения, но только не телесные, нравственные... И ты также мученик!

Многие недоумевают, каким образом Господь попускает неверным, злым людям оскорблять и даже уничтожать святыню. Так, например, было в Курске, где злодеи думали уничтожить чудотворный образ «Знамение» Божией Матери [18] посредством взрыва; так было недавно в городе Казани, где дерзкая рука святотатца похитила образ Казанской Божией Матери [19]. Мало того, иногда Сам Господь действием сил природы, например, посредством землетрясения, скрывает от нас святыню. Где искать причину этого явления? Прежде всего — в наших грехах. Видно, мы бываем недостойны святыни, вот она и берется от нас. Так было и в Ветхом Завете. Некогда богобоязненный Израиль имел дорогую святыню — Кивот Завета со скрижалями, стамной и жезлом прозябшим, имел он величественный храм для молитвы, но вот он постепенно лишается своих великих святынь — сначала Кивота Завета, а затем и храма. Непокоримо и справедливо слово Божие: Не дадите святая псом, ни пометайте бисер пред свиньями (Мф. 7:6). Так и мы по грехам можем лишаться дорогой святыни, чего только не дай никогда, Господи! Что же сказать о людях добродетельных, о людях, преданных всею душою Сладчайшему Господу Иисусу? Господь всегда с ними. В страшных случаях гонения за веру, во время общего людского развращения Господь награждает преданных Ему людей благодатным духом ревности, твердости, терпения, духовным миром, внутренним сопребыванием Своим с ними, а это ли не счастье, это ли не поддержка и утешение!

Сегодня меня посетил один человек, который принят в высших кругах Петербурга и о котором говорят как о блаженном человеке. Много рекомендуют нам людей за блаженных, а иные сами себя выдают за таковых. Общение с такими людьми не безразлично; они могут нас подчинять своему влиянию, могут действовать на нашу нервную систему и т.п., а потому интересно, хотя приблизительно, знать признаки истинно блаженных и мнимых.

- 1) Первые имеют более или менее постоянное, ровное, высокое, духовное настроение; о таких можно сказать, что они как бы всегда пребывают в Боге, и если они молятся, то молятся мирно, спокойно, безмятежно. Вторым более свойственна нервозность, быстрота, искусственная религиозная экзальтация по временам.
- 2) Отсюда у последних часто небрежное, неблагоговейное, порывистое отношение к святыне, к совершению крестного знамения, к молитве пред едой и после и т.п., они могут даже забывать о религиозном долге лучшего христианина, вроде снятия шапки в известное время и т.п.; в истинно блаженных людях — этого не проявляется.
- 3) Мнимо блаженные показывают себя и как бы ищут мира, первые так ведут себя, что они как будто бы скрываются от мира и мир их ищет и никто не может упрекнуть их в искании популярности и известности.
- 4) Хорошо узнаются блаженные по их исповеданию, отношению к Церкви. Например, характеристической чертой истинно блаженных является — полная преданность их Церкви Святой Православной, постоянное окормление себя Церковью и ее уставами, так что в этом отношении они являются вернейшими и самыми нежными сынами Церкви. О каких-либо недочетах церковных они не говорят. И это понятно почему. Истинно блаженные живут положительною стороною Церкви, ею утешаются, ею питаются, и эта положительная сторона так переполняет их внутреннее существо, что им не остается ни времени, ни желания касаться сторон отрицательных.
- 5) Мнимо блаженные, будучи наэкзальтированы, бьют по нашим нервам и как бы гипнотизируют доверчивых, так что таковых начинает болезненно тянуть к ним. Мнимо блаженные приковывают к себе, так что без рассуждения начинаешь защищать их и как бы уже боишься им изменить, а

духовного оздоровления, успокоения они все-таки не дают; истинно же блаженные, в общении с ними, переполняют наше сердце тихим веянием благодати и наше желание видеть их бывает не болезненным, а приятно-умилительным.

Неиспорченному, нормальному человеку свойственно благодарить за оказываемые ему благодеяния. Чувство благодарности коренится в сердце человека. В обыденных, житейских, людских отношениях принято благодарить за всякие услуги, и если не всегда бывает это от сердца, то почти всегда по требованию внутреннего приличия, по принятому тону взаимных отношений; в противном случае можно заслужить имя неблагодарного, грубого, невоспитанного человека. Итак, мы благодарим людей, нам это свойственно. Не то же ли чувство благодарности, только в бесконечно больших размерах, человек должен иметь к своему Творцу и Господу? И чувство благодарения Богу — необычайно благотворно. Оно нормирует всю нашу внутреннюю духовную жизнь и парализует множество греховных движений нашего испорченного сердца. Ропот, уныние, тоска, зависть, осуждение, клевета, раздражительность, дерзость, заносчивость, — все это развивается у нас на почве неблагодарного сердца, равно как спокойствие духа, отрада, благожелательство, смирение, кротость, милосердие бывают у того, кто умеет благодарить Бога и людей.

Один лютеранин, расположенный к Церкви Православной, однажды меня спросил: «На чем вы основываете почитание мощей праведников?» Мне пришлось ему ответить: на почитании и любви к Господу, — даже такое положение можно поставить: чем сильнее я люблю Господа, тем более я должен почитать мощи Его угодников, и это вот почему. Праведник всею душою любил Бога, а Бог его. Он шел навстречу праведнику, переполнял его внутреннее существо благодатью Святого Духа, вселился в него в Таинстве Святого Причащения. И вот, если мы любим Господа, то не должны ли благоговеть и пред тем, кто всего себя отдавал на служение Ему и в ком всегда пребывал Сам Господь? Как любимые сосуды любимого нами Господа, мощи праведников естественно и являются у нас предметом благоговейного почитания.

В мире физическом мы видим: с одной стороны — красоту, а с другой — безобразие. Красота — это чудные виды природы, зеленеющие луга, благоухающая поля, стройные леса и т.п.; безобразие — нечистые места, ужасные бездны, бесплодные пустыни. То же и в мире духовном: красота — это добро; безобразие — порок, всякий грех. И кто не любит красоты природы? Кто не старается все внешнее измерять именно этой красотой? Вот пред тобою красивый сад с чудными цветами и скверное, нечистое место... Куда ты пойдешь, чего пожелаешь, что доставит тебе удовольствие? Ясно: благоухающий сад, который вызовет в душе твоей восторг, удивление, наслаждение, а от нечистого места ты отворишь свой взор, в сердце испытаешь неприятное чувство.

То же должно быть и в мире духовном. Добро мы должны любить, к нему стремиться, его искать, а от порока, греха бежать и удаляться. Но не так бывает в действительности. Мы едва прикасаемся к добру и гораздо в большей мере погрязаем в грехе. Посмотрите на жизнь нашу частную и общественную. Она подчас бывает прямо-таки безобразна. Пьянство, разврат, курение табаку, убийства, ссоры, грабежи, всякого рода грубость, нахальство, дерзость переполняют нашу жизнь, а в сердце у нас живет гнев, раздражительность, злопамятство, зависть, ревность, неверие и всякое зло. И удивительно, как человек не хочет пользоваться добром! Ведь в нем его блаженство, утешение, духовное наслаждение.

Возьмите, например, воздержание. Воздержный чувствует легкость во всем теле, пользуется здоровьем и бывает духовно свободным. А вот — пьяница, курящий табак, чревоугодник... У пьяницы все тело пропитано алкоголем, его всегда сосет червь, понуждающий непрестанно тянуться к пагубному вину; курящий никогда не дышит чистым, благоухающим, Богом созданным

воздухом, ибо курение пропитывает все его жилище, всю его одежду, весь его организм; чревоугодник никогда не испытывает легкости в теле, ибо чревоугодие делает его грузным, тяжелым; пары поднимаются из чрева его, волнуют кровь, ударяют в голову и производят страдания желудка. Кажется, что тут хорошего? А между тем, сколько и пьющих, и курящих, и невоздержных в пище и питии!

Или вот, — целомудрие. Это такое небесное сокровище, такой райский цветок, такое благоухающее миро, что должно бы человека всецело прельщать, а между тем, мы опять больше тянемся в грязь плотскую. А что такое плотские грехи, пусть скажет совесть каждого: это отвратительные, растлевающие душу и тело состояния...

Или вот, — смирение. Как привлекательно, как умирительно, как очаровательно оно! В нем заключаются и скромность, и простота, и обходительность, и любезность, милосердие и доброта, в нем сокрыты благоразумие и духовная мудрость.

Но не больше ли мы склонны к гордости, тщеславию, самолюбию и превозношению? А гордость — ведь это сатанинский грех, исчадие всякого греха. Гордый напыщенный человек и сам непокоен, ибо вечно он бывает в возбуждении, — то от гнева, то от злобы, то от зависти, то от обид и огорчений, и людям он невыносим и тяжел. Кто заставляет страдать ближних, обижает малых, слабых и простых, не входит в положение несчастных? — Гордый! — Кто осуждает, поносит, возбуждает против Бога, царя и добрых людей? — Гордый! — Кто производит смуты, ереси, расколы, секты? — Все гордые люди. — Что же это значит? Нравственной красотой мы не пользуемся, ее не ищем, к ней не стремимся, а порок, всякий грех и беззаконие обладает нами. Вы скажете: удобопреклонность ко греху делает все это? Да, и апостол Павел также мудрствует: не понимаю, что делаю... желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу... в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих (Рим.7:15-23).

Сильно мы влечемся ко греху. Как губка бывает пропитана водой, так мы всякою скверною. Но у нас есть Искупитель, Христос Спаситель, Восстановитель падшего Адама, Который даровал нам все, что потребно к нашему животу и благочестию (Ср.: 2 Пет.1:3). Тот же святой апостол Павел говорит: Вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе (Флп.4:13). Постарайся воспользоваться всем, что тебе, как христианину, Господь даровал: поверуй в Господа, поведи трезвую, трудовую жизнь, будь покорным сыном Святой Церкви, чаще исповедуйся в своих грехах, с верой принимай Святые Тайны, и ты духовно возродишься. Тогда тебе и на ум не пойдет пьянствовать, курить табак, развратничать, ты станешь все больше и больше приобретать вкус к нравственно доброду, тебя будет пленять чистота жизни, смирение, милосердие, кротость, воздержание, — словом, ты полюбишь нравственную красоту и возненавидишь грех.

Впечатление от общения с отцом Иоанном Кронштадтским было неотразимое. Это поистине был жених евангельский (См.: Мф.9:15; Лк.5:34-35): так легко, так духовно-свободно при нем чувствовалось! Причаститься на его службе Святых Животворящих Тайн было весьма утешительно. И нужно было как бы спешить, чтобы не потерять случая воспользоваться с ним вкусить небесной Трапезы. И если обычно требуется для этого большое говение (в смысле времени), большое воздержание (в смысле поста), то при нем весь центр тяжести был в духовном воодушевлении, в духовной свободе. Таково уж свойство благодати Божией, что она изливается не на внешнюю праведность, а на смиренное сердце, свободно кающееся и любящее Господа.

Если кто ударит тебя в щеку, обрати и другую; или кто заставит тебя идти одно поприще, иди с ним и два (Ср.: Мф.5:39-41). Здесь идет речь о внутреннем расположении нашего сердца, то есть ты никакого зла не помни, все ближнему прощай, никакой злобы на него не имей. Но это не значит — не уничтожать зла, не бороться с ним, не противиться ему. Всякое зло требует уничтожения, но

только добром побеждай злое (Ср.: Рим.12:21). Самое уже неимение в сердце зла на ближнего есть его скрытое уничтожение. Но что такое добро? Кто может определить: что добро и что зло? Все ли сходятся в определении добра и зла? Добро познается неиспорченным сердцем, зрится духовными очами в отдельности каждым. Но каждый человек грешен. Важен поэтому авторитет Церкви, непорочной Невесты Христовой. Сам не можешь разобраться, что добро и что зло, что дозволено и что нет, — прислушивайся тогда к голосу Святой Церкви, к мнению святых Божиих человеков, руководимых Духом Святым.

Господь наш Иисус Христос часто уединялся на молитву и оставлял народ (См.: Лк.5:16). Уединение имеет большое значение в духовной жизни. Последняя цель наша — покой в Боге. И вот в уединении мы, оставаясь сами с собой, нестесняемые уже никакими внешними приражениями, лучше начинаем распознавать свой внутренний мир, свое внутреннее существо, в котором отобразился образ Божий, беспрепятственно можем входить в беседу со своим Творцом и Первообразом. А что сказать относительно Господа Иисуса Христа, в Котором заключена вечная Божественная жизнь с Отцом и Духом Святым? Как, несомненно, велико для Него было уединение!

Добрые христиане как бы утомляются, живя среди порочных и дурных людей (См.: 2 Пет.2:7-8). Вспоминаются мне при этом рабы Божии, которым приходится работать на фабриках, мастерских и т.п., среди постоянного богохульства, пьянства, разврата, курения табаку, сквернословия. Рассказывают они, бедные, про свою горькую жизнь в такой обстановке, и начинаешь живо чувствовать, как действительно можно страдать, когда близ тебя совершается всякая скверна; поистине здесь получается утомление, изнеможение.

Христианину пребывать в истине помогает помазание, которое каждый получает от Духа Святого при Крещении. Только не заглушать нам нужно, а поддерживать его силу верою в Сына Божия, пришедшего во плоти, любовью друг к другу, исполнением заповедей Божиих. Тогда с нами будет пребывать это помазание и мы легко будем распознавать истину (См.: 1 Ин.2:20-27).

Можно читать Слово Божие для знания и для назидания. Но только тогда ты его можешь безошибочно понимать, когда читаешь в том и другом смысле, то есть воспринимаешь умом и переживаешь сердцем. Как же довериться поэтому ученым холодным богословам, пусть даже они будут профессора духовных академий? Если они читают Слово Божие одним только умом, не авторитетны их толкования.

Отец Иоанн Кронштадтский после совершения Божественной литургии любил уединяться. И понятно: переживая на Евхаристии великое дело нашего спасения, и больше того — принимая Самое Тело и Кровь Господа, он стремился как можно больше насладиться сим единением с Господом, чему столь способствует уединение.

Внешний, окружающей нас мир дает нам пищу для суетных, нечистых, скверных помыслов и чувств. Хороший, например, дом богача возбуждает в нас зависть, красивая женщина — блудные помыслы и т.п. И если это мы испытываем — ясный признак низкого уровня нашего духовного роста. Так воспитывай свое сердце, чтобы внешний мир возбуждал в тебе только возвышенные,

чистые, добрые помыслы и чувства. Глядя, например, на природу, прославляй Творца; видишь богатство, роскошь, говори: как велик человек в мироздании, когда он всем может обладать, — словом, от мира собирай себе духовное сокровище.

Как безобразен, тяжел и невыносим грех блуда! Люди, имевшие несчастье впасть в него и потом Господом призванные к покаянию, в особенности это сознают. Они с ужасом вспоминают о нем, и готовы всему миру поведать об его безобразии и тяжести для души. Помни это, человек, который благодатию Божиею сохраняешься от плотской скверны, и храни свое целомудрие как неоцененное, ничем в мире непокупаемое сокровище.

Духовное, высокое, доброе устройство требует, чтобы его поддерживать, иначе оно может быстро понижаться. Как струны в инструменте постоянно надо подтягивать, так и устройство духовное, чтобы его иметь ровным, высоким, обращенным к Господу, нужно непрерывно подогревать молитвою, трудом, воздержанием, укорением, частою исповедью и Причащением Святых Тайн. Без этого наше настроение скоро переходит в плотяное, нечистое.

Брось всякие сомнения и искания относительно веры во Христа Спасителя. Внутри своего существа ты имеешь требования нравственного закона, ты чувствуешь, что они не земные, а небесные, Божественные. Христос Спаситель эти требования указал в наивысшем, недостижимом, совершенном виде, как никто никогда из людей; значит: Он — Бог, ибо ты сам же согласен, что только Бог есть источник всесовершенного добра.

Когда Господь призовет тебя к покаянию, ты увидишь всю скверну своих грехопадений, сознаешь все свое ничтожество, возгрей тогда крепкую веру и любовь ко Господу, проси Его помиловать тебя, окаянного, растворяя это моление надеждою на милосердие Божие. Но вот пройдет время, Господь примет твое покаяние, ты поисправишься, станешь жить по-доброму, и у тебя вдруг станут всплывать помыслы: зачем ты допускал в жизни своей тяжкие грехи, если бы их не было, ты, может, был бы поставлен Господом в чине девственников и т.п. О, не допускай этих помыслов! Приглядишься к себе: это у тебя начинают проявляться превозношение и мечтание. Не о том думай и скорби, что ты не можешь быть в таких-то небесных обителях, а только умоляй Господа дать тебе, недостойному и многогрешному, хотя бы самое последнее место в Царствии Небесном, только бы тебе не лишиться лицезреть Милосердного Господа в будущем веке.

Когда ты много спишь, ешь, гуляешь, то хотя твое здоровье поправляется, твой организм крепнет, внешний человек цветет, но внутренний подавляется, понижается. Так, прежде всего ты начинаешь испытывать плотскую брань. Пусть в бодрственном состоянии ты отражаешь ее, но в сонном не избежишь нечистых воображений. Теперь выбирай: лучше ли тебе пользоваться здоровьем и быть нечистым, блудным, скверным, или же — быть слабым, немощным, но чистым, невинным по мыслям? Не жалея поэтому, если ты слаб телом, несешь много трудов, не имеешь времени для телесного отдохновения, этим ты много предохраняешь себя от плотской брани.

Помни, пастырь и всякий, кто дал обет служит одному только Господу: мир, от которого ты отрекся, будет стараться по-прежнему тебя привлечь к себе, тебя опутать своими цепями, как паук опутывает своей паутиной попавшую к нему букашку. Ты, добрый пастырь, должен быть

свободно-независимым от мира и его привязанностей. Люди, например, будут искать с тобою духовного общения. Если ты не тверд духом, будешь бояться оскорбить отказом таких искателей, станешь идти им навстречу, то выйдет, что тобою окончательно завладеют и — один будет требовать частых с тобою бесед, другой посещения, третий поддержки и покровительства; и все это, по-видимому, под благовидными предложениями молитвенного общения, но в существе дела часто по простому человеческому пристрастию. Вот тут-то и должна быть твердость духа, независимость от кого бы то ни было, свобода твоих действий, которая должна быть вдохновляема служением одному только Богу, одному добру. Мир будет говорить и требовать от тебя одного, а ты свободно делай другое. Тебя, например, будут упрашивать: посетите наш дом, нашу семью, а ты, если все поверяешь Господом, смело и решительно говори: нет, не посещу, или же: посещу, но только завтра и т.п. Словом, кто желает искренно служить славе Божией, должен вырабатывать в себе силу духа и быть свободным и независимым от мира и цепей его.

Для того чтобы бороться с самомнением, тщеславием и духовною гордостью, постарайся составить о себе мнение как о несовершенном и немощном, убедись, как ты убеждаешься относительно разных явлений мира, что ты действительно слабое и немощное существо. Для этого приведи себе на память прежние недочеты, хорошо поразмысли о живущих и прирожденных тебе несовершенствах, обрисуй свою личность, какова есть, и убедись наконец, что действительно ты немощной человек. Пусть после этого тебя хвалят и превозносят, пусть появляются и всплывают у тебя самого самолюбивые и тщеславные помыслы, — всему этому внутренно, от сердца, искренно протестуй, держи крепко ответ в уме такой: говорите мне, что хотите, хвалите меня, как знаете, не верю я ничему этому, ибо знаю себя лучше вас и ничем меня не разубедите, — именно знаю, что я крайне немощной и грешный человек.

Не удивляйся и не осуждай, если люди не выносят искушений и падают. Хорошо тебе, когда ты свободен от этих искушений и не испытываешь их. Но кто знает, если бы ты подвергся этим искушениям, то вынес ли бы их?

Если ты случайно ошибешься, допустишь неловкость в присутствии других, а пастырь, например, ошибется во время церковной службы и ты смутишься, станешь досадовать на это, особенно если тебе заметят, тебя поправят, то знай, что это смущение исходит от твоей гордости, самомнения о своих достоинствах и знаниях. Нет, ошибся — смирись сейчас, подумай так: эта ошибка показывает, как я несовершен, как мало у меня знаний, какая у меня слабая память, а поправили меня — спасибо им, что меня поддержали, выручили из беды.

Что такое смирение? «Смирение, — говорит преподобный Симеон Новый Богослов[20], — есть как бы некрадомая сокровищница, устрояемая в том уме, который носит убеждение, что только силою благодати имеются в нем добрые качества» (Слово 94).

Что такое кротость? «Кроткий, похвалами ли окружен или порицаниями, хранит себя бесстрастным и ни похвалами не превозносится, ни порицаниями не огорчается» (Прп. Симеон Новый Богослов).

У нас часто возбуждается смех от неловкостей, недостатков и ошибок окружающих. Удерживай

его мыслию, что, может быть, ты еще больше достоин смеха, а ведь тебе неприятно, когда над тобою смеются.

Если брат твой ошибется и ты засмеешься и поспешишь поправить его — помни: ты осуждаешь его и воображаешь, что больше его знаешь, что ты этой ошибки не допустил бы, что ты лучше и совершеннее твоего брата.

Имя Господа Иисуса должно возбуждать в нас умиление, тихую радость, отраду. В самом деле, ведь это имя нашего Искупителя, нашего Спасителя. Мы не можем безразлично относиться к лицам, которые нас любят, благодетельствуют и покровительствуют нам. Напоминание и даже самое имя их нас уже радует, утешает. В бесконечно большем виде это нужно представить относительно сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа.

Нам одна достопочтенная игуменья говорила, что она с юных лет так возлюбила святителя Иоанна Златоуста[21] за его духовную мощь и творения, что уже самое имя «Иоанн», когда бы и где бы оно ни произносилось и ни встречалось, умиляло ее. «Читают, например, в церкви помянник и поминают Иоанна, Иоанна... сердце мое, — говорила она, — уже трогается. Случится мне встретить на бумаге, письме, конверте это имя — то же самое: я умиляюсь». Вот как могут добрые души любить угодников Божиих и соединять свое сердце с их светлым образом.

Для сосредоточенного и проникновенного служения Божественной литургии большое значение имеет подготовка к службе, вычитка положенного пред служением правила. Чем внимательнее и воодушевленное мы его читаем, тем проникновеннее служим Божественную литургию.

Если ты дерзаешь принимать Святые Тайны на Литургии, то подумай, как тебе следует подготовить дом души своей для этого. Он должен быть у тебя пометен и убелен. Вспомни, как ты готовишься к встрече высокого гостя? Ты суетишься, волнуешься, убираешься, ожидаешь, одеваешься. Живо представляй себе пред Святым Причащением, что ты должен принять Самого Господа, и уж постарайся все усердие употребить к достойной встрече Его.

Если мы обратим внимание на свое сердце, то увидим, что в нем нет теплой, умилительной, чистой любви к Господу. Проблески этой любви по временам, пожалуй, и бывают, но общее расположение сердца нашего холодное. И нужно знать, что полная любовь к Господу есть дар, который приобретается долгим молитвенным подвигом. Один, например, старец стяжал этот дар только после тридцатилетнего усиленного искания его. Сей старец постоянно молился, чтобы Господь дал ему хотя одну минуту насладиться этою любовью. И вот однажды, во время болезни, после Святого Причащения объял его пламень сей любви к Господу, и явилось в сердце у него такое расположение, что он готов был уже на всякую болезнь, скорбь и страдание, только бы не лишиться этой любви. Кто имеет сей дар любви к Господу, тот благодушен, спокоен, мирен, добр, кроток, назидателен и приятен.

Так называемое бесстыдство проявляется у того, кто нравственно развратился, кто уже не

считается ни с какими требованиями нравственного приличия. Если мы обратим внимание на жизнь современного общества, то заметим, что это бесстыдство у нас проявляется в сильной степени. Безнравственные пьесы, безнравственные картины и т.п. льстят современному обществу, и это значит, что оно крайне развратилось. Но, говорят, стыд есть признак развращенного сердца, чистые не смущаются ничем дурным. Правда, можно достигать сравнительного бесстрастия. Это внутреннее чувство такого рода, что при нем сердце освобождается от скверны и настолько отвыкает от нее, что если и на стороне замечает что-либо бесстыдное, не приходит в раздражение. Нужно при этом знать, что бесстрастие само никогда не подает повода к тому, что может возбуждать стыд. Мы же сами производим бесстыдные поступки, интересуемся бесстыдными зрелищами, ищем их и одобряем; и это явный признак, что мы утопаем в безнравственной грязи.

Что смерть продолжает существовать на земле — в этом благо и для грешников, и для праведников. Для грешников — она является пресечением зла, а вместе с тем и смягчением вечного их осуждения, уменьшением геенского огня; для праведников же — смерть есть приобретение (Ср.: Флп.1:21), то есть переселение из этой плачевной юдоли земной ко Господу, к Которому уже здесь стремится всякая добрая христианская душа. О, бедный я человек! — восклицал апостол Христов, — кто избавит меня от сего тела смерти! (Ср.: Рим.7:24).

В аскетических книгах и в беседах о вещах духовных часто употребляют выражение: «иметь нечувствие духовное». Это значит — иметь духовное разлечение и как бы разочарование, в частности, не замечать уже своих грехов, своих недостатков и не стараться об их исправлении; и наоборот, прийти в чувство — значит духовно бодрствовать, живо интересоваться духовною жизнью, возболезновать о грехах своих.

Надо благодарить Господа и за искушения и скорби, ибо в них мы испытываемся в любви ко Господу, ближе становимся к Нему, а в этом вся цель жизни христианина — шествовать ко Христу, Спасителю нашему. Вот почему и говорит апостол Христов: Всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна (Иак.1:2); возлюбленные! убеждает другой апостол, огненнаго искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете... Только бы не пострадал кто из вас как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь (1 Пет.4:12-16). Так, не сетовать надо от скорбей, а хвалиться скорбями (Рим.5:3). — Дух славы, Дух Божий почивает на страдальцах за имя Христово (Ср.: 1 Пет.4:14). Да и что такое скорби наши?! ...думаю, говорит апостол, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас (Рим.8:18). Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем (2 Тим.2:11-12).

Ты молишься лениво, невнимательно, рассеянно и даже с внешним неприличием, например, облокотясь, передвигая ногами и т.п. Спроси себя: зачем ты так молишься? Неужели, так молясь, мнишь даже получить что-либо от щедродательного Владыки? Знай же: не пользу, а вред себе ты приносишь такою молитвою, ибо, стоя пред Тем, Которому Ангелы служат со страхом и трепетом, ты обнаруживаешь неуважение, дерзость, обман, нечистоту, презорство, оскорбляешь величие Божие, а чрез это, конечно, навлекаешь на себя осуждение и гнев Божий. Бойся такой молитвы и исправляйся.

Когда ты бываешь свидетелем страшной грозы: грома, молнии и других ужасных, потрясающих и грозных явлений природы, то не чувствуешь ли себя слабым, ничтожным существом, малым червем во всем мироздании Божиим, и не возникает ли у тебя невольно мысль о Всемогущем и Всесильном Творце мира?.. Покорись же, гордый человек, Господу Богу, Всесильному Творцу Миродержцу, и прославь Его величие и силу.

Некоторые боятся грозы до истерики и болезни. Что относительно этого сказать? Иметь благоговейный страх ко Господу в грозу и молитвенное приподнятое настроение — это необходимо и похвально. Но крайняя боязнь и малодушие недостойны христианина, верующего в Промысл Божий. Ты благоговей, молись Творцу мира и в то же время оставайся с чувством глубокой веры, что ты не один, а с Господом, под покровом Его, и надейся, что Он тебя помилует и сохранит.

Бывает иногда, что добрые люди смущаются, когда за свои честные и добросовестные дела и поступки и исполнение долга встречают со стороны злых людей недовольства и проклятия, и при этом так скорбят, что готовы бывают поступиться даже назад в пользу своих зложелателей. О, не бойтесь, честные люди, никакого проклятия! Знайте, что оно недостойно человека-христианина: не мстите за себя, возлюбленные, увещает апостол, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь (Рим.12:19; Втор.32:35). А потому за всякое проклятие человек должен дать ответ Богу. Затем, помни, что произнесенное на тебя незаслуженно проклятие возвращается на голову того, кто его дерзнул изречь. Ты же только воздохни ко Господу, дабы Он сохранил тебя от всякого зла. Если же ты из боязни проклятий пойдешь против совести, долга и справедливости, то этим, конечно, отступишь от Господа и дашь пищу злу, которое должно быть пресекаемо при всяком случае.

Утвердись в истине Божества Спасителя и в любви к Нему, и ты этим приобретешь дерзновение у Него. Ты тогда будешь учеником Господа, близким Ему; и что только не попросишь, даст тебе, как Своему родному, близкому, ибо Он силен, Он Бог, лишь бы твое прошение не выходило из требований нравственного миропорядка.

«Огонь похоти» — так в аскетических писаниях и молитвах обозначаются движения блудные в нашем теле. И действительно, как огонь быстро появляется, например, от спички, трения и т.п., и жжет, так и в нашей плоти от нечистых представлений, прикосновений и взоров быстро возгорается похотливость, как огнем поражает все наше внутреннее существо и как бы проходит по всем составам нашего тела. Отсюда выражение: распалиться похотию, разжженные стрелы лукаваго угасить (Ср.: Еф.6:16).

Пчела, ужалив, умирает — так и человек, который наносит вред ближнему, вредит своей душе, ужаливает ее и как бы духовно умирает (Мысли свт.Иоанна Златоуста и свт.Тихона Задонского[22]).

Как я Тебя, Господи, огорчаю, оскорбляю своим духовным нечувствием, леностию, привязанностию к удобствам жизни и всякою душевною и телесною скверною! За что же это? За то ли, что Ты — все для меня: Ты — моя сила, Ты — моя слава, Ты — мое богатство, Ты — мой

Бог, Ты — мое радование!

Вера, как и любовь, не дается сразу и легко; ее нужно искать, ее добиваться, и только со временем, после усиленного духовного делания, вера овладевает всем нашим внутренним существом и делается для нас жизненным нервом, целью нашего бытия.

Когда ты видишь пороки, грехи ближних, то имей такое чувство — чтобы не отделять себя от этих порочных людей... Не воображай, что между ними и тобою целая пропасть: они порочны, а ты свят, а представляй себя как одного из таковых грешников и плачь о грехах других, как о своих собственных. Во время земной жизни Спасителя случилось однажды в Иерусалиме, как повествует святой евангелист Лука, такое несчастье: обрушилась и упала башня Силоамская, убивши при своем падении восемнадцать человек галилеян. А в другой раз разгневанный Пилат велел казнить в храме Иерусалимском некоторых галилеян, когда они приносили жертвы, и, таким образом, кровь этих несчастных смешал с кровию жертв их. Некоторые люди пришли тогда к Господу Иисусу и рассказали Ему о происшедшем с явною, очевидно, целью обелить и выставить себя праведными пред Ним, в противоположность тем погибшим, якобы тяжким грешникам. Господь выслушал эту печальную весть и в назидание всем грядущим поколениям изрек такие грозные слова: ...думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете (Лк. 13:1-5).

Преподобный Симеон Новый Богослов пишет: «То, что написано об иных мирских делах, читающие могут понимать и сами, но вещей Божественных и спасительных никому невозможно понять или понимать без просвещения от Святого Духа».

Сушит человека не только пост, воздержание, болезни, но и внутренние похоти плотские и страсти, например, зависть, гнев и т.п. Поэтому-то присмотришься к себе: отчего ты так худ и слаб здоровьем — не вредит ли тебе внутренняя скверна?

Человек похотливый, с нечистыми блудными движениями и помыслами — все равно что гниющий, исполненный зловония сосуд, а целомудренный, чистый — то же, что букет благоухающий или алавастр с миром.

Можно различать три рода людей: плотских или плотяных, душевных и духовных. Кто такие плотяные люди — это понятно, они живут по плоти, предаются плотским страстям и в них погрязают. Душевные — это те, которые руководятся умом и сердцем, но в их естественном состоянии, как они проявляются в нашем греховном существе. Это многие современные ученые, разные изобретатели, социалисты, гуманисты и многое множество современных людей. Духовные — это те, которые, по апостолу Павлу, водятся Духом (Ср.: Рим.8:14). Такие люди свой ум и сердце поверяют светом Христова учения и озарены бывают благодатию Всесвятого Духа Божия.

Есть так называемые неисповеданные грехи, с которыми многие живут в течение многих лет, а может быть, и всей своей жизни. Хочется иной раз их открыть духовнику, да уж слишком стыдно о них говорить; так и проходит год за годом, а между тем они постоянно тяготят душу и готовят ей вечное осуждение. Иные из сих людей бывают счастливы: приходит время, Господь посылает им духовника, отверзает уста и сердца сих нераскаянных грешников, и они исповедывают все свои согрешения. Нарыв таким образом прорывается, и сии люди получают духовное облегчение и как бы выздоровление. Однако, как надо бояться нераскаянных грехов! Жизнь наша, по апостолу, что пар (Ср.: Иак.4:14): сегодня мы живы, а завтра готов нам исход. Куда же мы спрячем там свои грехи?

Можно быть внутри исполненным всякой скверны и нечистоты, хотя вовне и казаться приличным.

Всякий пастырь Христовой Церкви твердо должен знать, что его влияние на пасомых прямо пропорционально его собственной жизни. Чем добродетельнее, выше, чище его жизнь, тем сильнее его влияние на пасомых, равно как и наоборот. Поэтому пастырь невысокой духовной жизни — то же, что бесплодная смоковница, которую ожидает Божие посещение. О пастыри, убоимся сего суда Господня!

Из всех грехов, которые духовнику приходится выслушивать на исповеди, удобнее всего сообщается ему зараза от грехов против целомудрия. Выслушивая плотские грехи, пастырь легко может одолеваться худыми помыслами. Ввиду этого он должен иметь особое попечение о закреплении себя в целомудрии и чистоте. В частности, хорошо духовнику, во время открытия на исповеди грехов плотских, творить молитву Иисусову, тогда скверна не так внедряется в сердце его, а следовательно, он может этим себя застраховывать от борения.

Исповедь сближает, роднит духовника с духовными детьми. Как поэтому делаются понятными такие названия, как духовный отец, духовные дети. Как любящая дочь и сын в трудную минуту на груди любящей матери готовы откровенно и безбоязненно излить всю свою скорбь, так «искренние» духовные дети уже не скрываются от своего духовного отца и ему готовы поверять все свои сердечные тайны. Больше того — духовный отец часто бывает ближе и дороже родного отца и матери.

Часто стыд и застенчивость удерживают от полной, подробной, откровенной и искренней исповеди, особенно это нужно сказать относительно девиц и людей благородного звания. Духовник хорошо это должен знать и употреблять все усилия к тому, чтобы подавить эту застенчивость в исповедующихся, расположить их к себе, возбудить доверие, вызвать на откровенность. Кроткое, любвеобильное отношение к кающемуся, так называемая благодать духовника много в этом помогает. Хорошо также духовнику выяснять, что должно стыдиться грехов, а не покаяния. Напротив, покаяние есть победа над самим собою, есть победный трофей, так что покаявшийся достоин всякого уважения и чести.

Центр всего делания пастыря есть служение Божественной литургии. Служи, пастырь, проникновенно, с верою, переживанием и полным усердием Божественную литургию, и при этом как можно чаще; этим ты привлечешь к себе пасомых, которые, присутствуя при таком служении,

будут и сами исполняться благодати Божией и духовно созидаться. Жизненный опыт показывает, что все прославленные пастыри отмечаются именно как ревностные служители Божественной литургии. Сия последняя есть источник, напояющий сердца верных Духом Святым. И представьте, как хорошо было бы, если бы побольше находилось пастырей, сосредоточивающих свое внимание на Божественной литургии! Тогда в разных местах нашего отечества забили бы живые ключи, богато изливающие благодать Божию на верных.

Что такое богомыслие? Оно заключается в размышлении о Боге как Творце и Промыслителе мира, о человеке — создании Божиим, о его внутреннем мире и о тайнах нашего спасения. Богомыслие спасительно. Оно способствует выработке в нас духовного устройства, закрепляет в нравственных, высоких мыслях и чувствах и утверждает нас в вере, надежде и любви к Богу.

Пресвитер должен получать особенное благословение от архипастыря на исповедь приходящих к нему христиан.

Как смотреть на смену духовников? Общее правило должно быть такое: без уважительной причины не следует менять духовника. А что можно назвать уважительной причиной? Перемена жительства пастыря и через это затруднительное с ним общение, неизлечимая болезнь пастыря. Все эти причины понятны. Но насколько допустимо по нравственным побуждениям переменять духовника? Говорят, например, что этот духовник не располагает к искренней исповеди, стыдишься ему все высказать, а тот пастырь не назидает и т.п., между тем как к такому-то пастырю влечется сердце, так как он духовно-опытный, благодатный? Прежде всего нужно знать, что никто не приходит к духовнику, если Отец Небесный не привлечет его. Высоконравственные побуждения всегда одобрительны, искания нравственной пользы кто не похвалит, если действительно это так? Нужно остерегаться только человеческих пристрастий, низких побуждений, каковые, к сожалению, часто имеют место и при переменах духовника.

Сегодня прочитал знаменательные слова святого Иоанна Златоуста. Сей угодник Божий в беседе 15-й толкования на Евангелие от Матфея в 8-м стихе пишет: «Если мы будем жить добродетельно, то хотя бы вся вселенная говорила о нас худо, и тогда будем счастливее всех и привлечем к себе всех, желающих спастись. Подлинно, глас добродетели громче всякой трубы и жизнь чистая светлее самого солнца, хотя бы число злословящих было значительно. Ибо если мы будем иметь добродетели, если будем кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, то мы взирающих на нас привлечем этим не менее, как и чудесами, и добровольно все устремятся к нам». Жизненный опыт постоянно подтверждает эти слова святителя Иоанна Златоуста. Смотрите, как, например, злословили в последние годы отца Иоанна Кронштадтского. Но рядом с этим несметные толпы народа при жизни шли за ним, да и теперь идут к дорогой могиле его.

Что сказать о гневе и раздражительности? Раздражительная сила часто находится с силою похотною, а потому, кто желает достигнуть безгневия, тот должен уцеломудрить себя, побороть и утихомирить силу похотную. И еще: гневливость порождается от нашего стремления к покою, лени, чувственным наслаждениям; все, что мешает этому, вызывает у нас раздражение. И еще: гневливость порождает наша гордость, превозношение, высокое мнение о себе; что противоречит этим нашим страстям, нас раздражает. И еще: раздражительность является у нас вследствие болезненного состояния, например, усталости, когда дух у нас слаб и не в состоянии господствовать над нашим настроением.

Молитва Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго» поставляется святыми отцами-подвижниками в основу духовного делания. И это понятно почему. Разберите сию молитву по словам: в ней мы призываем Господа Иисуса Христа, нашего Спасителя, нашего Искупителя, исповедуем Его Сыном Божиим, выражаем, далее, свое греховное состояние и просим Господа нас, грешных, помиловать, — а во всем этом заключается тайна нашего спасения. Поэтому, читая молитву Иисусову, и не только читая ее, но и переживая, мы этим самым свое внутреннее существо держим в пределах самого высшего духовного созерцания. Святые подвижники опытом дознали необычайную силу молитвы Иисусовой, ее чудодейственность. Помни это.

Различают три вида или степени молитвы Иисусовой. На первой степени молитва Иисусова называется трудовой, делательной, устной, телесной, так как она здесь производится только телесными членами: устами и языком, а потому называется еще и словесною. В этой молитве ум и сердце почти не принимают участия; однако уже самое произношение молитвы Иисусовой, ввиду ее Божественной силы, имеет значение: такая молитва является как бы охраною против всего злого, совне к нам приходящего, охраною против козней князя мира сего.

На второй степени молитва Иисусова называется умственною или «умною», и это потому, что она здесь производится с участием ума, рассудка. Ум во время этой молитвы, как выражаются святые подвижники, уже держится в словах молитвы, то есть читая ее, человек понимает, останавливает свое внимание на словах молитвы. И так как наш ум обыкновенно парит в представлениях и образах суетного мира сего, то на этой степени молитва Иисусова удерживает наш ум от этого парения.

На третьей степени молитва Иисусова называется умно-сердечною или внутреннею, — это когда она овладевает уже нашим сердцем и, таким образом, совершается с внутренним переживанием. В это время молитва Иисусова проникает своим содержанием все наше существо и делает человека духовным; тогда мы бываем в сердечном сочетании с Господом нашим Иисусом Христом и проникаемся Божественным светом. Для выражения существа молитвы на этой третьей степени святые отцы-подвижники употребляют выражения: «ум заключить в сердце», «соединить ум с сердцем», «творить молитву умом в сердце». Смысл всех этих выражений следующий: твори молитву Иисусову умом, то есть внимательно, так, чтобы твой ум всецело был ею занят, ничем не развлекался бы, а выражение в «сердце» — означает: переживай, чувствуй сердцем то, что читаешь, а не будь только холодным, бездушным в это время мыслителем.

Представим себе все сие подробнее. Читая молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», останови все мечтания и помыслы; ни о чем постороннем не думай, а только пусть ум твой держится на словах сей молитвы, то есть говори и понимай каждое слово молитвы: что такое «Господи», что — «Иисусе Христе», что — «Сыне Божий», что — «помилуй мя грешнаго». Когда же ты ум соединишь с сердцем, то последует уже переживание читаемого, то есть ты не просто, холодно будешь говорить и понимать «Господи», а станешь исполняться чувств веры, любви, надежды, благоговения, страха Божия. Говоря: «Иисусе Христе», будешь чувствовать Иисуса Христа как Сладчайшего нашего Искупителя, Милосердного и Всеблагого, и это возбудит в твоём сердце умиление и благодарение к Господу. «Сыне Божий...» опять вызовет соответствующие переживания. Говоря: «помилуй мя грешнаго», — восчувствуешь всю свою духовную нищету, всю свою греховность, и возымеешь единственную надежду на спасение в Господе Иисусе Христе...

Правда ли, что некоторые от молитвы Иисусовой расстраивали свой ум и впадали в духовную

прелесть? По свидетельству святых отцов и как говорит жизненный опыт, возможно и сие. Всякое духовное делание может иметь неправильный ход и развитие. То же нужно сказать и относительно молитвы Иисусовой. Так, когда ты займешься сею молитвою, можешь приобрести навык в ней и у тебя прекратятся дурные мысли и желания. И вот тут-то является опасность возомнить о себе как о делателе молитвы Иисусовой, как о чистом, безгрешном человеке. Чтобы этого не случилось, нужно всегда иметь в виду, что не приобретение только навыка молитвы Иисусовой и не прекращение внутреннего борения должно быть целию, а достижение от молитвы Иисусовой совершенных результатов, каковыми можно назвать — тихое, благодатное соединение нашего сердца с Господом, при глубоком, покаянном, смиренном о себе мнении. Без этого всегда может быть опасность духовного самообольщения. Иначе говоря, всегда надо бояться духовной гордости, ибо она приводит в ничто все наши подвиги, всю нашу внутреннюю работу.

В человеке святые отцы-подвижники различают ум, сердце и дух. Ум и сердце грехом повреждены, и человеку-христианину надлежит задача их очищать светом Христовым, их одухотворять. Что же касается духа, то это та искра Божества, которая и в греховном человеке никогда не умирает, это та его внутренняя часть, в которую вложен образ Божий. В ней таится идея Божества, и из нее вырастает и ею питается духовная жизнь человека. Через дух человек входит в единение с Господом.

Иногда ты желаешь себе здоровья в тех видах, чтобы, пользуясь им, более ревностно и успешно служить Господу. Но не всегда так бывает. Одним, действительно, здоровье как бы помогает служить Господу и исполняться небесных, возвышенных мыслей и чувств; для других же оно может служить только тормозом в духовном делании; оно волнует кровь, притягивает к земле, так что ты вместо того, чтобы иметь и развивать духовную жизнь, начинаешь ползать по земле, как какое пресмыкающееся... Поэтому верь, что Господь лучше знает, что для тебя полезней: здоровье или болезненное состояние организма, а потому спокойно довольствуйся тем здоровьем, какое Господь тебе даровал.

Истинный духовник должен иметь следующие нравственные качества: начитанность в Слове Божием и в святоотеческих творениях, духовную опытность, молитвенный дар, истинную ревность о спасении душ, добродетельную жизнь. Пороки, которых всякий духовник должен остерегаться, — следующие: холодность, или небрежность в своем деле, пристрастие, корыстолюбие, самомнение и самовосхваление, слабость или излишняя строгость.

Мы приходим на исповедь с намерением получить прощение грехов от Господа Бога чрез священника. Так знай же, что исповедь твоя бывает пуста, бесцельна, недействительна и даже оскорбительна для Господа, если ты идешь на исповедь без всякой подготовки, не испытав своей совести, по стыду или другой причине скрываешь свои грехи, исповедуешься без сокрушения и умиления, формально, холодно, механически, не имея твердого намерения вперед исправиться.

Некоторые умудряются иметь несколько духовников с таким расчетом, чтобы одному говорить одни грехи, а другому — иные. Есть и такие, которые не дорожат духовниками, а стараются перебрать их как можно больше, оправдывая себя тем, что не попадут на хорошего. Все это — плод внутренней сердечной распушенности.

Часто подходят к исповеди не подготовившись. А что значит подготовиться? Испытать усердно свою совесть, вызвать в памяти и восчувствовать сердцем свои согрешения, решиться все их без всякой утайки поведать духовнику, в них покаяться, и не только покаяться, но и впредь их избегать. А так как часто память нам изменяет, то хорошо делают те, которые на бумагу заносят вспомняемые грехи. А о тех грехах, которых ты, при всем своем желании, не можешь вспомнить, не беспокойся, что они тебе не простятся. Ты только имей искреннюю решимость во всем покаяться и со слезами проси Господа простить тебе все твои грехи, яже помнишь и яже не помнишь.

Сокрушение — необходимое условие для исповеди. Но как часто исповедуются без этого чувства! Признаки отсутствия, сокращения следующие: когда кто открывает свои грехи как бы с некоторым бесстыдством, говорит о них как об обыкновенных, безразличных делах, извиняет свои поступки или слагает свою вину на других и не желает предпринимать средств для прекращения грехов, доказывая, что он не может отстать от тех или других своих недостатков.

На исповеди недостаточно пересчитывать свои грехи, ибо в таком случае в тво

Часть третья

Какие признаки истинной любви? Она, прежде всего, простирается до самопожертвования. ...Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную (Ин.3:16). Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин.15:13)... Добрые христиане такую любовь и стараются воспитывать в сердце своем. Поразительна была в этом отношении любовь первых христиан. Епископ Киприан Карфагенский[23] свидетельствует, что когда в Александрии появилась страшная болезнь — чума и жители от страха бежали от мертвецов, одни только христиане ухаживали за больными и хоронили умерших, и этим самопожертвованием приводили в удивление язычников, которые невольно начинали прославлять Бога христианского. Всегда ли будет самопожертвованием, если кто из-за ближнего и ради ближнего лишает себя жизни? Да, если кому-либо угрожает смерть и ты жертвуешь своею жизнью, например, спасаешь утопающего, бросаешься в огонь, чтобы спасти горящего, — это все проявления высокой любви христианской, простирающейся до самопожертвования. Но вот, если влюбленный лишает себя жизни от неудачи, невозможности брака и т.п. и другого вовлекает туда, якобы ради вечной любви, то это будет не самопожертвованием, а самоубийством и гнусным убийством другого. Вот, если бы ты все меры употребил спасти от подобного замысла человека, хотя бы тебе было необычайно трудно, — то была бы настоящая любовь, простирающаяся до самопожертвования.

Второй признак истинной любви тот, что она вечна, никогда не прекращается. Господь, раз возлюбив мир, не перестает его любить. Человек пал; кажется, оставалось его только истребить, но Господь Своего Единородного Сына посылает на спасение наше. И добрые христиане такую непрестанную любовь и возгревают в сердцах своих. Недавно нам Пришлось быть свидетелями этой любви. Был в Москве добрый пастырь отец Валентин*. При жизни он многих привлек к себе, ибо помогал нуждающимся, утешал скорбящих, приводил к покаянию грешников. Теперь он умер. Кажется, можно было бы и забыть о нем. А нет: любящие его духовные чада продолжают ходить на его могилку и жить доброю памятию о нем. В этом любовь непрестанная.

* Протоиерей Валентин Амфитеатров (1836-1908); похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. — Ред.

Третий признак истинной, небесной любви тот, что она исключает совершенно нелюбовь к кому-

либо, то есть нельзя, например, одних любить, а других нет. Кто имеет святую любовь, тот весь переполнен ею. Я могу скорбеть, жалеть, что такой-то полонен страстями, привержен злу, худо поступает, но не любить человека как Божие создание я не могу и должен быть готов при всяком случае проявить к нему эту любовь.

Четвертый признак истинной любви тот, что любовь эта в одно и то же время направляется к Богу и ближним, находясь в такой связи, что кто любит Бога, тот непременно любит и ближнего, и — наоборот: кто любит ближнего, тот непременно любит и Бога, как об этом и говорит святой апостол Иоанн Богослов (См.: 1 Ин.4:20).

Мы наблюдаем в жизни, что многие оставили веру, забыли Бога, и это верный признак, что у таких оскудела любовь к ближним. Правда, современные неверующие часто толкуют об уравнении прав людей, ратуют за бедных, словом, показывают вид, что они любят братьев. О, не верьте им! Такие люди только на словах любят, но не на деле. Напротив, они влекут ближних к несчастьям, потерям, скорбям, смутам, расстройству семейной и общественной жизни. Апостол Иоанн ясно сказал: Не любяй Бога, как может любить ближнего? (Ср.: 1 Ин.4:20) — и это непреложная истина. А поэтому, хочешь проверить ближнего, действительно ли он тебя любит, — испытай его, любит ли он Бога и, если нет, то он и тебя не любит. Внутренним свойством истинной любви является то, что она свята, спокойна, мирна, безмятежна, смиренна, как и говорит святой апостол Павел, что любовь долготерпит, милосердствует, не завидует и т.д. (1 Кор.13:4-7) и, как таковая, она возбуждается у нас Духом Святым, тогда как любовь низменная, естественная происходит от движения нашей плоти и крови и приносит нам одно только страдание.

Как смотреть на лечение? Лечиться можно, но так, чтобы не было в этом случае ущерба вере в Господа, не было бы пристрастия к лечению. Поэтому, болящий, имей такое расположение сердца: все в руках Божиих — и смерть моя, и жизнь. Но Ты, Господи, все дал на службу человеку: Ты даровал нам и врачебную науку, и докторов. Благослови же, Господи, обратиться к такому-то доктору и умудри его помочь мне! Твердо верю, что если Ты, Господи, не благословишь, то никакой доктор мне не поможет. Нужно при этом знать, что есть такие болезни, в которых ясно можно усматривать волю Божию. Мы имеем в виду неизлечимые болезни, хотя бы, например, рак печени и т.п. Спрашивается: можно ли в подобных болезнях решаться на предлагаемые операции? Кажется, не следует. Лучше бы верующему христианину в таких случаях примиряться с болезнями и смотреть на них как на посылаемое Господом Богом очистительное испытание.

Из дневника отца Иоанна Кронштадтского можно видеть, как он был внимателен к своему сердцу. Он постоянно следил за собою, следил за наплывом человеческих помыслов, чувств и желаний и немедленно всему этому давал отпор, именно: он не принимал ничего худого, и не только не принимал, но постоянно каялся в своих недочетах, сокрушался о своем несовершенстве. За такое вольное и постоянное исповедание Господь обвеселял его сердце, отец Иоанн видимо успокаивался духом, чувствовал, что ему прощаются все прегрешения, за что он далее и благодарил Господа.

Возлюби смирение, ибо посмотри, как оно велико. Смирение привлекает благодать Божию. Смирение убивает гнев и раздражительность. Смирение избавляет душу от всякой страсти и всякого искушения. Смирение дает возможность спокойно переносить скорби и несчастья. Смирение облегчает самые тяжелые труды. Смирение возгревает молитвенный дар. Смирение предохраняет от нравственного падения и воздвигает от падения тех, кои имели несчастье пасть. Смирение ведет к покаянию. Смирение — это корень для духовного преуспевания: оно воодушевляет к добродетели и умножает ее. Смирение располагает к тебе людей. Смирение разрушает самомнение, тщеславие и бесовскую прелесть. Смирение порождает все дары Святого

Духа: духовную опытность, мудрость, воздержание, терпение, любовь, благоразумие, обходительность, искренность, чистосердечие, милосердие. Смирение — путь к святости. Смирение наполняет душу радостью и покоем о Господе.

Мы, христиане, имеем обыкновение осенять себя крестным знаменем. Но посмотрите: до какого небрежного отношения доведен этот обычай! Одни исполняют его как попало, по привычке, другие злоупотребляют им в том отношении, что крестятся, когда желают заверить нас в обмане, лжи, мошенничестве и других нечистых делах. Таким отношением к крестному знаменю мы, конечно, оскорбляем Господа и Крест Его Честный и навлекаем на себя осуждение, ибо проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением. А между тем крестное знамение имеет великую силу: оно дает душе крепость, смысл, божественную мудрость, отгоняет от нее супостата — врага рода человеческого, дьявола. И это, конечно, в том случае, если мы творим крестное знамение истово, с страхом и трепетом, с благоговением и вниманием и, главное, с переживанием высокого и спасительного для нас таинства Креста.

Преподобный Симеон Новый Богослов так говорит о нетлении и чудотворной силе мощей святых: «Душа, сподобившаяся стать причастницею Божественной благодати, будучи сама освящена, по естественному следствию освящает и все тело свое, потому что, будучи соединена с телом, она находится во всех членах его; почему и благодать Святого Духа как усваивает себе душу, так усваивает и тело ее. Впрочем, пока душа находится в теле, Всевятой Дух не проявляет в этом теле всей славы Своей, потому что настает необходимость, чтобы душа до конца жизни показывала самое доброе произволение свое, то есть последует ли она как должно благодати Святого Духа. Но когда придет конец и душа отделится от тела, тогда, поелику кончен уже подвиг (состязание, как на ристалищах) и душа, одержав победу, исходит из тела в венце нетления, как добре совершившая подвиг свой, — тогда, говорю, благодать Святого Духа и в теле души сей проявляет свою освящающую силу, от чего кости голые и целые мощи святых источают исцеления и врачуют всякие болезни. Когда душа отделится от тела смертию, тогда она одна, без участия своего тела начинает пребывать со всем Божеством, то есть с Божественною благодатию; тело же остается одно, без души, только с Божеством, и проявляет для людей божественную силу в чудесах» (не чрез душу, а прямо от Божества) (Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 4).

В описании Тихвинской иконы Божией Матери[24] говорится о высылке всех развратных из монастыря. Ясное указание, что обитель не может терпеть насельников нечистой жизни, и заявивших себя таковою надлежит удалять. Следи поэтому, настоятель, зорко за благоповедением братии, охраняй обитель, как святую, от всякой скверны и не бойся, если бы тебе пришлось недостойных изгонять из нее, ибо ты даже не имеешь права держать у себя нечистых: за это ты должен дать ответ Богу.

Граф Толстой умер[25]. Болезнь и смерть его произвели необычайный шум в нашем неверующем обществе. Что же это за шум? Толстой слишком был известен, и не столько по своим сочинениям, сколько по проповеди, в которой он отверг Христа как Бога, отверг благодатные Таинства, отверг все, что только дорого православному христианину. Толстой был безбожник. Это-то и создало ему почитание в нашем неверующем обществе и вызвало шум при конце его жизни. Это тот шум, создаваемый нечестивцем-богоотступником, о котором говорит Псалмопевец: и погиге память его с шумом (Пс.9:7). И чем более человек отступает от Бога, тем более может быть сей шум. И погиге память... память о нечестивце погигает, уничтожается навеки, хотя, правда, и «с шумом». При жизни Толстого много о нем шумели, при болезни и смерти в особенности, но верим: пройдет немного времени, и погигнет память о нем, как она погигла уже о многих подобных Толстому

неверах и богоотступниках. Но что сказать о нашем обществе, которое создало сей шум? Оно показало, насколько у нас пала вера, насколько мы удалились от Церкви Святой. Скажи ты мне: дорог ли тебе Господь, Спаситель, Искупитель от греха, Воскресший из мертвых и Вознесшийся на Небо? Скажи ты мне: дороги ли тебе Таинства, в которых ты получаешь благодать, спасающую тебя? Скажи ты мне: дороги ли тебе чудотворные иконы, святые мощи и все святое, чем богата наша Православная Церковь? Как же ты отнесешься к человеку, который все это ниспроверг, осмеял, поругал? Что-нибудь должно быть одно: или тебе дорога вера, тогда ты противника ее не будешь превозносить; или же ты потерял веру, она стала тебе не мила — ну, тогда, конечно, ты сдружишься и с богоотступником. Наше общество воздаст необычайное почитание вероотступнику Толстому и этим самым показывает, как оно удалилось от веры и Церкви.

Толстой и его почитание — это знамение времени: по этому почитанию мы можем судить, как и при последнем времени христиане легко станут переходить на сторону антихриста. Пред Пришествием Христовым явится антихрист, который на свою сторону привлечет невероятное количество христиан, прельстит, аще возможно, и избранные (Мф.24:24). Знаешь это верование Церкви и удивляешься: неужели это будет, неужели почти все оставят Христа Спасителя? А вот вам уже начало этого отступления — почитание Толстого. И какой стыд и позор нам, русским, именуемым православными христианами! Мы начинаем устраивать похороны гражданские, служить панихиды не христианские, а какие-то языческие, ибо как, например, по Толстому во многих местах служили панихиды? — Ставили посередине комнаты на столе его портрет и воздавали ему почести... О, знамение времени, о, приближение последних христианских времен!! Но, однако, как трудно умирать без Бога: богоотступника при конце жизни мучит беспокойство. Это самое случилось, по-видимому, и с Толстым. Внезапное исчезновение его незадолго до смерти из дому, стремление к уединению, поездка в Оптину Пустынь и в Шамординский женский монастырь к сестре, — что все это значит? Несомненно, у Толстого явилось желание отвести, как говорится, душу. Вот что, например, сделалось известным о пребывании Толстого у сестры монахини Марии в Шамордине.

Встреча Толстого с сестрой, — пишет один насельник Оптиной Пустыни, — была трогательная: он обнял сестру, поцеловал и на плече рыдал не менее 5 минут. Потом долго сидели вдвоем, говорили много. Вот его слова: «Сестра! Я был в Оптиной, как там хорошо! С какой радостью я теперь надел бы подрясник, жил бы, исполняя самые низкие и трудные дела, но поставил бы условие не принуждать меня молиться; этого я не могу». Сестра отвечала: «Это хорошо, брат, но и с тебя взяли бы условие — ничего не проповедовать и не учить». — «Чему учить? Там надо учиться; в каждом встречном насельнике я видел только учителей. Да, сестра, тяжело мне теперь. А у вас — что, как не Эдем? Я и здесь бы затворился в своей хижине и готовился бы к смерти: ведь 80 лет и умирать надо», — сказал граф. Потом, наклонив голову, он задумался до тех пор, пока не напомнили ему, что он уже кончил обед. «Ну, а видел ты наших старцев?» — спросила его сестра. «Нет», — ответил граф. Это слово «нет» было сказано, по словам сестры, таким тоном, который ясно доказывал, что он сознает свою ошибку в жизни. «А почему же?» — спросила сестра. — «Да разве ты думаешь, что они меня примут: ты не забудь, что истинно-православные, крестясь, отходят от меня; ты забыла, что я отлучен, что я отлучен, что я — тот Толстой, о котором можно... Да что, сестра, — оборвал свою речь граф, — я взад не горюю; завтра же я еду в скит к отцам, только я надеюсь, как ты говоришь, что они меня примут». Письмо Оптинского монаха Эраста // Колокол, №1389.

Не ясно ли из всего этого, что Толстой пред смертью почувствовал беспокойство и к чему-то стремился, у него начинался в душе какой-то перелом? Но, очевидно, было уже поздно. Господь не принял его, и Толстой умер в разрыве с Церковью. Говорят, что этому отчасти причиной были родные и друзья, такие же неверы, каким был и он, которые, боясь, как бы граф и в самом деле не покалялся, поспешили явиться в Оптину Пустынь, выхватили его оттуда, повезли его куда-то, но он на дороге умер... Нам же кажется: Господь не принял уже Толстого, ибо слишком он удалился от Господа... В этом случае исполнилось предсказание Кронштадтского пастыря отца Иоанна, который не раз говорил, когда его спрашивали, может ли Толстой покаяться и соединиться с Церковью: «Нет», ибо он чрезмерно виновен хулою против Духа Святого, а этот грех не прощается ни в сей век, ни в будущий, и при этом батюшка отец Иоанн предсказывал Толстому особенную

кончину, как в действительности и случилось. Христос Спаситель однажды говорил неверующим иудеям: различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете (Мф.16:3).

То же сказал бы Спаситель и нам. Мы теперь умеем различать и ценить культуру, науку, сочинения, а что Божие — законы нашего духа, — мы не понимаем и упускаем из виду. Мы ценим Толстого за его писания, а того, что он богоотступник, предтеча антихристов, мы не хотим понять.

Простота и смирение — вот условия для того, чтобы мы были способны к восприятию веры. Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, так однажды молился Господь наш Спаситель, что Ты утаил сие (веру) от мудрых и разумных и открыл то младенцам (Мф.11:25). Теряя простоту и смирение, мы тем самым притупляем в себе чуткость к вере. Почему теперь наше общество, особенно интеллигенция, например, разные ученые и учителя, — неверующие? Да потому самому, что они утратили простоту и смирение. Посмотрите, сколько у них теперь ученой гордости и самонадеянности...

Не только люди, предающиеся порокам и страстям, находятся в вражеских сетях, являются врага нашего спасения пособниками, но и те, которые ставят себе задачей жить благочестиво, не оставляются в покое тем же врагом; он и этих христиан старается завлечь в свои сети, но уже на почве их благочестия, — именно вовлекает в так называемую прелесть. Прелесть — это извращенное, неправильное внутреннее наше настроение, якобы высокое, духовное, но на самом деле фальшивое, обманчивое, поддельное, показное, — это то внутреннее наше состояние сердца, о котором святой апостол Павел говорит, что можно иметь только образ благочестия и быть лишенным силы его.

Уже каждый человек при своей немощной, греховной природе бывает в большей или меньшей степени подвержен этой прелесть. Ты подумал, что хорошо сказал, хорошо сделал, — вот уже и прелесть. Размечтался о своих дарованиях, способностях — опять прелесть. Принял похвалу, усладился ею — и это прелесть. Святые отцы различают при этом два рода духовной прелесть в ее крайнем развитии. Первый вид — это когда человек начинает воображать, что он видит Господа, Божию Матерь, Ангелов, духов и считает себя достойным таких видений. Второй род прелесть — это когда человек возомнит о себе, что он высокой духовной жизни, что он необычайный постник, прозорливец, чудотворец, что он способен нести большие подвиги, что он призван учить и руководить людьми. Этот род прелесть называется мнением, потому что в этом случае человек мнит о себе.

Всякий род духовной прелесть есть, однако же, пагубнейшее состояние нашего духа. Оно основывается на духовной гордости человека, то есть на том самом грехе, коим пал и первый ангел. Вот почему вовлекать в духовную гордость сатана так стремится и всех рабов Божиих. Духовная гордость — его грех. Возгордившись, сатана удален был от Господа и низвержен в преисподнюю. То же падение ожидает и всех нас, если мы будем вовлечены, чего не дай Бог, в духовную прелесть. Жизненный опыт и писания духовных отцов указывают массу тому примеров; при этом тех, которые вовлекаются в прелесть видения духов, обыкновенно ожидает постыдное посрамление, а вторых, возмечтавших о себе, — нравственное падение и часто даже самоубийство.

Приведем пример того и другого случая. В одной келии молился инок, и вот, ему начинает казаться, что с иконы выходит ангел и говорит ему: если ты хочешь быть бесстрастным, выжги огнем с лампы свои глаза, чтобы тебе не видеть уже суеты мира сего. И прельщенный инок делает это: выжигает сначала один глаз; тогда голос повторяется и велит ему выжечь второй глаз; но тут инок приходит в чувство: в нем пробуждается мысль, что он, как грешный, немощный человек, и без глаз может быть борим грехом, если не поможет ему Господь. И как только инок так смиренно о себе подумал, прелесть о своем совершенстве быстро у него рассеялась, а вместе с этим исчезло видение, и он услышал только как бы вдали громкий смех и обонял необыкновенный

смерд.

А случаев нравственного падения и самоубийств от прелести духовной, когда человек возомнит о себе, необычайное множество. Есть сектанты, так называемые хлысты[26] и т.п., которые впадают именно в эту бесовскую прелесть и — знаете ли, чем дело их иногда оканчивается? — нравственным падением, развратом. Например, у хлыстов так называемые радения, как доказано, оканчиваются нередко повальным грехом. Или вот пример. Одна женщина говорила нам: «В настоящее время я нахожусь в сильной плотской брани, которая началась у меня после моего падения, тогда как до падения я была религиозна, часто посещала храм, исповедовалась и причащалась». — «А скажите: до падения, когда вы были религиозны, не мечтали ли вы о себе?» — «Да, было. Я по ночам, бывало, долго молилась и воображала себе: какая я счастливая — молюсь и не имею греха, тогда как, быть может, в эту самую ночь сколько совершается разврата, и мыслию о своей чистоте я услаждалась». — «Так вот и причина вашего падения: это — духовная гордость, или так называемая прелесть».

В одной пустыни жил схимонах, который отличался строгим образом жизни и был среди братии за это уважаем. Однажды он явился к настоятелю и объявил ему, что он был восхищен в рай, но, к сожалению, там увидел только себя и никого из братии. Настоятель по своей простоте не обратил внимания на то, что с этим иноком началась духовная прелесть, созвал братию и, передавая им видение схимонаха, убеждал их жить добродетельно, чтобы не лишиться рая. Но что потом случилось с схимонахом, вообразившим одного себя только достойным рая и никого из братии? Через несколько времени его нашли удавившимся в своей келий. Дело в том, что подвергшийся духовной прелести, будучи лишен благодати Божией, временами начинает испытывать страшное уныние, тоску, отчаяние, которое и увлекает прельщенных к самоубийству, а то и враг рода человеческого наталкивает на это самоубийство. Например, одному прельщенному отшельнику вообразилось, что ему хорошо себя распять на кресте, по примеру Христа Спасителя; другому показалось, что на нем могут осуществиться слова Святого Писания: яко Ангелом Своим заповесть о тебе... На руках возмут тя (Пс.90:11-12), и вот он однажды, доказывая правоту своих религиозных убеждений, бросается из окна, заявляя, что он останется при падении невредим, но к несчастью разбивается.

Да, желающим проходить духовную жизнь крайне нужно остерегаться прелести. Следует при этом помнить, что прелесть начинается часто незаметно для тебя самого. Не дай Бог возомнить о себе что-либо высокое, что ты, например, выделяешься от других, что на твои подвиги удивляются, что ты влияешь на людей и т.п. Поддаться этому чувству — это значит открыть дверь для прелести, которая потом пойдет быстро развиваться, и вот, ты скоро вообразишь, что тебя уже окружает сияние, что ты изгоняешь бесов, и выйдет, таким образом, что ты возведешь сам себя в особенного человека, посланника Божия, духоносца, чудотворца и т.п. Чтобы избежать этой духовной прелести, надо твердо помнить, что только покаянное чувство, смирение, соединенное со страхом Божиим, создает в нас здоровое, духовное настроение, спасает нас.

Правда, нелегко достигается такое настроение. Мы иной раз желаем сокрушаться, смиряться, а нас борет самомнение. Пусть борет, а мы все-таки будем усиленно искать покаяния и смирения, будем молиться, укорять себя, плакать, что у нас нет покаяния. Помни всегда, что только потом и трудами можно достигнут смиренного чувства. И пока мы не проломим стены гордости, самомнения, нет нам спасения. Будем так воспитывать свое сердце, чтобы все наши подвиги казались нам ничтожными и что они нужны для изглаждения нашей неимоверной душевной скверны. Тогда мы не будем замечать их и ими услаждаться, а станем считать их малыми и ничего не значащими.

Держи также в сердце своем такое чувство: все доброе, тобою совершаемое, ты делаешь не потому, чтобы заслужить венец у Господа, стать у него на первом плане, ибо у тебя тогда будет всегда опасность вообразить, что ты, кажется, уже достаточно потрудился и заслужил награды, но должен трудиться, чтобы не огорчить Господа, твоего Благодетеля, должен трудиться для спасения души. И знай: если мы имеем такое настроение, то у нас вырабатывается сильная чувствительность к своим грехам, так что всякое греховное пятнышко нам будет казаться уже тяжелым и глубоко огорчающим Господа делом. А так как ты никогда не будешь в состоянии

избавиться от этих греховных пятнышек — греховных помыслов и чувств, то у тебя сама собой будет развиваться и укрепляться надежда только на Господа, могущего всю твою скверну очистить, себя же ты будешь представлять неключимым рабом, слабым и немощным.

Святая Православная Церковь часто именует чад своих «верными». Вот она поет: «Приидите вси, вернии, поклонимся святому Христову Воскресению...» Или в молитве на освящение хлебов читается: «...и вкушающия от них верныя освятити». И много, много раз еще можно встречать в песнопениях, стихирах и молитвах название «вернии». Кто же это верные и кто неверные? Все мы крещены в Православной Церкви, но далеко не все мы остаемся верными. О, как много среди нас неверных!! Неверные прежде всего те, кои остаются совершенно холодными, равнодушными к Святой Церкви. Они и не отпадают от нее, пожалуй, и не осуждают, но для них Церковь остается совершенно неведомой областью. Ни чина богослужения, ни устава церковного, ни святоотеческих писаний, — ничего этого они не знают, а живут лишь земными привычками, земными выгодами. Как особенность таких неверных — это то, что они склонны к ложному стыду в деле веры. Они стыдятся при свидетелях выказывать свою веру, например, перекреститься когда следует, сделать замечание кощуннику и т.п.

К неверным нужно, далее, отнести тех, которые осмеливаются уже и суд производить над Церковью и ее установлениями: и то их соблазняет, и другое, и то им не по духу, и это. И вот, такие неверные начинают много писать и говорить о непорядках церковных, о недостойных пастырях и т.д. А испытайте — сердце таковых далеко отстоит от веры. Такие люди легко продают Святую Церковь. Неверные, конечно, уже и те, которые, приняв крещение во Святой Православной Церкви, изменяют ей, оставляют ее и переходят в разные секты, расколы и общества. Таковы: баптисты[27], так называемые евангельские христиане, штундисты[28], молокане[29], «братцы» и т.п. Все они являются предателями Святой Церкви, изменниками ее.

Переходят в разряд неверных, наконец, люди, которые впадают в неверие. Таковых в настоящее время весьма много. Остановимся подробнее на неверии. Как смотреть на него? Неверие — это, несомненно, душевная болезнь. В жизни мы можем наблюдать, что каждый христианин в особенности чем-нибудь дурным обуреваем: одного, например, борет грех блуда, другого — пьянства, третьего — гордости, четвертого — сребролюбия, властолюбия, честолюбия и т.д., и т.д. И вот, есть разряд людей, которых поражает именно дух неверия. А что неверие есть болезнь, пусть засвидетельствуют сами же неверующие. Последние часто испытывают сильные внутренние страдания от неверия, иной раз они уже желают верить, но не могут, и вот тут-то они начинают чувствовать всю свою беспомощность, готовы плакать и действительно плачут, готовы все отдать, только бы им избавиться от своего душевного недуга — неверия. Если бы неверие было нормальное, здоровое явление, то, скажите, переживали ли бы подобное состояние духа неверующие? Да, поистине, неверие есть тяжелая душевная болезнь, с которой надо всячески бороться!

К несчастью, тебя начинают посещать помыслы неверия. Тогда, возлюбленный брат, немедленно же вооружись на борьбу с неверием. Ты хорошо знаешь, что скука, тоска, уныние — болезни души, и стремишься избавиться от них. Знай прежде всякого неверия, что и сие последнее ненормально, и гони его от себя, если оно появится у тебя. Обрати внимание при этом на следующее. Вера нелегко дается; надо себя понуждать к вере, надо много внутренне трудиться, чтобы побороть в себе сомнения, колебания в вере. Что же это значит? Если, по мнению Неверов, все от человека, то пусть неверующий, хотя бы для примера, так поступил: сегодня стал бы верить, а завтра — нет. Но попробуй-ка так сделать, и ты убедишься, что вера приобретается только с большим трудом и как бы с постороннею помощью, разумею, помощью Божиею.

Вера — это дар Божий, а тормоз в вере — это наше несовершенство, наша греховность. Если это так, то смотри на веру как на нечто такое, над чем следовало бы подумать, на что следует обратить внимание, смотри на веру как на серьезное, важное явление в духовной жизни человека. А один известный святитель, доказывая несостоятельность неверия, так убеждал никогда не терять веры.

«Вы, неверующие, — говорил он, — ничего не потеряете, если будете верить, вас может ожидать даже вечное блаженство; и, наоборот, представьте себе: вы не верите, а в действительности все то есть и будет, что вы отвергаете, — что тогда вас ожидает? Вы отвергаете Бога, вы отвергаете мздовоздаяние, геенну, — хорошо, если, по-вашему, ничего этого нет, а если есть? — Ведь тогда ваше место в геенне, в тартаре, в вечном отлучении от Бога? Не относитесь поэтому так легко к вере!» (Филарет, митрополит Московский[30]).

Я сказал: наше несовершенство, наша греховность и главным образом гордость ума порождает болезнь неверия. Большое значение при этом имеет еще воспитание. Представьте себе: если наше воспитание проходит без руководства Церкви, вдали от нее, если в детстве не учат нас Закону Божию, то что можно ожидать от такого поколения? И наоборот, впечатления детства много могут нас предохранять от неверия и в трудную минуту даже спасать. Один человек нам рассказывал: «В детстве я был религиозным мальчиком. Меня мать часто водила в храм, где я пел даже на клиросе. По окончании курса в университете меня здесь же оставили на должности. Жизнь среди неверующих товарищей и вообще вся моя служебная обстановка отвлекли меня от храма и веры. Один год я не поговел, другой раз я осмелился осудить веру, другой раз... — а там и пошла моя безрелигиозная жизнь. Так прошло пятнадцать лет — без исповеди и Святого Причащения, при полном отрицании всего святого. Вместе с этим я стал испытывать внутреннее томление, какой-то душевный гнет, разочарование, пустоту. Временами я сильно душевно страдал. И вот однажды вечером, оставаясь дома один, я ходил по комнате в каком-то душевном забытьи, мрак наполнял мое сердце, — вдруг не помня себя я запел: "Воскресение Христово видеvше". Пятнадцать лет я уже не слышал этой святой песни. Сердце мое от пения екнуло, усладу какую-то я почувствовал, мне понравилось петь, и вот я весь вечер провел в пении. Вспоминались мне при этом впечатления детства, праздник Воскресения Христова, пасхальная заутреня, — светом и утешением все это наполнило мою душу, и много в тот вечер я поплакал... С этого момента началось мое возрождение. Скоро я с Божьей помощью укрепился в вере, стал ходить в храм, и когда вспомню пережитое за пятнадцать лет неверие, дрожь меня берет и слезы льются: так я боюсь снова потерять веру». Этого человека спасли впечатления детства. Но что будет с нашим новым поколением, которое и в детстве не приучается к храму, не воспитывается под покровом Церкви Святой? Таких ожидает страшное несчастье: безотрадная, тяжелая душевная болезнь — неверие с его вечной гибелью.

Кто такие «вернии»? Это — преданнейшие сыны Святой Церкви, которые ею живут, ею утешаются. Для таковых одно название: церковь, храм, святыня, мощи, обитель, пастырь — уже вызывают благорасположение, благоговение и уважение. Они далеки, далеки от того, чтобы осуждать, критиковать что-либо относящееся к Церкви и ее установлениям, а напротив, являются всегда и везде ее ревностными защитниками. Своим христианским благоразумием они умеют давать ответ всем порочащим, хулящим Святую Церковь. Воодушевимся же, братие, уже самым названием «вернии» и приложим все старание к тому, чтобы нам на деле оправдывать сие название. И как это должно быть утешительно! Вот Святая Церковь на Воздвижение Креста Господня поет: «Приидите, вернии, честному Древу поклонимся!» Пребывающему в храме Божиим и слушающему сие божественное песнопение, как, я думаю, должно быть отрадно нашему сердцу, когда при этом совесть у нас спокойна на счет преданности нашей Святой Церкви, когда сознаем, что мы, слава Богу, «вернии», искренно преданные чада нашей Святой Православной Церкви! Да поможет же Господь нам быть всем «верными».

Мир Господь наш Иисус Христос принес на землю. Уже самое явление Спасителя сопровождалось ангельским пением: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». А вот Он, Спаситель наш, наставляет: если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой (Мф.5:23-24). Или вот на Тайной Вечери Он говорит Своим ученикам: Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга... По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин.13:34-35). Посылая учеников на проповедь, Христос внушал им: входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится (Мф.10:12-13).

Да и Сам Господь, являясь ученикам, всегда приветствовал: Мир вам (Ин.20:19-21).

Почему же Господь постоянно требовал иметь мир между собою и как бы поставлял его во главу всей христианской жизни, всякого богоугождения? Да потому самому, что мир и любовь есть основа, корень всякой добродетели. Посадите вы дерево без корня — и оно не будет расти; сорвите вы цветок и воткните в землю — и он засохнет. Так и без мира и любви не произрастает в нашем сердце ничего доброго. Вот ты, например, не мирствуешь с ближним, и посмотри, что у тебя в душе может развиться: тогда ты легко ближнего осуждаешь и презираешь и бываешь немилосердным к нему, легко тебе тогда ближнего и обмануть, и оговорить, и оклеветать, и обвинить, и досадить, и насмеяться, позавидовать и притеснить его. Но вот ты мирен с ближним, и посмотри: какое многоплодное дерево добродетелей тогда вырастает в твоём сердце.

На почве мирного, любящего сердца цветет смирение, когда ты себя одного обвиняешь, других ставишь выше себя; растёт, далее, кротость, когда ты ни успехами не превозносишься, ни обидам не огорчаешься; вырастает и благодущие, когда ты довольствуешься тем, что Господь тебе дал, не завидуешь, не ревнуешь, а радуешься о ближнем. От мирного сердца исходит, далее, обходительность, учтивость, приветливость, ласковость, благовоспитанность, снисходительность, взаимопомощь и многое множество других добрых чувств, а от них и дел. Вот какая сила заключается в мире, любви... От них исходит всякое добро, и без них человек бывает пустым, и не только пустым, но часто исполненным всякой скверны и злобы. Не потому ли Господь не прощает тому, кто не мирен с ближним: ...если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших (Мф.6:14-15).

В самом деле, как Господь, весь Мир и Любовь, может прощать нам, когда мы сами не прощаем? Прощение тогда нам бывает невозможно, ибо всепрощающая благодать Божия может изливаться только на такую почву, которая сродна ей, которая способна воспринять сию благодать. Может ли, например, камень воспринять семя и произрастить плод? Может ли вода удержать в себе медовые соты, не распустятся ли они? Так и немирное, жестокое сердце не может быть озаряемо, посещаемо всепрощающею благодатию Божиею, ибо оно не способно воспринять сию благодать и недостойно её.

Воспрянем духом и начнем добрую христианскую жизнь. Для этого нужно, с одной стороны, наше собственное усилие, старание, а с другой — благодатная помощь. Наше старание должно проявляться в воздержании, в трудолюбивой жизни, во внимании к своему сердцу, а благодатная помощь всегда нам готова. Она подается нам в молитве и Святах Таинствах, и особенно в Исповеди и Святом Причащении. Частая Исповедь и Святое Причащение — это могучие и самые главные двигатели в нашей духовной жизни, только нужно правильно пользоваться сими Таинствами. Например, Исповедь для своей действенности требует, чтобы с сокрушением, с чистым раскаянием, без всякой утайки исповедовать свои грехи, с непоколебимым намерением впредь не повторять их. А чтобы Святое Причащение было для нас спасительно, нужно приступать к Святой Чаше с верою и любовью ко Господу, ища божественной помощи в нашей несовершенной, греховной жизни. Мы немощны, мы слабы, мы боримы страстями, мы больны, мы скорбны, мы несчастны: куда же нам идти за помощью, к кому припасть, как не к Господу, Спасителю нашему, и как не стремиться к соединению с Ним во Святом Причащении? Когда Господь жил на земле, за Ним следовали страждущее и обремененные и получали успокоение. Но — о, милость Божия! — и после Своего Вознесения Господь всегда с нами и Святых Своих Даров Тела и Крови.

Говорят, однако: чтобы часто причащаться, нужно и жить хорошо. А разве христианам разрешено жить и не свято? Ведь вся задача наша в том и заключается, чтобы стремиться к жизни святой и богоугодной. Другие говорят: трудно часто исповедоваться и причащаться ввиду того, что это вышло из обыкновения, и редко где принимают на исповедь в обычное, непостовое время. На это нужно сказать: ищите, и обрящете (Мф.7:7). Лишь бы было доброе, искреннее желание, а найти по

духу пастыря, духовника всегда Господь поможет. Есть и такие, которые не рекомендуют часто причащаться, дабы не привыкнуть и не охладеть к сему Таинству. Духовное руководство везде и всегда нужно. Но разве заповедано нам добра бежать из боязни его не достигнуть? Вот закон: твоя цель — добро, и всеми силами души ищи его. Так и относительно Святого Причащения. Это неоцененное и необходимое благо для христианина. А если оно таково, то и напрягай всегда все усилия к достижению его и не отклоняйся от него. Возревнуем же о доброй христианской жизни и Святом Причащении. Жизнь наша часто не дает нам утешения, она тяжела и скорбна; взыщем же духовного утешения в Господе нашем Иисусе Христе.

Все, кажется, должны согласиться с тем, что в Церкви Православной находят удовлетворение все ищущие покаяния и духовной жизни. Какие условия для покаяния? Смирение и молитва. И посмотрите, в каком обилии все сие дает Святая Православная Церковь! Весь чин богослужения, все обряды располагают нас к этому, так что войти во вкус нашего богослужения, пережить его, — это значит: проникнуться христианским смирением. А молитва? Где она сильнее, как не у нас? Какое обилие канонов, акафистов, стихов с разнообразием тональности при пении, — что все это, как не результат развития молитвенного духа православного христианина? А духовная жизнь — где она получила большее развитие, как не в Православной Церкви? Преподобный Ефрем Сирийский[31] и другие подвижники восточные, как все они — по духу нашему православному сердцу; и это потому, конечно, что Православная Церковь воспитывает в нас чуткость к духовной жизни. Отсюда и замечается такое явление. Люди разных христианских исповеданий, как только возбудится у них покаянное чувство и желание духовной жизни, непременно начинают тяготеть к Православной Церкви, и немало бывает случаев, когда это тяготение оканчивается присоединением, переходом их в Православие.

Ты признаешь Бога, Творца мира, Который, конечно, должен быть Всемогущим. Признай же возможным для Всемогущего Бога и акт воплощения от Пресвятой Девы Марии Сына Божия. Да, ты признаешь его не только возможным, но и бесконечно нужным для нас, если вникнешь в свое богоподобное призвание, вникнешь в свое нравственное назначение. Твоя цель — добро, твоя жизненная задача — нравственное возрождение, — и вот, как раз все это сделалось возможным вследствие искупления нас Богочеловеком, Который обновил нас и даровал нам все, яже к животу и благочестию.

Духовная беседа

При чтении писем епископа Феофана, Затворника Вышенского, пришлось мне остановить свое внимание на следующих его советах и мыслях:

— Стой на молитве, как на суде.

— Как почувствуешь усталость, лучше отдохни.

— Постоянно укоряй себя в немощах.

— Молитвенное правило не в количестве, а в качестве, все в сердце, в благоговействе.

— Начальник должен так себя в сердце поставить, чтобы душа его чувствовала себя последней послушницей.

— При всех хлопотах можно держать душу несуетящеюся, если все с толком делать.

— Кто обращается за советом, не отгоняй, но и не мечтай о себе.

— Надо терпеть и в беспорядках, надо примиряться с положением; если охаешь, жалуешься — значит много ты еще не устроен в своем внутреннем делании.

- Можно причащаться запасными Святыми Дарами каждый день.
- Лечиться не грех.
- Замуж лучше не выходить.
- Читать Святое Евангелие можно сидя, но с благоговением.
- Молитва — барометр духовной жизни.
- Чувство ничтожества носи в сердце своем.
- За всякую неприятность благодари Бога, помня, что она послана ради твоей пользы.
- Гневливость проявляется, когда ты считаешь себя выше других; считай себя меньше, и ты избежишь этого.
- Когда чувствуешь охлаждение в сердце, бойся этого чувства, молись, взывай ко Господу, чтобы Он избавил тебя от этого охлаждения.
- Хорошо молиться своими словами, они скорее могут исходить от сердца, а дело молитвы именно в сердце.
- Беги самоцена как злейшего врага.
- Самость — это когда человек на себе останавливается, на своих достоинствах, а не на Боге.
- Хорошо молиться, когда является к этому позыв, не следует пропускать молитвенного момента.
- Молитвенное чувство подогревается внимательностью, богомыслием, частым кратким воззванием ко Господу. В этом отношении хороши 24 молитвы [святого Иоанна Златоуста], которые начинаются: «Господи, не лиши мене небесных Твоих благ». Здесь можно выбирать молитвы соответственно духовной нужде и настроению. Так, у тебя нет смирения, терпения — вот и молись: «Господи, дай мне смирение, терпение и кротость».
- Вычитывать правило в церкви во время службы — нехорошая привычка.
- Держи сердце в чувстве к Богу — всегда будешь в памяти Божией.
- Теплота в сердце может быть просто кровяная, которой нужно остерегаться, и чисто духовная.
- Не следует себя много вязать правилом, все в сердечности; нужно быть господином, а не рабом правила.
- Непрестанная молитва — это постоянное молитвенное настроение.
- Трудно знать причины болезней, но несомненно они заключены в промыслительных действиях Божиих.
- Кто чем немощнее, тем более надо возыметь к нему любовь.
- Начальнику как огня нужно бояться действовать по страсти.
- Все внешнее: пища, одежда, обстановка — безразличны для человека, если к ним нет пристрастия.

- Саможаление показывает, что у нас слабо богоугождение и сильно самоугождение.
- Осматривайся, как пришло падение, чтобы из этого осматривания можно было бы извлечь урок, как себя держать в подобных случаях.
- Кто смирен, тот не может видеть, чтобы кто-либо относился к нему ниже его достоинства.
- Старайся всегда писать разборчивее.
- Беды в том нет, кто носит имя Божией Матери. Запрета в Церкви на это нет.
- Враг, склоняя на грех, внушает: Бог милосерд, простит, а впавших в грех он повергает в отчаяние.
- Проповеди хорошо писать в один присест и затем говорить. Нужно решиться на проповедничество.
- Грусть после разговора бывает оттого, что мы чрез него удалились от Господа.
- Нужно действовать строго, но без деспотизма, снисходительно, но без поправок.
- Дело, которое в руках, до последней минуты не следует бросать.
- Не следует никогда кричать: «Просто беда».
- Когда кто делает вам неприятности, представляйте, что враг сзади их стоит и нашептывает это. Этим ты можешь несколько ослабить неприязнь к человеку.
- Норма сна: 6 часов ночью и 1 час после обеда.
- Закон: разумное содержание тела, но без поправок.
- Когда стоите в полном недовольстве собою, то вы в добром чине.
- Преспеяние в духовной жизни означает все большим и большим сознанием своей негодности.
- При других можно себе послабления делать по какой-либо разумной причине, но наедине, скрыто — никогда.
- Как навикнуть молитве Иисусовой? Стать пред иконами в молитвенное положение (можно сесть) и, низшедши вниманием туда, где место сердца, творить неспешно Иисусову молитву, при памятовании присутствия Божия. Так полчаса, час и больше. Сначала трудновато, а когда навик приобретется — это будет совершаться как бы натурально, как дыхание.
- Из самомнения выходят две вещи: трубление перед собою (самохвальство) и осуждение других.
- Когда найдет вялость и отяжеление, нужно думать, что таковы мы, сладость же духовную нужно принимать как незаслуженную милость Божию.
- Просящим надо давать потихоньку, чтобы не хвастать щедростью.
- Подарки можно принимать, но нужно быть к ним равнодушным и не ожидать их.
- Чем больше своей личной, усердной молитвы, тем лучше.

— Относительно мелких греховных движений сердца, помыслов и т.п. нужно заметить следующее правило: как только замечено что-либо нечистое, тотчас следует очищать это внутренним покаянием пред лицом Господа. Можно этим и ограничиться, и если нечиста, непокойна совесть, то потом еще на вечерней молитве помянуть о том с сокрушением, и — конец. Все такие грехи сим актом внутреннего покаяния и очищаются.

— Записывать грехи не для всех бывает полезно. Это может создавать беспокойство, что-де никак не могу побороть зло, а лучше записывать приходящие добрые мысли.

— В движениях порочных сердца и помыслах средство истреблять все это — непрестанная память о Господе и молитва к Нему.

— Страх Божий — корень духовной жизни.

— Бойся похвалы, ибо она рождает самовосхваление.

— Иногда полезна якобы грубость в отношении к людям.

— В борьбе со гневом хорошо: 1) молчать, 2) удалиться от возбуждающего гнев, 3) просить прощения и 4) внутренне взывать ко Господу об умиротворении сердца.

— Утром на молитве надо устанавливаться мыслию пред Богом — это запас на весь день.

— Тоска нападает, когда для нас, по нашему невниманию, затмятся пути Божии в устроении наших обстоятельств жизни. Молитва разгоняет этот мрак, и свет Промышления Божия о нас дает тогда нам ясно видеть все.

— Молитвенно высокие состояния бывают, как Божии посещения.

— Молитва других о нас бывает сильна только тогда, когда она есть сомолитва, то есть сопровождает молитву собственную нашу.

— Главный плод молитвы — не теплота и сладость, а страх Божий и сокрушение.

— Можно ли молиться за иноверцев? У них есть свои поминатели, туда пусть обращаются за поминовением.

— Рецепт. Терпения столько-то, смирения столько-то, уважения к делам других столько-то... Столочь все сие в ступе благоразумия, всыпать в стакан слез и — принимать по чайной ложке всякий раз, как только покажется ропотливость нетерпения.

— Действия душ одной на другую могут проходить, как электрический ток по телеграфной проволоке. Препарат телеграфный тут есть сердце.

— Спиритизм[32] есть бесовщина. Следовательно, и общество спиритов — бесовское или бесопоклонническое.

— Действие Таинств не всегда отражается в чувстве, а действует и сокровенно.

— Определенным правилом себя лучше не вязать, а держать общее правило такое: никогда не делать угодия плоти — и в этом духе действовать, всякий раз составляя решения.

— Великое дело молиться ночью.

— Высшая молитва — славословия, низшая прошение, и просить нужно только о Царствии Божием.

— Как смотреть на детей некрещеных? — Они в руках Милосердного Господа.

— Чтобы избежать сомнений, вообрази истину и молись о ней, или ее во время молитвы вращай в уме и молитвы составляй из нее же. Придет момент, когда истина сия войдет в сердце и обмет все существо души, питая и обвеселяя ее. Это и есть сроднение души с истиной.

— Во избежание греха осуждения повторяй в сердце: все духом горят, только я, дурень, позволяю себе рассеиваться и быть хладным.

В письмах Преосвященного Феофана Затворника хорошо обрисовывается его характер. Он был смиренный, патриот, преданнейший сын Церкви Православной, не холодный аскет, как обыкновенно принято его считать, а любвеобильнейший, исполненный духовной свободы пастырь, носитель благодати Духа Святого, палата благоразумия. В частности, читая письма Преосвященного Феофана, заметили мы следующие мелкие черты из его жизни. Он допускал подлечивание и особенно восторгался гомеопатией, пользоваться которой советовал и другим. Много скорбел о болезни своих глаз (катаракте), по всей вероятности, ввиду своей необычайной любви к письменным трудам, и даже он тайно приезжал в Москву для операции. Рекомендовал лечение и сам практиковал его — пить одно только молоко в течение 6 недель, начиная порцию с 2 стаканов и доводя до 16. Это, он говорил, обновляет кровь и освежает весь организм. Преосвященный Феофан почитал отца Иоанна Кронштадтского, просил у него молитв и свидетельствовал о нем как об избранном Богом пастыре. О сочинениях епископа Игнатия Брянчанинова[33] отзывался в том смысле, что в них все правильно и душеспасительно, и только «Слово о смерти» и прибавление к сему слову оставляет сомнение. В письмах первых годов много он жалуется на лень и обычный образ жизни. Иногда разрешал тайный постриг, стеснялся надевать награды; не советовал удаляться на покой. «Пока Господь не выпряжет, — говорил он, — тyani». Умер Преосвященный Феофан 80-ти лет.

С Новым Годом! И еще один год прошел...

Такие моменты жизни, как настоящий, когда мы стоим пред неизвестным будущим и пережитым прошедшим, должны понуждать нас к размышлению, серьезному вниманию к себе. Мы прожили год. Что же он нам нового принес?.. Наверное, каждый скажет, что больше огорчений, скорбей, болезней и невзгод, чем радостей и утешений. Но такова уж жизнь человека на земле, где скорби и печали рассеяны, как листья в осеннюю пору по лесу, а радости, как поздний последний осенний цветок на лугу. Но что говорить о скорбях, когда есть более важное для человека, — это его душевный, внутренний мир, его вечное призвание. Что здесь мы усмотрим в своей душе в мимолетное лето? О, здесь мы найдем целое море всяких грехов, всяких падений и беззаконий. И что получилось бы, если бы собрать все содеянные нами грехи в одно место?! Здесь мы нашли бы целые горы всякого зла, грехи нашей брэнной плоти, грехи нашего испорченного сердца и несовершенного ума.

Всякий грех — мерзость пред Господом, но я хочу сейчас напомнить о грехе нашего ума, именно неверии. Мало того, что мы дурно живем, нетрезво, невоздержно, мало того, что мы обманываем, завидуем, гордимся и т.д., — мы еще осмеливаемся идти против веры. Сколько у нас теперь появилось ересей, расколов, сект! Сколько у нас теперь так называемых неверующих! А между тем неверие есть самый пагубный, самый тяжелый грех. Согрешит человек от несовершенства плоти, покается, и Господь его простит, простит его скорее, чем когда он грешит неверием, ибо здесь он восстает против Самого Бога. И кто восстает?! — Ты, ничтожная тварь, малая пылинка в великом мироздании Божиим.

Погрузился я однажды в размышление о необъятности мирового пространства и бесконечности

времени... Вот я представил себе необъятный мир, бесчисленное множество светил небесных. Многие из них так далеки от земли, что только в три года долетает к нам от них свет, так что, если бы они потухли, то мы могли бы это заметить только через три года. Многие звезды нам видны, а неизмеримое множество за пределами нашего зрения, да и где этот предел? Наше человеческое чувство и зрение требуют конца, предела, наш ум так ограничен, что не может вместить, представить беспредельного пространства, вечности времени...

В самом деле, можешь ли ты себе представить вечность, можешь ли уразуметь, что начала жизни Бога не было и не будет конца. Твой ум и сердце от таких размышлений приходит в смятение, в ужас и страх, он робеет, он съеживается, и из этого уразумевай все свое ничтожество. Подумал я об этом и пришел в трепет, великий страх напал на меня. Я глубоко почувствовал всю необъятную силу, всемогущество и величие Божие и свое крайнее ничтожество. Я сам себе показался каким-то малым, убогим, жалким, беспомощным существом и невольно взмолился Творцу мира: Господи, Всемогущий и Дивный, дай мне всегда Тебя помнить, дай мне всегда иметь Тебя пред собою, уничтожь во мне всякую гордость и высокомерие, ибо я глубоко понял, как всякая гордость человеческая пуста и бессмысленна!..

В христианской жизни одобряется духовное общение, или так называемая духовная любовь. Она бывает между добрыми христианами и в особенности между пастырем и его духовными чадами. В чем же проявляется это духовное общение и какой его смысл? В основе его должно лежать наше стремление ко Господу, наша любовь к Иисусу Христу. Господь Иисус Христос— все для нас: Он наше сокровище, наше спасение, наша радость, наша надежда, наша жизнь, наша сила и крепость, наш Бог и Спаситель! Всю жизнь свою мы должны направлять к Нему, всегда в уме, сердце Его держать, Им жить и дышать. И вот, на почве нашего шествия ко Христу и должно быть это духовное общение. И если это общение между простыми членами христианской Церкви спасительно, то неизмеримо большее значение имеет общение пастыря с духовными чадами. Оно порождает в нас высокие, духовные стремления, оно воодушевляет к доброделанию, оно отодвигает в сторону дурную, низменную, исполненную страстей жизнь и возбуждает к покаянию и исправлению.

Духовное единение пастыря с духовными чадами облегчает переносить земные скорби, несчастья и страдания. Поведаясь пастырю все, и легче на душе станет. Это духовное единение радует и веселит нашу часто трудную земную жизнь. Связь между пастырем и духовными чадами при этом часто бывает умилительна. Нет, кажется, никого на свете роднее, ближе духовного отца, и это оттого, что добрый пастырь духовных чад принимает в свое сердце. И бывает часто так. В семье никто тебя не понимает, ибо ты только один живешь духовными интересами, только для тебя жизнь — Христос, другими же членами твоей семьи Христос оставлен в стороне. Скажи, не сроднишься ли ты после этого с пастырем, добрым служителем Христа, и не будет ли он для тебя самым близким, самым дорогим сердцу человеком? И чем сильнее, ярче в уме и сердце пастыря и пасомых живет Христос, тем и духовное единение может быть выше, чище и спасительней.

Но на почве этого единения может быть и беда. Это когда мы останавливаемся много, часто сами себе не давая отчета, только на личности пастыря; его образ всегда предносится пред нами, сердце наше переполнено чувством к нему как к человеку, Христос же, наш Спаситель, остается как бы в стороне. Вот тогда-то и развивается среди пасомых ревность, зависть, соперничество, недоброжелательство. Тогда возможны и следующие явления. Умер любимый пастырь, и мы воображаем, что все потеряно, что нам не у кого теперь и исповедоваться и причащаться. А где же Христос? Был ли Он у тебя? — К сожалению, нет. Если бы Он был, не случилось бы с тобою такого малодушия и разочарования. Совместно молиться, совместно переносить скорби и страдания, совместно и радоваться, совместно духовно созидаться, словом — не терять Христа, а все больше и больше приобретать Его, — вот чему должно способствовать духовное единение пастыря с пасомыми.

В Деяниях святых апостолов говорится, что у первых христиан был такой порядок: если случалось какое-либо несчастье, узы, болезнь или иное что с кем-либо из членов первообщины, вся Церковь усиливала молитву о таковом, и по молитве Церкви несчастье проходило (См.: Деян. 1:43-47). Случилось и мне, немощному, недавно заболеть, и что же? Вы, возлюбленные мои, поистине обнаружили первохристианскую любовь. Вы окружили меня необыкновенным вниманием и участием, вы усилили о мне, недостойном, молитву. И что же? — По вашей любви я, слава Богу, стал поправляться. Ах, любовь христианская! Как по достоинству тебя восхвалить, как тебя оценить! Ты, любовь, заставляешь всем все прощать, ты воодушевляешь к большему и большему самоотвержению и труду ради ближних, ты, любовь, очищаешь сердце от земных пристрастий и заставляешь духом возвышаться ко Господу. Когда я лежал в постели больной и узнавал о ваших молитвах и проявлениях любви ко мне, недостойному, то я думал и молился: Господи, дай же и мне чем-нибудь отплатить моим добрым друзьям за их любовь; и предносилось пред моим сознанием, что лучшим ответом с моей стороны на любовь вашу — это будет мое духовное обновление, очищение моего грешного сердца от всякой «скверны плоти и духа, мое ревностное служение Христу Спасителю. Помолитесь же Господу, мои любезные братие и сестры о Христе, за меня об этом, — да подаст Он, Господь, мне силы исполнить мое желание, ибо исполнение этого желания, еще раз скажу, и для меня будет спасительно, и для вас окажется лучшим вознаграждением за оказанную вами мне любовь.

Примечания

[23] Священномученик Киприан Карфагенский (†258) — епископ. Сын богатого сенатора, знаменитый ученый, до 40 лет был язычником и предавался роскоши и удовольствиям. Приняв Крещение по наставлению одного священника, он в корне изменился: стал подвизаться в посте и молитве, изучать Священное Писание, раздавать богатство бедным. За благочестивую жизнь он вскоре был рукоположен в сан священника, а через год в сан епископа. Во время Декиева гонения, по внушению Божественного откровения, он скрылся и из своего уединения письмами руководил карфагенской паствой. Святой Киприан проявил себя истинным пастырем во время моровой язвы в Карфагене, без боязни служа больным, как христианам, так и язычникам, и погребая умерших. В 258 г., при гонении на христиан Валериана, был умерщвлен через усечение мечом. Память священномученика Киприана 31 августа/13 сентября.

[24] Тихвинская икона Божией Матери была перенесена в Царьград из Иерусалима императрицей Евдокией в V в. За 70 лет до падения Царьграда, в 1453 г. икона чудесным образом переместилась в Новгородскую землю. На месте, избранном Божией Матерью для пребывания Ее иконы, был построен храм, при котором в 1560 г. основан Тихвинский мужской монастырь. Икона прославилась многими чудесами — прозрением слепых, исцелением бесноватых, особенно прославили этот образ чудеса над людьми, получившими помощь издалека, не приходя к нему. В Смутное время, в 1613 г., когда монастырь был осажден шведами, Богоматерь с преподобными Варлаамом Хутынским и Зосимой Соловецким явилась в ночном видении находившемуся в то время в Тихвине послушнику Соловецкого монастыря Мартиниану и сказала: «Близ погибели есть место сие многих ради нечистот греховных, ныне же осквернися святое сие Мое место». Мартиниан рассказал о бывшем ему явлении, и удалением из монастыря дурных женщин немедленно были устранены те грехи, которые оскорбляли Божию Матерь. Шведы же, благодаря заступничеству Богородицы за Русскую землю, увидели себя окруженными многочисленным войском и покинули монастырь. Праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери отмечается Церковью 26 июня/9 июля.

[25] Граф Толстой умер. Перед последним, предсмертным посещением своей сестры в Шамординской обители Толстой заезжал в Оптину Пустынь для разговора со старцами, который так и не состоялся. Е.Поселянин в своей статье в «Новом времени» (1911. Ноябрь, №12808) приводит слова гостинника о. Михаила о том, как Толстой появился в оптинской гостинице:

Взошел, шапку скинул, положил на стол перчатки и спрашивает: «Вам, может быть, неприятно, что я приехал? Я Лев Толстой, отверженный Церковью. Приехал к вашим старцам поговорить с ними...»

Впоследствии личный врач Толстого рассказал одной из сестер Шамординского монастыря, что, когда Лев Николаевич вернулся с прогулки по Оптиной, он (врач) спросил его: «Граф, где же вы были?» — «Ходил в скит; хотел зайти к старцу; постоял, но не решился». — «Почему же?» — «Не решился: ведь я отлучен». — «А еще пойдете?» — «Если меня пригласят» (См.: Духовная трагедия Льва Толстого. М.: Отчий дом, 1995. С.56).

Преподобный Оптинский старец Варсонофий (Плиханков; память 1/14 апреля и 11/24 октября), встреча которого с Толстым едва не состоялась, добровольно желал напутствовать умиравшего писателя, когда тому вследствие тяжелого болезненного состояния пришлось сойти с поезда на железнодорожной станции Астапово. Журналист Ксюнин, посетивший Оптину после смерти писателя, в своей книге «Уход Толстого» передает свою беседу об этом со старцем Варсонофием:

Меня проводили к отцу Варсонофию, ездившему в Астапово с отцом Пантелеймоном, которого сестра Толстого называла «хорошим врачом». <...> Келейник объяснил старцу, зачем я приехал. Старец стоял на молитве. Он по двенадцать часов сряду стоит на коленях. Поднялся и вышел, несмотря на поздний час. «Ездил я в Астапово, — говорит тихим голосом отец Варсонофий, — не допустили к Толстому. Молил врачей, родных, ничего не помогло... Железное кольцо сковало покойного Толстого, хотя он и Лев был, но ни разорвать кольца, ни выйти из него не мог... Приезду его в Оптину мы, признаться, удивились. Гостинник пришел ко мне и говорит, что приехал Лев Николаевич Толстой и хочет повидаться со старцами. «Кто тебе сказал?» — спрашиваю. — «Сам сказал». «Что же, если так, примем его с почтением и радостью. Иначе нельзя. Хоть Толстой и был отлучен, но раз пришел в скит, иначе нельзя. У калитки стоял, а повидаться так и не пришлось. Спешно уехал... А жалко... Как я понимаю, Толстой искал выхода. Мучился, чувствовал, что пред ним вырастает стена...» Старец Варсонофий помолчал, потом добавил: «А что из Петербурга меня посылали в Астапово, это неверно. Хотел напутствовать Толстого: ведь сам он приезжал в Оптину, никто его не тянул...» (Там же. С.65).

Ближайшим окружением писателя, толстовцами, скрыт от русской общественности факт вызова Толстым телеграммой Оптинского старца Иосифа. Открылось это только в 1956г., когда на страницах «Владимирского вестника» игумен Иннокентий подробно об этом рассказал.

Спустя немного времени по отъезде графа из Шамордина в Оптиной была получена телеграмма со станции Астапово с просьбой немедленно прислать к больному графу старца Иосифа. По получении телеграммы был собран совет старшей братии монастыря: настоятель архимандрит Ксенофонт, игумен Варсонофий, казначей иеромонах Иннокентий... На этом совете решено было вместо старца Иосифа, который в это время по слабости сил не мог выходить из кельи, командировать старца игумена Варсонофия в сопровождении иеромонаха Пантелеймона. Но, как известно, окружением Толстого они не были допущены к больному, несмотря на все усилия с их стороны. Когда старца Варсонофия окружили корреспонденты газет и журналов и спросили: «Ваше интервью, батюшка!» Старец им ответил: «Вот мое интервью, так и напишите: хотя и Лев, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана» (Там же. С.59-60).

[26] Хлысты — последователи изуверского сектантского учения (хлыстовства), в основе которого лежит антихристианская теория о перевоплощении душ. Хлысты отрицают брачную жизнь, умерщвляют плоть. Однако на тайных собраниях (так называемых радениях) допускают свальный грех, кощунственно объявляя его «осенением благодатью Святого Духа». Название «хлыстовство» — от «хлыстов» (прутьев), которыми сектанты секут себя во время радения.

[27] Баптисты, или евангельские христиане — последователи баптизма (от лат. baptisterium — «крещение») — религиозного движения, выделившегося из протестантизма в нач.XVIIв. Свое название баптисты получили от взглядов на крещение, которое они проповедают совершать только в сознательном возрасте и только по обычаю апостольских времен, т.е. через погружение; не признают действительности крещения младенцев. Баптисты не признают почитание икон, не верят в нетление мощей, отвергают посты, храмы и церковную иерархию. Особо подчеркивают свою веру во Второе Пришествие Христова и воскресение мертвых.

[28] Штундисты — участники движения за обновление духовной жизни, возникшего в сер. XIX в. на юге России в реформатских и лютеранских колониях. Название «штундисты» произошло от немецкого слова «Stunde» — «час», так как по воскресным и праздничным дням они в дополнение к богослужениям посвящали время чтению и изучению Библии. Позднее штундистами стали называться и их русские последователи. В 1894 г. Комитет министров издал положение о признании «секты штунд» (куда произвольно зачислялись представители разных евангельских течений) «вредною».

[29] Молокане — русская рационалистическая секта, возникшая во 2-й пол. XVIII в. Крестьянин Тамбовской губернии Семен Уклеин, прежде последователь духоборства, познакомившись с учением Тверитинова, основал особую секту. Молокане отвергают Православную Церковь, обряды, Таинства и почитание святых. Источником вероучения молокан является одно лишь Священное Писание, которое толкуют аллегорически. Моление их состоит из чтения Священного Писания и пения гимнов.

[30] Святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782-1867), родился в г. Коломне Московской губернии, закончил духовную семинарию при Троице-Сергиевой Лавре, где стал впоследствии преподавателем и проповедником; в 1808 г. принял монашество, преподавал в Санкт-Петербургской Духовной семинарии и Академии в звании бакалавра богословских наук; в 1811 г. возведен в сан архимандрита, в 1812 г. определен ректором и профессором Санкт-Петербургской Академии, где сразу же учредил образцовые порядки, служащие примером для других Академий. Стоял во главе перевода Библии на русский язык, в 1814 г. стал первым действительным доктором богословия в России на основании «светлейших доказательств учености, священной и церковной, представленных в академических чтениях... и увенчанных искренним осуществлением на деле христианского учения». В 1816 г. определен настоятелем Московского Новоспасского монастыря, с 1817 г. — епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургской епархии, в 1819 г. возведен в сан архиепископа с переводом в Тверскую епархию и с назначением членом Святейшего Синода, в 1820 г. назначен архиепископом Ярославским и Ростовским, с 1821 г. — архиепископ Московский, священноархимандрит Троице-Сергиевой Лавры и присутствующий в Московской Синодальной канцелярии. С этого времени и до кончины святитель Филарет с великой честью и пользой стоял во главе Святейшего Синода и епархиального управления, не прекращая и своей научно-литературной деятельности, участвуя в делах как общецерковного, так и общегосударственного характера.

Живое участие принял митрополит Филарет и в деле «дивеевской смуты» по поводу выбора настоятельницы, и во многом именно благодаря его духовной мудрости и дальновидности это дело имело благоприятный для Дивеевской обители исход. Причислен к лику святых в 1994 г., память 19 ноября/2 декабря.

[31] Преподобный Ефрем Сирийский (†373-379) — один из великих отцов и учителей Церкви IV века. Родился в Низибии у бедных благочестивых родителей. Когда он был еще ребенком, Бог в видении показал родителям его будущее величие. Они видели, будто в устах Ефрема выросла виноградная ветвь, разрослась и наполнила ветвями с плодами всю землю, и птицы прилетали и ели плоды.

В молодости Ефрем вел мирской образ ж

Часть четвертая

Как развивается у людей, ведущих духовную жизнь, стремление к уединению, к затвору, к безмолвию, — ответ на это дает нам преподобный Антоний Великий [34]. Он говорит: победа над страстями приближает к бесстрастию, бесстрастие же в какой мере утверждается, в такой приносит с собою и мир душевный, а мир душевный со сладостными ощущениями, подаваемыми молитвою и богомыслием, возбуждает в сердце духовную теплоту, которая, собирая к себе все силы духа, души и тела, вводит человека внутрь, где, водворившись, он ощущает неотразимую

потребность быть одному с Единым Богом.

Творить добро в природе человека. Всякая добродетель не совне приходит, а изнутри его рождается, а потому нет человека, который не был бы способен к доброделанию. Можно заглушить, усыпить в себе совесть, можно насильственно подавить в себе все доброе, но стоит человеку пробудиться от греховного сна, как он уже чувствует добро, понимает его, о нем ревнует и его желает. Примеры тому — падшие. Сегодня они по настроению демоны грубые, бесчувственные, но вот, завтра, случись с ними что-либо отрезвляющее, — и они обнаружат слезы покаяния, умиления и всякую доброту.

Святые подвижники не советуют бояться козней вражиих, которые проявляются в борении от помыслов и т.п., ибо демоны могут нам только угрожать, но овладеть нашим существом не в силах, если мы ограждаем себя молитвою, крестным знамением и духовным трезвением. Боязнь же только расслабляет наше сердце, парализует все то, чем мы сильны против вражьей силы.

Тебе трудно, пастырь, принимать людей на совет. При общении с ними ты рассеиваешься, расслабляешься духом, отвлекаешься от богомыслия, и даже как бы начинаешь питать человеческие чувства привязанности, ненужной ласки и человекоугодничества; тогда прими за правило избегать обычных человеческих общений и принимай людей только со крестом в руках и с молитвой на устах.

Примем к сведению следующий совет преподобного Антония Великого. «К ограждению себя от греха, — говорит он, — будем соблюдать следующее. Пусть каждый из вас замечает и записывает свои поступки и душевные движения, как бы с намерением сообщить это друг другу, и будьте уверены, что стыдясь известности, непременно перестанем грешить и даже содержать в мыслях что-либо худое. Ибо кто, когда грешит, желает, чтобы это видели? Или кто, согрешив, не пожелает лучше солгать, только бы утаить грех? Как, наблюдая друг за другом, не станем творить блуда, так, если будем записывать свои помыслы с намерением сообщить их друг другу, легче соблюдем себя от нечистых помыслов, стыдясь известности».

Стяжи себе, при крепкой вере в Бога, благоговение ко всякой святыне, стяжи постоянные слезы покаяния и смиренное о себе чувство; без этого ты ничто, ты пустой сосуд, ты медь звенящая и кимвал бряцающий. Хотя бы ты много работал в духовных делах и был бы прославлен от людей, — без указанного все равно ты ничто. Ты тогда бываешь похож на евангельскую смоковницу, которая издали, покрытая листьями, казалась исполненной плодов, в действительности же была бесплодной, за что и подверглась проклятию от Господа.

Часто мне говорят в церкви: что нам делать, мы нерадиво живем, разумеется по отношению к душевному спасению? Быть духовно нерадивым — это значит: лениво молиться Богу, быть невнимательным к своему сердцу, не плакать о своих грехах, не иметь жара духовного, не противодействовать дурным помыслам и чувствам, не заботиться и о внешнем богоугождении, — словом, иметь так называемое духовное нечувствие, духовное расслабление. Но, ах, как я прежде всего виновен в этом!

В духовном делании большое значение имеет добродетель рассуждения и благоразумия. Без сего часто и подвиги не приносят плода и не спасают человека. Как же нам развить в себе духовное рассуждение? — А ведь, думается, каждый желал бы его иметь. Вчитывайся в Слово Божие и переживай его, изучай творения святых отцов, не полагайся на свои силы, а на благодатную помощь Божию и на духовный опыт прославленных отцов, постоянно ищи искренней исповеди в своих немощах, стремись почаще соединяться со Христом во Святом Причащении, — и ты будешь озаряться светом Христовым, твой ум будет преисполняться духовного рассуждения и благоразумия, а сердце — чутья истины и правды Божией.

Видишь ли цветок красивый, слышишь ли пение птишек, дышишь ли чистым, благоарстворенным воздухом, — переносись мыслию к Творцу и благодари Его за то, что Он дал в обладание тебе природу со всеми благами. Чувство благодарности и благоговения к Богу и Творцу прекрасно питает и укрепляет нашу любовь к Нему. Любовь же к Богу даст все тебе благое.

Нужно отличать смирение от долга и обязанностей; это следует знать особенно людям, которым дается власть и управление над другими: где проявляй смирение, а где исполняй и долг. Например, ты, священник, в домашней обстановке можешь отказать от услуг, но во время церковной службы, когда положено принимать услуги от других, ты не имеешь права от них отказываться, относя эти услуги не к себе лично, а к твоему сану. Ты наставник: в школе — учи других, а вне своих учительских обязанностей будь как слушающий и поучающийся от других и т.п.

Прямота сердца — доброе качество души. Разумей, однако, прямоту, проникнутую духом любви к Богу и ближним, ибо легко посчитать за прямоту простую смелость в поступках и словах; в последнем случае скорее проявляется не прямота, а грубость, дерзость и нахальство. Прямоте сердца противоположно лукавство и лицемерие.

Читая наставления преподобного Исаяи Отшельника[35], поражаешься, как у святых отцов подвижников даже внешнее благоповедение доходило до высшей степени вежливости, благопристойности и обходительности. Если хотите, здесь вы можете найти высший тон благовоспитанности. Как сидеть за столом, как говорить, как ходить, как принимать гостей, — всему вы здесь найдете указание, все здесь определено и при этом в высшей степени нежно, тонко, духовно и искренно, что весьма дорого. Высший же тон, рекомендуемый в светском воспитании, только внешне благопристоен, внутри же исполнен лицемерия, злорадства и пустоты. О вера Христова! Как ты высока — ты поистине двигатель нашего совершенства и внутреннего и внешнего! И ты, вера, это совершенство можешь везде давать человеку — будет ли он жить в богатых чертогах, или же в пустынях и пропастях земных...

Если ты, с Божьей помощью, блюдешься от падений и уже прошло много времени твоей жизни о Господе, смотри тогда за собой еще бдительнее, ибо опыт богомудрых отцов говорит, что враг на таких готовит сильные ухищрения, ибо цель врага одна: дабы ни один человек не прошел жизненного пути благополучно. Из жизнеописаний святых и наставлений святоотеческих мы узнаем, что и великие столпы падали или же близки были, по козням вражиим, к падению. Для потрудившихся во благочестии часто готовится натиск вражий с той стороны, откуда подвижник не ожидает, натиск скрытый, хитрый и лукавый.

При окормлении тебя старцем, духовником, у тебя могут возникать к нему дурные чувства: подозрения, осуждения, зависти и недоброжелательства. Не поддавайся, однако, этим чувствам, борись с ними и не отходи от духовника или старца. Если возникло у тебя дурное чувство к старцу, знай, что последний для тебя полезен, но вот, враг задумал тебя от него отстранить, удалить. Может быть, старец сбивает у тебя горделивое чувство или еще какой-либо недостаток, а тебе и врагу это неприятно, вот и подымается у тебя в сердце неприязнь против духовного отца. Помни это и почаще читай в конце книги аввы Исаяи Отшельника историю о том, как некий ученик без причины возненавидел своего старца.

Как подавлять гневливость? Не следует входить в пререкания при вспышке гнева. Ум же и сердце твое в то время пусть работают не против обидчика, вызвавшего у тебя гнев, а в пользу его, именно: подыскивай извиняющие причины, почему нас обидели или дурно нам сделали, укоряй себя, что ты, должно быть, не умеешь обходиться с людьми, не умеешь вести дело и управлять подчиненными. Еще лучше, если ты помолишься, дабы Господь тебя успокоил. Иногда необходимо во время гнева принимать чисто физиологические меры, например, выпить воды, лечь в постель, убежать и запереться в своей келье, в своем помещении; главное же, помни всегда, что ты, как христианин, не должен гневаться, раздражаться, не должен возвышать голос, не должен говорить грубые и обидные слова.

Ты заботишься о частом причащении. А знаешь ли, что вместе с этим от тебя требуется? — Постоянная бдительность над своим сердцем, ибо если ты причащаешься, а после этого одолеваяешься какою-либо страстию, например, гневом или завистию, или тщеславием, гордостью, или нечистыми помыслами, или другою страстию, то погибает у тебя плод Святого Причащения. Великое дело принимать Святые Тайны и велики от этого плоды: обновление нашего сердца Духом Святым, блаженное настроение духа. И сколь велико это дело, столь тщательной оно требует от нас и подготовки. А потому хочешь от Святого Причащения получать благодать Божию — старайся всемерно об исправлении своего сердца.

Великое дело развить в себе чувство вездеприсутствия Божия, чувство близости Творца. Ты живешь и не чувствуешь Бога, от этого и все срамное легко творишь. А если бы постоянно в твоём сознании предносилась мысль о Боге, а сердце постоянно бы чувствовало Его, ты не так бы легко двигался на все дурное. Вера у тебя слаба, ты слишком захвачен земными заботами, вся жизнь, все интересы у тебя здесь, на земле, — вот и заглохла у тебя мысль о Боге, вот и зачерствело твое сердце. Вспомни, как многих один мимолетный проблеск мысли, что есть Творец, что есть Судия, спасал от грехов и падений. Представь же: если бы у тебя всегда была жива мысль о Боге, каким предохранительным средством это служило бы от поползновения ко греху?

Необходимо, чтобы в твоём сердце всегда теплился огонек духовный. Если он есть, всегда ты можешь от него зажечь все множество духовных проявлений. Есть повод к тому — и готов костер, целое пламя духовных возвышенных чувств; например, ты в храме, идет божественная служба — вот и охвачен твой дух молитвенным огнем. Ты среди природы, созданной Творцом, — вот и переполнилось твое сердце чувством благоговения и благодарности к Богу. Ты видишь нужду, несчастье ближнего — вот и наполнились твои глаза слезами сострадания и участия. Духовный огонек имей всегда в сердце своем; нет его или весьма он слаб — всеми мерами старайся тогда его поддержать или же возжечь. А возжигается он верою в Господа нашего Спасителя Иисуса Христа

и любовью к Нему, при сознании нашей немощности, нашей беспомощности.

Мне однажды передавали по поводу частого причащения следующий случай. Одна особа привыкла каждый день причащаться. На нее обратило внимание духовное начальство. Поручили духовнику проверить ее. Духовник, соображаясь с устройением указанной особы, предложил ей каждый раз исповедоваться и, когда считал неудобным, советовал ей не подходить к Святой Чаше. Но было уже поздно для нее такое духовное руководство. Она не смущалась и каждый день продолжала причащаться, переходя с одной церкви в другую. За ней, далее, проследили и нигде не допускали до Причащения. И эта особа не стала стремиться в церкви причащаться, а вообразила, что ей уже дано божеское право самой благословлять хлеб и вино, и причащалась дома ежедневно, совершая якобы Литургию над просфорами и вином. Дело ее, однако, окончилось печально. Она сошла с ума и в настоящее время находится в лечебнице умалишенных.

Так, к Святому Причастию нужно относиться с глубоким благоговением, причащаясь каждый раз в смиренном чувстве, иначе на почве частого и недостойного принятия Святых Таин может возникнуть самообольщение. Однажды ко мне в церкви подошла женщина и стала мне выговаривать, что ее каждый день не допускают до Святого Причащения, а между прочим, на мой вопрос, исповедуется ли она в своих грехах и достойна ли она каждый день, уж как женщина, причащаться, она ответила, что у нее нет грехов. А другая требовала ежедневного причащения, между тем как от нее разило табаком. Велико Святое Причащение, но по его великости требуется великое и приготовление, великое достоинство к его восприятию. «Огонь бо есть, недостойныя попяляяй» (Молитва ко Святому Причащению).

В духовном делании, в служении Господу и ближним, — как распознавать, что это делание истинно, правильно, богоугодно и когда оно смешано с человеческими выгодами, когда оно низменно и не свято? По внешнему трудно судить о сем. Например, мы можем думать, что служение ближним такого-то духовного делателя спасительно и для него и для других, заключая так по общему представлению, что вообще хорошо служить ближним, хорошо постоянно проповедовать слово Божие, хорошо раздавать все неимущим, хорошо день и ночь трудиться. В действительности же при всем этом деятельность иного духовного руководителя может быть невысока. Чувствовать и распознавать свойства своего дела отчасти может сам деятель. Признаками истинности служения могут считаться: когда сердце деятеля исполняется миром и радостью о Дусе Святе (Рим.14:17), когда он свободен от гордости, самообольщения и превозношения, когда он преисполнен веры и любви ко Господу и ради этой любви готов на все лишения. Впрочем, над всеми есть общий Судия Господь, Которому одному ведомо, что есть в человеке доброе и злое.

Мы тесно связаны с телом, а потому весьма сильно и прежде всего заявляет свои права наше тело: то оно обнаруживает похотливость, то требует пищи и питья, то клонит ко сну, лености. Вот почему во всех аскетических писаниях больше всего о борьбе с плотью говорится. Остальные страсти: гнев, сребролюбие и т.д. могут быть и не быть у человека, но, например, похотливость тела всем нам присуща. А если так, то от нас требуется с самого начала зрелости большое внимание к тому, чтобы плоть подавлять, облагораживать. Всякое дурное ощущение, всякий изъян в этом отношении уже дает плюс для развития похотливости — не потому ли бывает так много плотских падений? И что губительно, так это то, что плотская страсть парализует, портит все наше внутреннее духовное устройство. От плотской страсти притупляется наша духовная чуткость — вот почему целомудрие, плотская чистота полагается во главе, в основе всякого духовного делания. Бывают такие примеры: человек интересуется духовным и понимает его, но вот он пал, и все духовное в нем исчезает, у него как бы закрываются духовные очи и он делается плотяным. Кто желает проводить духовную жизнь, тот поэтому о целомудрии прежде всего и должен заботиться.

Я получил однажды письмо, в котором какая-то простая женщина мне писала:

Ты считаешь батюшку отца Иоанна Кронштадтского, говоришь: «Дорогой наш батюшка отец Иоанн», — служишь по нем панихиды, но этого мало. Я видела следующий сон. Явился мне сам отец Иоанн и говорит: «Поди в Чудов монастырь к отцу Арсению и скажи ему: зачем он называет меня только дорогой батюшка, — во мне ведь воплотился Сам Бог Отец, и если он, отец Арсений, не станет так меня признавать, то будет ему плохо».

Из этого письма я, к сожалению, еще раз убедился, что есть люди, которые действительно считают отца Иоанна за Бога[36] и немало поскорбел, вспомнив, как сам отец Иоанн сокрушался об этом. Однажды в последний год жизни отца Иоанна, летом, я поехал в Вауловский скит Ярославской губернии[37], где находился отец Иоанн. Погостил я у него несколько дней, наслаждался лицезрением его, совместным служением и беседою. И вот, в это время явились к отцу Иоанну из города Ярославля члены местного отдела Союза русского народа и заявили отцу Иоанну, что некоторые почитатели вымогают именем его деньги и при этом проповедуют, что в нем, отце Иоанне, воплотился Сам Бог, вся Святая Троица. От этого заявления покойный отец Иоанн пришел в большое смущение и сказал: «Ах, они безумцы, позвать мне их!» Был позван один из главных представителей это-то безумного учения. И вот, отец Иоанн в моем присутствии с негодованием так говорил: «Прокляты вы за такое учение. Покайтесь, иначе вы прокляты». Был составлен об этом акт, под которым подписался сам отец Иоанн, я и другие посетители отца Иоанна, которые в это время случились у него.

Говорят, что в настоящее время ослабевает дух монашества. Какие же меры принять к поднятию его? Хорошо было бы направить все меры в центр существа монашества, именно к тому, чтобы возбудить в насельниках обителей интерес к духовной жизни. Духовная жизнь присуща всякому христианину, а ищущим монашества тем более, и вот, к несчастью, ослабевает этот интерес к духовной жизни в обителях. Нужно его возбудить, оживить. Механические, чисто административные или лучше дисциплинарные меры недостаточны. Надо уловить особенности направления и характера современных людей, идущих в монастыри, и, применяясь к сему, строить духовную жизнь; например, в настоящее время люди мало склонны к внешним подвигам, к сухоядению и веригам, но зато силен интерес к пище духовной, к грамотности, к чтению книг духовных, — вот и следует удовлетворять в насельниках обители эту любознательность. Современные люди в большинстве отличаются плохим здоровьем, для них тяжелы чрезмерные бдения, но зато теперь ищут осмысленного, истового и вразумительного богослужения, о котором и следует в монастырях заботиться. Наконец, есть неумирающие, вечно живые двигатели духовной жизни — это именно духовное руководство, частая исповедь и Святое Причащение. Что же, развито ли все это в наших обителях? К сожалению, нет. На все вышесказанное и следует обратить внимание, если мы желаем духовного преуспевания обителям. Хорошо бы вести отчет, все ли насельники обители находятся под духовным руководством, сколько раз в году каждый исповедуется и причащается, и пусть благочинный монастырей почаще проверяет жизнь насельников обители.

Когда я был озабочен, куда направить мне жизненные стопы после окончания курса в семинарии, — быть ли мне священником или избрать иноческий образ жизни, я дерзнул написать письмо отцу Иоанну Кронштадтскому, которого лично до сего времени не знал и никогда не видал. На получение ответа я мало надеялся, зная, что отец Иоанн обременен невероятным пастырским трудом, а уповал только на молитву его. И каково же было мое счастье, когда я получил от святого пастыря любезный ответ избрать иноческий образ жизни. До сего времени непостоянство мною обладало и как-то все не везло, после же письма или, правильнее сказать, в момент чтения письма

меня охватил трепет и решительность. Я стал хлопотать о монашестве, при этом все прежние препятствия рассеялись.

Ты любишь, когда в природе все прекрасно и красиво, ты любишь благоухание полей и лесов, ты не терпишь грязи, а стремишься к чистоте и опрятности, которая тебя утешает, тебя освежает и тебя радует. Так и относительно нашего внутреннего состояния. Люби чистоту души и всячески стремись к ней; эта чистота наполнит дом твоей души неизглаголанною радостью и небесным благоуханием.

«Цель христианской жизни[38], — говорил преподобный Серафим в разговоре с Н.А.Мотовиловым[39], — есть стяжание в сердце наше Духа Святого». «А как можно распознать, что я нахожусь в благодати Духа Святого, и когда я бываю исполнен духа лестча (Ср.: 1 Тим.4:1), бесовской прелести?» — спрашивал далее Мотовилов. Преподобный Серафим, помолвившись, чтобы Дух Святой озарил собеседника, указал, что Дух Божий, исполняя наше сердце, водворяет там тишину и мир, разливает по всем жилам необыкновенную сладость, преисполняет нас неизреченною радостью, вносит в душу чистоту и разливает ощутительное вокруг благоухание. Действия же бесовские на нас мятежны, стропотны и исполнены похотью плотскою, похотью очес и гордостию житейскою. Правда, бывает как бы некоторая сладость и во время бесовской прелести, но эта сладость кровавая, она происходит от движения в нас плоти и крови; этой сладости всячески надо бежать, ибо она развивает в нас блудную страсть.

Ах, как хорошо было бы, если бы ты поставил себе за правило ежедневно, хотя бы несколько минут, уделять на размышление о твоём внутреннем состоянии, на сокрушение и плач о своих грехах. На все у тебя хватает времени: и на туалет, и на прогулку, и на еду, и на развлечения, только на это ты не выберешь себе времени. А между тем, как это важно для души! Представь себе: ты сегодня, наконец, уединился и так вздохнул ко Господу: «Господи, какой я немощный! Сколько недочетов у меня, как я гневлив, как я горд, сколько у меня тщеславия; как я невоздержан на язык, сколько у меня самолюбия, зачем я так грубо обхожусь с ближними, а сколько у меня бывает дурных помыслов, желаний! Какой я скверный, как я нехорош! Я плачу, Господи, о своих грехах и умоляю простить и исправить меня, ибо я хочу в своей земной жизни выполнить свое человеческое призвание». Так сегодня ты придешь в себя, завтра и т.д., и что же от этого может получиться? Ты незаметно для самого себя станешь вырабатывать уравновешенную христианскую натуру, добрую, правдивую, любящую Бога и людей.

А это ли не желательно, это ли не высшее благо человека?

Страсть тщеславия, равно как и гордости, тем противна, что она проникает к нам, где бы мы ни были, в каком бы положении ни находились. Ни уединение, ни бедность, ни нищета от нее нас не спасают, ни богатство, ни полнота власти и чести нас от нее не предохраняют. Для иллюстрации этого приведем следующий пример, записанный у преподобного Иоанна Кассиана. Некий старец, придя к келии одного брата для посещения его, услышал, что тот внутри что-то говорит, и приостановился, желая узнать, что такое читает брат из Священного Писания, или на память что прочитывает, как есть обычай у иноков делать это за работой. Приложив поближе ухо, благочестивый наблюдатель услышал, что брат, будто в церкви, предлагает поучение народу; это значило, что он, духом тщеславия оболещенный, представлял себя иереем и исполнял мечтательно лежавшее на нем дело. Подождав еще немного, старец услышал, что брат кончил поучение, и, переменив должность, будто уже в сане диакона, начал возглашать ектению: «Оглашенные изыдите».

Нас посещает временами дурное настроение духа, дух уныния. Как небо бывает то чисто, то заволанивается тучами, так и наша душа иногда поражается унынием. Во время непогоды мы не выходим наружу, дабы дождь не облил нас, затворяем окна и двери, дабы предохранить наше жилище от разрушения; так и во время уныния вредно заниматься умственным трудом и давать простор для развития чувств, ибо уныние — нездоровое, ненормальное состояние нашего духа. А если так, то что хорошего можно ожидать от нашей умственной и сердечной деятельности, если она совершается во время уныния? Надо пережить, надо переждать нахлынувший мрак души, а потому во время уныния прекрати серьезную работу ума и сердца и лучше займись физическим трудом, а то спеша насладись природою, или же просто используй время уныния для твоего телесного отдохновения.

Одни люди спокойно готовы нести жизненные труды и лишения и даже добровольно налагают на себя подвиги (святые угодники), а другие не выносят жизненных невзгод, поднимают ропот, в болезнях малодушествуют, в несчастиях унывают. Отчего это? Нужно понять смысл жизни. Жизнь есть борьба, которая для каждого, однако, представляется в разных видах. Нужно выдержать эту борьбу, дабы выполнить жизненную задачу, дабы достигнуть цели жизни, достигнуть того жизненного результата, который может быть только по ту сторону — за гробом. И чем жизненная борьба трудней, тем и результат будет для нас отрадней. Представьте себе: вы несете тяжелую ношу; на пути вы изнемогаете, но вот достигли конца, ношу сбросили и почувствовали легкость, отраду; вы только теперь чувствуете, что не напрасно ее несли, что ноша дала вам испытать потом и приятность, и чем тяжелее и труднее была ноша, тем чувствительнее от нее и освобождение, тем большая отрада и успокоение при конце. Так и относительно жизненной борьбы: чем она тяжелее здесь, на земле, тем итог ее там, за гробом, для нас благоприятней. Если мы уразумеем такой смысл жизни, тогда она для нас будет не пустым бременем, а делом, которое нам надлежит исполнить, как бы тяжело оно ни было.

Часто мы восхваляем простоту. «Он простой души человек», «вот уж простота», — говорим мы, желая дать добрый отзыв о человеке. Что же это за свойство души «простота» и почему она достойна похвалы? Все мы дети одного Отца Небесного, все мы братья во Христе, нечем нам друг перед другом гордиться. Если же тебе Господь дал какие-либо преимущества, таланты, способности, богатство, славу, то они не твои, а Божии, Божий дар, как говорит святой апостол Павел (См.: 1 Кор. 12). И вот, кто прост сердцем, тот хорошо чувствует это, чувствует маленькое и равное со всеми людьми положение. И из этого-то сознания выходит у человека доброе, обходительное, ласковое, незаносчивое, ровное спокойное отношение к другим; это и есть простота сердца. Простой сердцем человек никого не обидит, никому не станет поперек дороги, никого не осудит, никому не позавидует.

Кто прост сердцем, тот, далее, способен на большие труды, самые низкие и тяжелые; тот не взыскателен к пище и одежде, тот не требует и не ищет каких-либо удобств жизни. И это понятно — почему. Простота держит сердце человека в постоянном укорении и сознании своего недостойнства. Кто прост сердцем, тот сострадательен к бедным, нищим и убогим, тот легко входит в положение несчастных, скорбящих и страждущих. А почему? Простота сердечная — незлобива, мягка, любвеобильна, кротка, а все это и делает простого сердцем человека удобоподвижным на добрые дела, делает его милосердным. Кто прост сердцем, тот, наконец, хорошо может молиться Богу, у того в сердце постоянно живет страх Божий, вера и любовь. Простые сердцем не способны к неверию и противлению Богу, их достояние вера. Вот каковы достоинства простоты. И Господь любит простоту сердечную и идет ей навстречу Своею благодатию. В сердце простых обитает Дух Святой, Который обвеселяет их сердце, уничтожает в них всякий дух уныния и пожигает в них плотские страсти, так что можно сказать: простые сердцем вместе с тем бывают и чистые сердцем.

Некоторые спрашивают, почему одни иконы чудотворны, а другие нет? Разве не могут быть чудотворными все иконы? Молящемуся с верою пред всякою святою иконою Господь может всегда сотворить чудо, но, однако, несомненно и то, что через некоторые иконы Господь в особенности являет людям Свою милость. А почему так — это находится в ведении Промысла Божия. Господь хочет всем спастись и в разум истины прийти, и вот, смотря по надобности, Он открывает там и здесь Свои благодатные источники — чудотворные иконы.

Вспоминается мне при этом чудотворный образ «Всех скорбящих Радость» в Петербурге на стеклянном заводе. Более десяти лет тому назад в этой местности не было ни одного храма. От постоянного дыма фабричных труб местность эта всегда имела мрачный вид. И народ, лишенный духовного утешения, проводил здесь время свободное в дурных развлечениях. Вовне мрачно, и внутри человеческого сердца здесь было худо. Находилась тут, правда, одна маленькая часовня, старая и забытая всеми, с образом Божией Матери «Всех скорбящих Радость», простой работы и с кружкою при ней. И вот однажды в летнее время над этой местностью разразилась страшная гроза. Молния ударила в часовню, разбила ее, осталась невредимой лишь одна икона Божией Матери. При этом медные полушки, находившиеся в кружке, доказательство редкого и малого посещения людьми часовни, брызгами полетели на икону и так крепко пристали к ней, что теперь невозможно их отнять. Быстро весть об этом распространилась по городу. Народ толпою пошел прикладываться к чудотворному образу Божией Матери. Открылся таким образом благодатный источник, от которого обильно потекли чудотворения. И вот теперь эта окраина Петербурга сделалась неузнаваемой. На месте чудесного явления вырос прекрасный храм и часовня и, так как они стоят на проходной дороге, тодвигающийся народ толпою наполняет часовню, и это тот народ, который ранее здесь был лишен духовного утешения. В часовне теперь всегда много больных, скорбящих, страждущих.

Или кто не поразится нашим московским благодатным источником — чудотворным образом Иверской Божией Матери? Обратите внимание, где он находится, — в самом центре города, куда каждый житель столицы уже по своим житейским делам должен являться. Пойдите к Иверской часовне, постоит около нее и почувствуете, что это место действительно особого воздействия благодати Божией на людей. Как путник, изнемогающий от жажды в жару, подходит к холодному и чистому источнику ключевой воды и пьет из него, утоляя тем свою жажду, так и мы, насельники сего богоспасаемого града Москвы, — спешим в трудную минуту жизни нашей к Иверской святыне, почерпая от сего благодатного источника духовное утешение, ободрение и исцеление. И сколько у нас по России рассеяно таких благодатных источников — чудотворных икон? Не о том поэтому нужно думать и недоумевать, почему те или другие иконы бывают чудотворными, ибо это находится в ведении всеблагого Промысла Божия, а остается нам только безмерно благодарить Господа и Его Пречистую Матерь, являющих нам, слабым и немощным, Свои благодатные источники — чудотворные иконы.

Христос Спаситель, будучи на Кресте, молился за Своих врагов. Он взывал: Отче, отпусти им: не введут бо что творят (Лк.23:34). Святой первомученик и архидиакон Стефан, следуя по стопам своего Божественного Учителя, будучи побиваем от врагов камнями, также молился: Господи! не постави им греха сего (Ср.: Деян.7:60). Что же это за свойство души, когда человек все прощает, не помнит никакого зла, никакой обиды? — Это свойство души известно под именем кротости. Кротость есть такая тихость сердца, такое спокойствие души, когда человек не выходит из себя, не раздражается, не гневается, — она мать незлобия. Кротость ни похвалами не услаждается, ни поношениями не огорчается, — она сестра смирения. Кротость никого не осуждает, не стремится знать пороки других, не злорадствует, все переносит, все терпит. Кротость — содейственница послушанию. Кротость — устроительница мира и спокойствия в братстве, ибо она мать любви. Кротость — щит против досады, беспокойства и всякого уныния. Кротость — престол простоты и подательница радости. Велики плоды кротости!

Кроткий приобретает дерзновение на молитве, ибо Господь говорит: на кого воззрю, как если только на кроткого и молчаливаго (Ср.: Ис.66:2). Кротость есть седалище в сердце Духа Святого, ибо Сам Господь говорит: яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Мф.11:29). Кротость есть основа для духовного ведения и рассудительности. Кротость есть по себе двигатель молитвы; кроткие хорошо молятся, да уже сама кротость сердца что есть, как не молитвенная настроенность. Кротость благотворно влияет на других. Тихость сердца кроткого созидает и вокруг него такую же умиротворяющую обстановку. Кроткие наследят землю. Что это значит? Какую землю обещает кротким Господь? — Царство Небесное, вечное блаженство. Кроткие наследят, то есть получают полностью и как бы по некоему праву Царство Небесное, и это потому, что они здесь, на земле, по своей кротости терпели лишения, были в числе последних, недополучали своего, так вот за этот ущерб в земной жизни они и получают там, на Небеси, полный небесный венец.

Многие говорят: нас тяготят прежние грехи и нам кажется, что Господь не простит нас, — и это чувство бывает так тягостно, что вот-вот перейдет в отчаяние. Все мы немощные люди, все впадаем в те или иные грехи, и особенно плотская похоть многих беспокоит. Что же нам делать? Нужно постоянно молиться Господу Богу о прощении наших грехов. Согрешил ты — припади к Господу, моли Его усердно от всей души простить тебе и не отступай от Господа до тех пор, пока не почувствуешь благоволения Божия к тебе, пока сердце не подскажет, что Господь тебя прощает, и ты, если усердно будешь молиться, непременно это почувствуешь: в душе у тебя водворится спокойствие и умиление. До сего времени тебе стыдно было смотреть на святую икону, а теперь ты дерзаешь и на нее глядеть; до сего времени ты не хотел видеть людей, стыдился их, а после этого ты им рад; до сего времени уныние, тоска, подавленное настроение обладали тобою, после же — радость в сердце ты переживаешь. Это и есть признак, что Господь тебя простил, что ты своим покаянием и сокрушением сердечным изгладил свой грех. Из всего этого познавай милосердие Божие к тебе грешному — и на сем возгревай любовь к Господу. Как же после этого нам себя вести? — Прежде всего, старайся, конечно, ни в каком случае не повторять прежнего греха, чтобы не прогневать Милосердного Господа, чтобы не оскорбить любви Его к тебе, и, во-вторых, не нужно останавливаться мыслию на прежних грехах; не думай о них, дабы, с одной стороны, не повредить душевному настроению, а с другой, чтобы не дать пищи опять для тоски, уныния и отчаяния, ибо известно, что враг рода человеческого старается повергнуть нас в отчаяние после согрешений. Расчет с нашими грехами покончен. Мы покались, Господь простил. Теперь остается только не повторять прежних грехов, благодарить Милосердного Господа и направляться далее спокойно, радостно, бодро по пути добродетели, по пути нашего шествия ко Господу.

При жизни Спасителя были бесноватые, есть они и теперь. При больших торжественных богослужениях, при крестных ходах, при гробницах угодников Божиих приходится часто видеть сих бесноватых. Действительно ли возможно беснование? Мир остается один и тот же и враг рода человеческого тот же, хотя и потерял он после пришествия Спасителя свое могущество, именно христианин врага теперь может сокрушать, побеждать. И если при Спасителе были бесноватые, то они могут быть и теперь. Когда в сильной степени враг вселяется в человека, то вот он производит те припадки, которые мы наблюдаем над бесноватыми; при этом входят в человека разные злые духи, но по большей части дух блуда и хулы на Бога. Этот-то злой дух и подавляет у человека его сознание и чувство и таким образом берет верх. Но человеческая сила, и особенно христианина, освященного Духом Святым, нелегко поддается духу злобы, и вот это-то бореие вовне и обнаруживается в виде припадков, неистовства и ломания. Бывает беснование даже целого общества, например, сектантского при их радениях.

Но если некоторые действительно подвержены беснованию, одержимы духами злобы, то вместе с этим есть и обманщики, которые напускают на себя это беснование, чтобы смущать народ, обдѣлывать свои делишки, вроде воровства, а то просто беснованием думают вызвать сострадание

у присутствующих и тем выманить пособие и т.п. Как-то раз была замечена подобная шайка в Иверской часовне в Москве. Мнимых бесноватых обыкновенно сопровождает компания людей; одни как бы помогают больным во время беснования, другие же сообщники в это время, когда все внимание сосредоточено на бесноватых, обшаривают карманы, — словом, может быть напускное беснование, может развиваться даже мания беснования, особенно у нервных женщин. Говорят, было время, когда появлялась такая масса кликуш по церквам, что приходилось бороться с этим явлением полицейскими мерами, и кликуши исчезали. Во всяком случае, истинное беснование возможно. Оно засвидетельствовано в Евангелии, оно известно всем нам. Какими же средствами можно избавиться от него? Господь сказал: сей род ничем иным не изгоняется, как только молитвою и постом. С беснованием можно бороться только посредством святыни. Но кто должен поститься и молиться? Сами больные часто неспособны бывают к этому, тогда близкие должны усиливать за больных свою молитву; а также самих больных нужно окружать святынею, давать им святую воду, водить по святым местам, прикладывать к святым мощам, совершать над ними Таинство Елеосвящения и, если они в состоянии, то и причащать их Святых Тайн.

Обыкновенно приобретают силу над злыми духами те подвижники веры, которые сами много боролись с исконным врагом рода человеческого, которые проводили или проводят жизнь в чистоте и постоянной молитве. Знает это враг рода человеческого, и что же? — Он и здесь старается нанести вред истине. Он наущает многих мнимых подвижников, например, так называемых братцев и т.п., проделывать ложные исцеления над мнимыми бесноватыми с тем, чтобы обольстить народ. Так бывало, по крайней мере, у московских «братцев»: подводили к «братцу» мнимобеснующуюся, он возлагал руки, мазал маслом и этим якобы исцелял. Подлинный обман. Возможно ли здесь исцеление, когда «братцы» — обольстители?

В связи с беснованием стоит вопрос о так называемой порче. Часто приходится слышать, что вот-де испортили на свадьбе, или говорят: такого-то сглазили, у него дурной глаз... Как смотреть на это? Возможна ли порча? Влияние человека на человека несомненно существует. Ведь часто мы говорим: он повлиял на него, воздействовал... Если есть доброе влияние, то возможно и дурное, которое имеет разные степени, и иной раз такие степени, которые делаются заметными для нас. Если человек злой, если он сдружился с злым духом, то как ему не повлиять дурно на другого? Но можно ли нам бояться порчи и, если уже произведено дурное влияние, то как от него избавиться? Дурной силе нужно стараться противостоять собственной силой духовной, благодатной, которая у каждого христианина есть, нужно христианину всегда ограждаться крестным знаменем, молитвою, святыней, постоянной исповедью, причащением Святых Тайн, тогда не так легко и враг нас будет одолевать.

Ты согрешил, подпал под власть какой-нибудь страсти, — используй и это во благое. Построй на своем падении чистосердечное покаяние, выработай сокрушенный дух, смиренное чувство. Быть может, прежде ты превозносился своей чистотой, свою непорочностью, а отсюда относился к людям порочным презрительно и с осуждением; теперь же не смей зазирать никого во грехах, свои грехи всегда помни, будь всегда смирен сердцем, тих и кроток. Быть может, прежде ты мало молился, опираясь на свою внешнюю праведность, считал ее одну достаточной без подвигов молитвы и поста; теперь же, когда чувствуешь свою виновность, вооружись молитвой и прежде всего молитвой Иисусовой — этим оплотом от всех наветов вражиих, прилежи и к доброделанию, ибо твердо знай, что вера, по слову апостола, без дел мертва есть (Иак.2:17).

4 сентября 1911 года Господь удостоил меня быть самовидцем и свидетелем великого торжества Церкви Православной — присутствовать при открытии мощей святителя Иоасафа, Белгородского чудотворца. Пред лицом нового печальника за Русь Святую, Богом дарованного, в виду новой твердыни Православия, в Белгороде Богом воздвигнутой, сердце ликовало от умиления и духовной радости. Но в то же время и грустно становилось при воспоминании о тех многих сынах нашей Церкви, которые, подобно блудному сыну, движимые духом непокорства, ушли от своей матери на

страну далече (См.: Лк.15:11-32); вот и теперь, думалось, чужды они этого торжества духовного, не разумеют его, а по недоразумению не признают и новоявленной святыни. Противляясь благодати Божией, не хотят понять они того, что прославление угодников Божиих происходит по особому Божиюму смотрению. Это до ясности очевидно для каждого православно верующего, между прочим, и из обстоятельств смерти и дальнейшего хранения останков святителя Иоасафа.

Вот, он умирает... умирает, заметьте, не дома, а во время поездки по епархии, в 70 верстах от своего епархиального города. Нужно было в этот город перевозить его останки. Для совершения погребения над святителем Иоасафом духовным начальством назначается Переяславский епископ. Последний же, по причине распутицы, мог приехать в Белгород лишь только через два месяца. Так естественно отлагалось погребение святителя Иоасафа, и целых 70 дней пришлось ожидать этого погребения. Вот тогда-то и было усмотрено, что тело святителя остается нетленным. Решено было по погребении не зарывать гроба его в землю, а поставить в пещере, куда и стал спускаться на молитву белгородский народ, крепко веря в небесное предстательство своего свято почившего святителя.

Как-то лет 15 тому назад пришлось мне быть в Белгороде. О прославлении святителя Иоасафа тогда еще не было речи, но уже побывавши у его раки, чувствовалось, что это время близится. Стремление белгородского народа утром приложиться к святителю, ежедневно после ранней Литургии соборное служение панихиды, сопровождавшееся звоном 1000-пудового колокола, постоянное произношение на всех частных панихидах имени святителя Иоасафа, — все это говорило сердцу, что вот-вот наступит день и час, когда святитель Иоасаф будет прославлен. Теперь это исполнилось.

Ах, как несправедливы те, которые осмеливаются видеть в прославлении угодников Божиих дело рук человеческих, — так смотрят на это наши сектанты. Для нас же, верных сынов Церкви, как Божий день ясен Промысл Божий в сем прославлении. Когда открывались честные мощи преподобного Серафима Саровского[40], противляющиеся благодати Божией, не понимая того, что Господь различно прославляет святых, говорили: «Вот если бы осталось все тело его нетленным, тогда бы мы поверили». Но вот теперь, сектанты и все неверующие, идите и смотрите на почивающего нетленно святителя Иоасафа. Мощи его сохранились благолепно.

12 августа прежде открытия мощей мне пришлось быть в Белгороде и лицезреть лице святителя. Прикладываясь к честным мощам угодника, я попросил открыть его лик, и — о восторг! — предомно предстало лице святителя, схожее с его образом на иконе. Сзади меня стоящие люди, видя тоже лице святителя, пришли в трепет, — и вот пещерка огласилась вздохами умиления, слез духовного восторга.

Что же теперь скажете вы, сектанты? Вам нужно нетление мощей... Так пожалуйста, поезжайте в Белгород и убедитесь в сей истине. Только не смейте тогда уже говорить, что мощей нет, ибо вы будете говорить, по своей сожженной совести, сознательную ложь. Когда нельзя возражать против нетления, говорят: какой же он святой, если он был весьма строг и притеснял духовенство!.. А что такое ревность по Бозе? — ведь он, святитель, с одной стороны весь жил в Боге, жил для Бога, а с другой — был архипастырь, начальник; он не мог терпеть измены Богу, он требовал от своих пасомых воздавать Богу должное, служить Ему со страхом и трепетом. Ревность по Бозе сдает Меня... (Ср.: Пс.68:10; Ин.2:17). Строгость святителя Иоасафа есть лишь еще одно из доказательств его близости и преданности Богу, каковы и все угодники Божии.

Можно противоречить истине, можно отвергать благодать Божию, как это делают все отступающие от Православной Церкви, но народного чувства не обманешь, — оно всегда чует истину и своим стремлением к ней свидетельствует ее достоверность. Так было и в Белгороде. Когда объявлено было о прославлении святителя Иоасафа, народ с великою радостью и любовью воспринял эту весть и пошел толпою к новопрославленному угоднику. Нужно было видеть то воодушевление, те слезы умиления во дни белгородских торжеств, какие проявил здесь народ, чтобы невольно воскликнуть: поистине дивен Бог во святых Своих (Пс.67:36).

О Спасителе сказано, что Он учил как власть имущий, а не как книжники и фарисеи (Мф.7:29). А как учили книжники и фарисеи? Разве их учение было неправильное? Нет, этого нельзя сказать. Сам Христос об учении книжников и фарисеев говорит, что их учение следует слушать, но только по делам их не подобает идти, очевидно, дела их были греховны. Из этого заключай, что сила влияния пастыря, учителя, проповедника на слушателей — в его жизни, нравственности. Чем эта последняя безупречнее, тем и проповедь его может иметь больший успех. Такой проповедник будет учить как власть имущий, а не как книжники и фарисеи. К нам, пастырям, духовным делателям, все это относится. Пошли же, Господи, нам не только знание Твоего Закона, не только умение учить других словами и писаниями, но дай нам прежде всего добрую жизнь, добрые дела, ибо Ты сказал: яко видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех (Мф.5:16).

Присмотришься к своему внутреннему существу и невольно удивишься его несовершенству. Это что-то непостоянное, шаткое. Видели ли вы какую-нибудь трясину или ползущую почву? Если ее не укреплять, не засыпать, то она то и дело проваливается, осыпается. Так и наше внутреннее существо. Сколько нужно внутренней работы, сколько нужно духовных благодатных средств, чтобы его удержать в нравственном порядке.

Все могут у тебя отнять: имущество, честь, положение, — могут держать тебя на последнем месте, но внутреннего твоего богатства никто у тебя не отнимет, если только ты сам его не потеряешь. И если оно у тебя есть, с ним ты счастлив при всяком земном унижении. Это богатство о Господе всегда тебя успокоит, всегда тебя примирит со всякого рода невзгодами жизни. О нем, этом внутреннем богатстве души, заботься, его ищи и его бойся потерять.

Храни, христианин, чистоту и целомудрие. Чистота и целомудрие! О, сколь вы должны быть возделенны для всякого сердца христианского, освященного благодатию Святого Духа в Крещении! Вы цель и стремление жизни нашей! Но так ли это на самом деле? Действительность в этом отношении весьма безотраднa. Мы все почти должны сознаться, что плохо себя храним в чистоте и целомудрии. Мы не сдерживаем дурных порывов и влечений своего сердца, даем нашему уму услаждаться дурными помыслами, больше того, многие из нас самым делом повинны против целомудрия. Наши девицы и юноши теперь много заботятся о нарядах, красоте своего тела с расчетом увлечь и обратить на себя внимание. Мы увлекаемся чтением непорядочных книг, так называемых романов, следим здесь с захватывающим вниманием за описанием пороков человеческих и услаждаемся этим. Мы любим сладострастные песни, безнравственные разговоры и охотно спешим на зрелища, где думаем опять же найти усладу для своей чувственной природы. У нас замечается свободное, легкое обращение между собою мужчин и женщин, особенно в дни праздничные в обществе и в домашнем быту. У нас в большом употреблении танцы. А что они из себя представляют — не есть ли они тот же разврат и при этом открытый, допускаемый и оправдываемый общественным мнением?

Не говорите, пожалуйста, здесь о каких-то высоких, эстетических наслаждениях красотой, элегантноcтью и искусством. Нужно быть камнем, чтобы устоять, не почувствовать плотских вожделений при тех бесстыдных позах, какие допускаются у нас в разного рода пляснях. О чисто безнравственных поступках мы уже и не говорим. Они всем хорошо известны. Через плотское сладострастие теперь семьи расстраиваются, молодежь сбивается с пути. И удивительное при этом замечается ухищрение врага рода человеческого. Он постарался внушить молодежи убеждение, что организм не может обходиться без удовлетворения плотским похотением. И тот результат — сильнейший разврат. Но что из этого выходит? Люди грубеют, делаются дерзкими, наглými и как бы ожесточаются. Будучи сами порочны, они и других стараются соблазнять к тому

же плотскому греху. Им как бы приятно, когда брат поддается их внушению и падает. Несчастны такие люди! Чего они достигают, к чему приходят? За свои чувственные удовольствия они часто платятся своим настроением, которое по мере грехов ухудшается, а у иных доходит и до отчаяния.

В житии святых есть следующий рассказ. В одной пустыни спасался подвижник. Уже он был близок к спасению. Но вот однажды пред ним предстала женщина необыкновенной красоты, и старец пал... Подвижник доходил уже до божественного созерцания, до восторженного, мирного, радостного, благодатного состояния духа; после же падения он почувствовал сильную душевную тугу, отчаяние и в таком состоянии поспешил изрубить на куски виновницу своего падения. Вот вам лучшая характеристика душевного состояния, какое наследует порочный, оскверненный плотским грехом человек. А какие страшные болезни бывают следствием разврата! Зараженных ими люди сторонятся, чуждаются и наделяют подчас презрением и отвращением.

А чистота и целомудрие, как вы нежны, как приятны и привлекательны! К чистому и целомудренному влечется наше сердце. Нам как-то отрадно бывает находиться в сообществе с чистым. Любовь, доброжелательство, нежность светится в глазах его. Будь с нами, не уходи от нас, так и хочется сказать целомудренному юноше или девице, но они не останавливаются надолго, а, как трепетные лани, спешат удалиться от сообщества людей, боясь нанести вред своему целомудренному сердцу. Кто чист душой, у того не может быть пристрастия к людям. Чистый всех любит — он вмещает в своем сердце и этого высокопоставленного человека, и эту бедную нищенку-старушку. Чистый отличается светлым умом, больше того, иной раз бывает как бы прозорливым. У порочного все святое, возвышенное, сердечное, духовное заглушено грубо-чувственной стороной. Эта последняя является как бы темным покрывалом, через которое он не в состоянии разглядеть светлое, духовное; порочный слеп и неспособен для тонкого различения небесных явлений. У чистого же духовные очи открыты... Он как бы стоит вне себя, вне своей чувственной природы, и видит все, что в ней происходит. Люди с чистым сердцем — глубокие психологи, знатоки сердца человеческого. Неудивительно поэтому, что многие святые, достигшие небесной, ангельской чистоты, предугазывали будущее, были прозорливцами.

О чистота и целомудрие! Как в точности тебя изобразить, как по достоинству восхвалить! Тебя может описать только святой, а не я, грешный человек. Ты, чистота, — дар Божий, исполненный доброты, мира, любви, света, терпения, назидания и ведения! Ты порождаешь духовную радость и умерщвляешь печаль! Ты умаляешь страсти и производишь бесстрастие! Ты взором проникаешь в небесное! О чистота! Ты, что расцветшая роза, весь дом нашего внутреннего существа наполняющая тонким благоуханием!

Видите ли теперь, что лучше, порочность или чистота? Порочность — гнусная и отвратительная, чистота — приятна, нежна и привлекательна! Возлюбим же последнюю всем нашим сердцем, всем нашим существом. Но чистота не дается легко. Она приобретается большими усилиями и подвигами. Ради нее подвижники изнуряли плоть свою постом, бдением и молитвою...

В назидание себе и другим позвольте от опыта богомудрых отцев предложить некоторые советы, как хранить себя в чистоте и целомудрии. Прежде всего, большое значение в данном случае имеет зрение, которое является проводником в наше сердце получаемых совне впечатлений. Уязвление плотскою страстью, говорят святые отцы, происходит через око. И действительно, один взгляд на красоту женскую способен у нас, слабых и немощных, вызвать плотское вожделение. Не следует поэтому давать скитаться очам нашим, но коль скоро произошла опасная для чистоты нашего сердца встреча, спешит тогда подавить похотливость рассуждением о бренности земной красоты. «Когда увидишь, — говорит святой Ефрем Сирийский, — женщину, которая блистает красотой, имеет сияющие ланиты и какую-то искусственную выразительность в лице, и она распаляет твой помысл и усиливает в тебе вожделение, размысли, что приводящее тебя в удивление — земля, что воспламеняющее тебя — пепел, и душа твоя перестанет неистовствовать. Приникни помыслом на кожу лица ее, и тогда увидишь всю малоценность благообразия, потому что ничего не найдешь, кроме костей, жил и зловония... Рассуди тогда, чему дивиться, и устыдись...» (Творения святого Ефрема Сирина. Т.3).

Есть и другое средство подавлять вожеления от сообщества с другим полом — это обращение нашего взора к высшему, небесному, ко Господу. Достоуважаемый наш пастырь отец Иоанн Кронштадтский говорил: «Когда я увижу женщину красивой наружности, я сейчас возношу свой взор к Господу, начинаю прославлять Премудрого Творца вселенной, виновника всякой красоты в мире, и чувство нечистое после этого не смеет во мне возгореться». И у святого Иоанна Лествичника[41] мы читаем: «Некто увидел необыкновенно красивую женщину и прославил о ней Творца. От воззрения на нее возгорелась в нем любовь к Богу, и из очей исторгся источник слез. И дивно было видеть, как то, что для других послужило бы в погибель, для него паче естества стало венцом (победы)».

Далее, кто желает блюсти чистоту души, тот пусть имеет в виду еще следующее. Если возникнут у тебя представления, образы, помыслы о женщинах, то моментально старайся изгонять их. Если также помысл возбudit у тебя желание повидаться, поговорить с молодой, красивой женщиной под предлогом даже братского общения, то опять знай, что здесь у тебя действует затаенная похоть. Вообще не останавливайся вниманием на внешних обликах лиц другого пола и ими не услаждайся, дабы не дать развиваться нечистым похотениям. Некто из святых сказал, говорит святой Ефрем Сирий: «Блуд подобен псу: если будем ласкать его, не отойдет он от тебя, а если погонишь, убежит» (Ефрем Сирий. Т.1).

Берегись, далее, гнева, который возбуждает жар похоти; не смейся; не слушай срамных речей, и шуток, духовно нас расслабляющих; бойся неги во всех ее родах, разжигающей угли сладострастия; не заботься слишком о нарядах и красоте своего тела, в этом повод к плотскому похотению; не упивайся вином, в нем же есть, как и святой апостол Павел говорит, блуд; не пресыщай своего чрева объедением, что слишком возбуждает телесные наши соки и волнует кровь. Постоянно же трудись, занимайся рукоделием, имей воздержание во всем, смиренно о себе думай, будь серьезен во всех делах, носи в себе страх Божий, ожидай постоянно суда Господня, который предстоит нам не только за явные дела, но и за тайные мысли и пожелания сердца, молись, трезвься, и Господь поможет тебе блюсти чистоту и целомудрие. Замечено еще, что плотскую брань воздвигает у нас враг временами, и вот, в это время нужно быть весьма осторожным, нужно хранить себя тогда от всяких поводов к искушению; при этом не следует падать духом, приходиться в изнеможение и малодушествовать, а надо терпеть и всячески противоборствовать греху. И Бог не оставит тебя. Он непременно воззрит на твой подвиг и подаст тебе победный венец.

Братья и сестры возлюбленные! Сами вы знаете, что теперь время упадка чистоты и целомудрия... И как это прискорбно, как тяжело... Мы теряем драгоценнейшую жемчужину — целомудрие, которое, если при нас останется, то осветит нас необыкновенно ярким светом в Царствии Небесном. Без этой же жемчужины мы явимся туда темными, смердящими, и примем должное мздовоздаяние от Светлейшего Господа.

О картежной игре. Время — великий дар Божий. Время, говорят, — золото. Особенно ясным нам это представится, если мы примем во внимание назначение человека в мироздании Божиим. Мир существует для человека. Он должен знать и изучать его. И стоит того, чтобы человек изучал мир, ибо сколько в нем сокрыто интересного, приятного и полезного. Мир — это неисчерпаемая бездна знаний, исследований и открытий. А между тем жизнь человеческая быстротечна. Много ли ее хватит для изучения мира? Если бы самый долговечный человек всю свою жизнь, с утра до вечера, посвящал изучению мира, он мог бы узнать только самую ничтожную часть его. А нравственный мир? Какая в нем глубина и широта! Познание Бога, борьба со грехом, приобретение добродетелей — какая это необъятная величина! И здесь — самый совершенный человек за всю свою жизнь немного может успеть. Как поэтому дорого время для человека. Кажется, ни минутки не должен терять его человек. Потерял он хотя минуту времени — потерял вместе с этим драгоценный изумруд, на который мог бы купить себе многое для вечности. Таково должно быть наше отношение к времени — не терять его по-пустому, а всеми силами стремиться использовать его во благое. Но не так бывает в действительности.

Посмотрите, сколько человек теряет времени на развлечения самые пустые, бесполезные и даже вредные. Возьмем картежную игру. Как пожар охватывает большое пространство, так и нашу матушку Россию на всем ее пространстве охватывают то те, то другие страсти. Скажите, кто теперь не играет в карты? От больших городов до глухих деревень, от богатых салонов богачей до бедной хижины крестьянина, вы везде теперь эту игру встретите. Играют сановники, которым надлежит не развлекаться умом, а много думать о порученном им общественном благе. Играют купцы и тем еще более развивают страсть к наживе, с которой и без того надлежит им много бороться. Играют учащиеся и тем теряют золотое время юности для приобретения познаний. Не получишь образования в юности — на всю жизнь останешься неучем. Играют рабочие и крестьяне, которым после тяжелой работы нужно отдохновение физическое и еще более нравственное. Но, часто говорят, можно играть в карты невинно, для одного лишь развлечения, отдыха. Правда, немощный, слабый человек нуждается в отдохновении, но приносит ли его картежная игра?

Всякое отдохновение должно сопровождаться свежестью, приливом новых сил, успокоением нервов, бодростью духа, душевным миром и спокойствием. Сюда, например, нужно отнести наслаждение красотами природы.

Вот вы среди природы... Пред вами зеленая мурава, а вдали горы, голубое небо охватывает куполом пространство видимой вами земли, в воздухе тепло, ароматично, вы стоите или сидите на пригорке, дышите полною грудью и не замечаете, как время летит. Вам не хочется уходить, вы чувствуете, как ваш организм освежается, а на душе легко, спокойно. Никакие дурные мысли в это время в голову не идут, а хочется только прославлять Творца и молиться. Или вот, наслаждение музыкой, но не той музыкой, которая составлена под влиянием чувственных страстей и ведет к изнеженности, пляске и разврату, а той, в которую вложены святые чувства мира, любви, смирения, кротости, человеческой скорби и страдания. Такая музыка смиряет нашу душу и заставляя ее от земли возноситься горе. Или вот пение, но опять не то, которое проявляется в невыдержанных тонах — крике и т.п., и выражается в безнравственных, богохульных словах и выражениях, а то пение, которое воплощает в себе ангельские звуки и соединяется с соответствующими святыми словами. Такое пение умягчает, умиляет нас и способствует подавлению в нас гордости, грубости и жестоковыйности. Да и всякое благородное искусство — живопись, скульптура, если они соответствуют достоинству человека как творения Божия, предназначенного к святости, то доставляют ему духовное наслаждение, отдохновение.

Или вот возьмем чтение высоких литературных произведений или общение с духовно настроенными, добрыми людьми. Сколько здесь опять может быть для человека отрады и утешения. Читаешь хорошую книгу и как бы питаешь ею свои чувства — сострадания к людям, веры в Бога, отвращения к пороку и любви к добру. А общение с добрыми людьми? Сколько оно приносит нам успокоения в дни скорби и печали, как оно нас поддерживает и ободряет. Но самое главное наслаждение для христианина — это святой храм. Здесь действительно он может отдохнуть душою и телом. Благодать Божия, живущая в храме, способствует тому. И посмотрите — верные христиане, какие бы труды они ни понесли в течение дня, спешат под праздник и в праздник в храм Божий и получают здесь утешение и радость.

Приложим теперь понятие о правильном отдохновении к картежной игре. Какая в ней пища для нашего воображения и чувства? «Изящных образов и картин, — говорит один проповедник, — кроме примелькавшихся значков и фигур, здесь нет никаких. Интересных психологических случаев и явлений, вызывающих на размышление и пробуждающих идеальные мечты и отрадные надежды, — здесь тоже нет, кроме монотонно и бесконечно повторяющихся сочетаний различных мастей. На зеленом карточном поле не растет и не цветет никаких цветов и в карточной атмосфере не слышится никаких особенно приятных звуков и благовоний. А между тем посмотрите, как это развлечение крепко усаживает, или, точнее, приковывает людей к одному месту» («Воскресный день». 1914, № 3. С.30).

Что же влечет людей к картежной игре? — Грех, живущий в нас и требующий себе пищи и

удовлетворения. В самом деле, рассмотрим беспристрастно, что приносит человеку картежная игра? Прежде всего она наносит вред нашему здоровью, расстраивает нервы, вызывает бессонницу, развивает болезнь желудка, притупляет зрение и ведет к физическому переутомлению. Все это так понятно, что не требует пояснений. Всякий игрок в карты — этому свидетель. Но еще более картежная игра приносит вред нашему духовному настроению. Она является признаком праздности человека, той самой праздности, об избавлении от которой мы молимся в молитве преподобного Ефрема Сирина: «...дух праздности не даждь ми». Праздность — это когда человек не имеет в себе ничего серьезного, нет у него стремления высшего порядка — к умственным занятиям, вниманию к себе, к своему духовному настроению, нет у него любви и к труду, работе. Праздность — достояние обленившихся людей, которые и заполняют пустоту своего внутреннего «я» картежной игрой.

Далее, в основе картежной игры непременно лежит порок корысти в большей или меньшей степени. Никакому игроку не хочется проиграть, а непременно выиграть, и если эта корысть в игроке невелика, тогда она восполняется другим не менее тяжелым пороком — самолюбием, тщеславием. Я хочу выиграть, потому что это льстит моему самолюбию, мне не хочется конфузиться перед товарищем, что я плохо играю в карты, — пусть я превосхожу других во всех отношениях, равно как и в успехе при карточной игре. И это стремление к непременно выигрышу иных ведет к плутовству, хитрости и обману, а других к раздражительности, гневу, ссоре, зависти, вспыльчивости, ругательству, дерзким словам. А через это как часто порываются, расстраиваются добрые отношения между людьми. Друзья делаются врагами, начальствующие — недоброжелателями, подчиненные — озлобленными.

Далее, картежная игра приучает человека легко смотреть на чужое добро: она в основе своей есть как бы воровство, а всякий картежник — вор. Святитель Тихон Задонский об этом так говорит: «Спроси всякого картежника, ради чего он начинает играть? Не для того ли, чтобы чужим добром покорыстоваться, чтобы ближнего добро присвоить? А когда так, то и занято сердце его страстию хищения, и, следовательно, хотя и не выиграет, однако грешит противу десятой заповеди Божией, которая ничего не велит ближнего своего желать: не пожелай; а когда выиграет, то и самую вещь похищает. Итак, выиграет ли картежник, или проиграет, все грешит. Ежели выиграет, похищает чужое добро; ежели проиграет, грешит желанием чужого добра» (Творения святого Тихона Задонского. Т.1. Изд. 6-е Синод, типографии. С.82). Так, картежная игра есть даже воровство, только на законном основании. Недаром поэтому существует народная пословица: «картежник — кум вору».

Наконец, картежная игра приучает человека к вину и табаку, и это потому, что во время игры нервы взвинчиваются, а они-то и начинают требовать возбуждения — наркоза вина и табака. Посмотрите на иного игрока, и вы увидите, что он почти не выпускает изо рта папиросу, которую с жадностью так сосет. Всем известно, что вино и табак — спутники картежной игры. Теперь и представьте себе всю картину этой «невинной» забавы. Густые облака табачного дыма, воспаленные от бессонницы глаза, шум, нередко ссора и брань, выпивка, и как конец всего — переутомление и умственное и физическое.

Но если картежная игра вредна во всех отношениях, то, может быть, можно назвать невинной забавой — гадание на картах и пасьянс? Нет, уж видно, где карты, там и грех и пустота. Как одобрить гадание на картах, когда с этим связано суеверие и часто обман, или раскладку пасьянса целыми часами, когда подобное занятие — пустое препровождение времени, которое можно было бы с пользой употребить на что-либо полезное для души и тела — чтение душеспасительных книг, молитву или даже простое рукоделие. Но что главное всего, так это то, что картежная игра есть страсть, а всякая страсть связывает человека, парализует его волю, делает его своим рабом, пленником. Под влиянием страсти человек всему может изменить, ничего не пожалеет: ни родных, ни своего дела, ни имущества, ни даже Самого Бога.

Рассказывают такой несчастный случай. Один служитель алтаря увлекся той же картежной игрой. Он все уже проиграл... Денег нет, имущества нет, что остается делать, а страсть не умолкает, она требует удовлетворения, она ему дороже всего на свете, дороже родного отца, дороже Самого Бога.

Вот он идет в храм, берет там священные сосуды, в которых, быть может, сам же совершал великую Евхаристию, и продает их с тем, чтобы на вырученные деньги снова хотя немного поиграть...

За границей есть целый город, где специально занимаются этой картежной игрой. Там все устроено роскошно. Целые дворцы настроены, с огромными залами, с бесчисленным количеством расставленных игорных столов. И сидят тут люди день и ночь, забыв Бога, забыв свои семьи, своих детей, свои обязанности, и упиваются этой страстной картежной игрой. И представляется нам, что все эти дворцы не что иное, как кумирни, а карты — идола, а люди — поклонники их. Как придавок ко всему этому — большое количество совершающихся здесь самоубийств. И это понятно. У проигравшихся уже ничего не остается: Бога нет, родных он забыл, имущества нет; ему, правда, хочется играть, но он лишен теперь возможности, как проигравшийся — вот он и лишает себя жизни. И, говорят, в названном городе смотрят на самоубийство как на обычный финал картежной игры. Скажите, не есть ли после этого карты — дьявольское изобретение, влекущее человека к гибели! Но кто из людей был орудием врага, когда изобретал карты? На чью долю выпало послужить врагу, изобретая карты? Кто этот несчастный, бедный человек? Говорят, в средние века они были изобретены для развлечения одного безумного короля! Уже-ли кто-нибудь после всего сказанного осмелится еще говорить, будто картежная игра — только невинная забава? Но если бы и нашелся такой прекословный любитель этой забавы — не к нему наше слово. Не обличай злых, да не возненавидят тебя; обличай премудра, и возлюбит тя (Ср.: Притч.9:8).

Не укради. Заповедь Божия гласит: «Не укради», не пожелай чужого. Но посмотрите, как в настоящее время эта заповедь нарушается. Теперь развито грабительство — это когда насильственно, разбойнически отнимают собственность. Теперь только и слыш

Часть пятая

О неверии

Господь сказал: на камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей (Мф.16:18), и Святая Православная Церковь непоколебимо стоит, всегда стояла и будет стоять по непреложному слову Господа до скончания века. Сколько было нападений на Святую Церковь! То ее думали сдвинуть с истинного пути навязыванием новых догматов (на Западе); то ее старались лишить богоучрежденной иерархии, Таинств, чрез которые подается верующим благодать Божия (протестанты, наши раскольники); то кознями врага рода человеческого жизнь верующих доходила до крайнего развращения, так что готово было уже со стороны неверующих обвинение, будто бы Церковь не улучшает жизни людей, а потому и не истинна. Но никакие силы ада доселе не подвинули Святой Православной Церкви Христовой. Она продолжает строго содержать апостольское, подтвержденное и закрепленное Вселенскими соборами верование; она имеет Таинства, в которых преподается богоучрежденной иерархией верующим благодать Божия, без которой невозможно нам спастись; она не перестает выдвигать со стороны своих членов необычайные образцы добродетельной жизни — признак, что Церковь не утратила своей правоспособности — воспитывать верующих и доводить их до совершенства.

Свята, соборна и истинна Православная Церковь! Слава же Милосердному Господу, что Он сподобил и нас быть в ее ограде. Кажется, нам остается только внимать учению Церкви, пользоваться подаваемою ею благодатию и спастись. Но нет, много среди нас есть людей маловерующих, осуждающих Святую Церковь, а то и совсем ее оставляющих. Где же причины этому печальному явлению? Причины эти надо искать в нас самих, часто слабых умом и сердцем.

И прежде всего причиной неверия являются наше вольномыслие, невдумчивость, несерьезность. Кто не знает, как многие из нас, не имея основательных познаний в истинах веры, только следуя

моде, по своему легкомыслию отрицают религию. Встретится невер, станет судить, глумиться над всем святым, и мы за ним. До этого времени мы довольствовались своею верою, но вот случай, и мы готовы продать ее.

В житии преподобного Паисия Великого[42] рассказывается следующее. Один из учеников преподобного отправился однажды из пустыни в город для продажи своих рукоделий. Дорогой случайно с ним встретился еврей и стал ему спутником. Видя простоту инока и вступив с ним в разговор, еврей начал отвергать божественное достоинство Спасителя. Слыша нечестивые слова, инок не только не отвратил слуха своего от них, но даже с любопытством и как бы с доверием внимал злохулению неверного. Вынужденный наконец к ответу, инок от неразумения сказал: «Может быть, это и справедливо, что ты говоришь», так, по легкомыслию, он отрекся от Христа. Не то же ли самое часто бывает с нами? Сколько у нас легкомыслия относительно веры! Стоит хорошему нашему знакомому, другу, важному какому человеку дурно отозваться о вере, и мы, в угоду ему, готовы его поддержать, боясь его обидеть, боясь показать себя отсталыми людьми, тогда как прогневать Господа своею изменою мы не боимся. О легкомыслие и неразумии наше! Как оно пагубно и неизвинительно в деле веры. Здесь нужна стойкость, непоколебимость, ибо вопрос веры — вопрос жизни или смерти, спасения или гибели нашей души.

Пришли однажды к преподобному Агафону[43] искусители и стали ему говорить: «Ты, авва, блудник, гордец, пустослов, клеветник». — «Да, правда, братия, я таков». «Ты, авва, — продолжали те же искусители, — еретик». — «Нет, подождите, с этим я не соглашусь, я не еретик». Удивились искусители этому ответу преподобного и спросили: «Почему ты на все прежние вопросы соглашался, а с последним нет и даже, видимо, оскорбился?» — «Потому, — отвечал преподобный, — что первые пороки я признаю за собою и это признание полезно душе моей, а еретиком я не согласен быть, ибо это значило бы находиться в отлучении от Бога, а отлученным от Него я быть не хочу, напротив, всегда желаю быть с моим Господом и от Него не отступлю».

Вот нам пример для подражания. Нас постоянно искушают, кругом нас поводы, мотивы к отречению от Христа, от веры, но мы должны быть стойкими, должны быть всегда готовыми дать такой ответ соблазнителям: мы дорожим своею верою, мы не позволим глумиться над нею, наша вера свята и истинна!

Далее, второю причиною неверия являете порочная развращенная жизнь. Вера, религия — дело высокое, святое, небесное. Чтобы их понимать, нужно иметь для этого соответствующие средства. Слепой не поймет света, глухой звука, развращенный — высоких нравственных истин. Кое общение свету ко тьме (2 Кор.6:14), говорит Слово Божие. Как может понять, оценить добро тот, у кого совесть заглушена, кто погружен в бездну страстей, — ведь последние застилают духовные очи его. В злохудожную душу не внидет премудрость (Прем.1:4). Нужен душевный переворот, нужно просветление, каким может явиться только покаяние, сокрушение, слезы умиления, чтобы духовно прозреть и восчувствовать добро. Опыт говорит, что порочная жизнь и неверие находятся в связи. Развилось неверие в обществе — значит, низко оно стоит в нравственном отношении: сильна вера — процветает и христианская жизнь.

Вот и теперь, мы все жалуемся на упадок нравов, на развращение, — значит, слаба у нас вера. И действительно, кто не знает, как у нас теперь осмеивается, попирается, отрицается все святое, все церковное. Люди, обратившиеся на путь покаяния, сознаются, что прежде в греховном своем состоянии они считали очень многое непредосудительным, негреховным; это же самое, в просвещенном верою сознании их, при свете Евангелия, кажется дурным. Чего раньше они не понимали в области нравственных истин, то, после исправления и покаяния, делается для них ясным. На очищении сердца основано и постепенное восхождение по пути высшего духовного ведения, духовного созерцания подвижников.

Наконец, причиною неверия является большое доверие силам разума, гордость ума. Апостол Павел говорит: разум кичит (1 Кор.8:1). Мы возгордились своими познаниями, своим умом и готовы все истолковать разумом. Особенно часто впадают в гордость ума люди, от природы

одаренные обширными способностями. При исследовании истин христианских они принимают за правило советоваться только со своим собственным разумом, признавать истинным только то, что не превышает их понятий. Признавай, говорят они, только то, что внушает тебе здравый рассудок и собственное внутреннее чувство совести. Авторитета Церкви, мнения других людей, даже просиявших в вере и благочестии, они не признают, ибо они слишком горды своею ученостию, своими познаниями, чтобы воспринимать что-либо совне.

А между тем забывают они ту истину, что как много значат в деле нашего мирозерцания склад ума, настроение, воспитание, личные особенности характера. Иной раз не потому я так думаю, что это истинно и иначе думать нельзя, а потому, что моя натура, духовные особенности склоняют меня к тому или другому мышлению, — отсюда возможны собственные измышления. Часто нам нужен высший авторитет, а в деле веры, если мы желаем быть непогрешимыми, безусловно необходимо братское общение в союзе со Святой Церковью. Как важно для выяснения и правильного уразумения истин веры это общение, можно видеть из следующего примера, записанного в отечнике.

Один старец провел семьдесят недель в посту, употребляя пищу только однажды в неделю. Он постился, ибо просил у Бога, чтобы открыто было ему лично значение некоторого изречения в Священном Писании, но Бог не открывал ему. Видя это, старец сказал сам в себе: «Вот я подъял немалый труд и ничего не успел; пойду лучше к брату моему и спрошу его». Когда он вышел из келии и запер за собою дверь, послан был к нему от Господа Ангел, который сказал ему: «Семьдесят недель, проведенные тобою в посте, не приблизили тебя к Богу, потому что ты горд был своим умом, своею праведностию, но теперь же, когда ты смирился и вознамерился идти для вопроса и совета к брату своему, я послан к тебе истолковать значение изречения».

Не то же ли самое можно применить к нашим неверующим мыслителям? Они, гордые своим умом, не хотят прислушиваться ни к голосу Святой Церкви, ни к святоотческим писаниям, толкуют веру самолично, не сознавая того, что истина часто бывает далеко сокрыта от них Господом.

И в этом-то самоличном толковании они доходят до отрицания истины нашей святой веры, доходят до неверия — как граф Толстой и подобные ему гордые мыслители. От них-то и распространилось у нас повсюду неверие. Но спросите самих неверующих, находят ли они успокоение, удовлетворение в своем неверии, пусть они скажут нам по совести. Гордость, конечно, многим воспрепятствует сознаться, открыть состояние своего духа, однако, немало есть примеров, когда неверующие, большею частию под влиянием особенных, чрезвычайных обстоятельств жизни, прорывались и обнаруживали все свое душевное состояние. А душевное состояние неверующих бывает самое ужасное. Это часто люди мнительные. Потеряв истинную веру, они впадают в массу суеверий. Это часто люди, у которых стоит сломить гордость, и они готовы поступиться тем, что проповедовали.

Про одного неверующего нам пришлось читать. Однажды был он неожиданно позван к одру умирающей любимой дочери. Неверующий подошел к смертному одру своей дочери, воспитанной матерью в духе Святого Евангелия, и с глубокою горестию взял холодеющую руку своей любимицы. Тогда дочь еще раз приподнялась на своем ложе и сказала: «Отец! Я умираю. Скажи же мне в последний раз, как я должна умереть: веруя ли в то, чему учил ты, или чему учила меня покойная мать?» Неверующий подумал с минуту и сказал: «Верь в то, чему научила тебя твоя мать».

В 29-м номере Синодальных Церковных Ведомостей за 1905 год в извлечении из Тульских Епархиальных Ведомостей передаются следующие обстоятельства кончины графа Сергея Николеевича Толстого, родного брата Льва Н. Толстого. Будучи неверующим, как и брат, Сергей Н. перед кончиною мучим был страхом смерти. Местный священник увещевал его по-христиански приготовиться к смерти — поисповедаться и причаститься Святых Животворящих Тайн Христовых. Граф долго не соглашался, видимо, стыдясь брата. Но вот пришел еще раз священник незадолго до смерти Сергея Н. и снова спрашивает его: «Ну, что, граф, решили (причаститься)?» — «Да, батюшка, решил. И знаете ли что? Брат одобрил мое намерение: «Что же? Очень хорошо

сделаешь», — сказал мне Лев». И затем, когда верующая сестра графа Льва Н. благодарила последнего за одобрение умершему брату причаститься, граф Лев Н. при этом разрыдался и поспешил удалиться в другую комнату.

Что означают слова графа: «Что же, очень хорошо сделаешь» и эти его рыдания? Оплакивал ли граф изменника-брата, теперь безвозвратно погибшего для него, или, может быть, в тайнике души его заговорило что-то другое? Быть может, даже блеснуло у него сознание, что он теперь чужой для Церкви, для русских, почувствовал, что в протекшей его жизни с ним произошло нечто особенное, что он что-то потерял, потерял то, чем пользуются для своего утешения другие, близкие даже ему люди. Несомненно только то, что всякий неверующий в глубине своей души носит много нерешенных вопросов, много сомнений.

Были случаи, когда у неверующих вдруг являлась мысль, а что если справедливо то, что говорит Библия, а что если есть ад, вечные мучения, при чем я тогда останусь, и эти вопросы у иных вызвали тяжелое, угнетенное состояние духа. И в самом деле, отвергая Бога, вечную жизнь, они должны наследовать ад со всеми его ужасами! Покойный митрополит Филарет Московский так увещевал неверующих: веря вечному мучению и сообразно с сего верою располагая дела свои, мы ничего не теряем, если бы даже наша вера оказалась тщетною, но смеясь над верою и отвергая ее, мы подвергаем себя опасности наследовать вечное мучение, а каково нам тогда будет?

Да, не позавидуешь положению неверующих! Им готовится в загробной жизни осуждение, да и в сей жизни они уже получают некоторую долю мздовоздаяния, ибо часто их поражает ужасная душевная мука, тревога, убийственное изнеможение духа, недовольство всем окружающим, оцепенение всех душевных сил, страшная предсмертная туга. Один известный неверующий (Вольтер[44]), который при жизни хвалился, что он своими сочинениями, своим умом истребит христианство, на смертном одре испытывал ужасный страх. Он в отчаянии умолял врача продлить еще немного ему жизнь, ибо он чувствовал, что ему принадлежит ад.

Тяжело неверие, и наоборот, как спасительна вера! Последняя и в сей жизни нас утешает, успокаивает и в будущей готовит нам небесный чертог. Пребудем же, братие, послушными, верующими чадами нашей Святой Соборной Апостольской Православной Церкви. А кто не хочет быть покорным сыном ее, тот выслушай грозное слово Самого Господа — Главы Церкви: Аще Церковь преслушает брат твой, буди тебе якоже язычник и мытарь! (Ср.: Мф.18:17). Господь поручил Церкви дело нашего спасения и потому всякое самочиние в сем деле ведет прямо к гибели. «Кто Церкви не слушает, тот не есть сын Церкви; кто не сын Церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не Христова овца; кто не Христова овца, тот напрасно ожидает вечной жизни». «Хочешь спастись, — поучает святитель Иоанн Златоуст, — пребывай в Церкви, и она не выдаст тебя; Церковь есть ограда, если ты внутри сей ограды, то тебя не тронет волк; а если выйдешь вон, то будешь похищен зверем. Не уклоняйся же Церкви: нет ничего в мире сильнее ее. Она твоя надежда, в ней твое спасение». «Как без корабля, — говорит святой отец Киприан, — нельзя переплыть море и достигнуть пристанища благоутишного, так нельзя без повиновения учению Православной Церкви достигнуть спасения душевного. Ее возлюби, как мать, ей повинуйся и само Слово Божие бойся толковать по-своему. Ей даны разумения, и она одна непогрешимая истолковательница его. Помни: “кому Церковь не мать, тому Бог не отец”». Аминь.

О духовной жизни

Что вам, возлюбленные братие и сестры, пожелать в жизни? И что может пожелать вам пастырь Христовой Церкви с Святым Евангелием в руках, долженствующий проповедовать правду Божию на земле? Несомненно — наилучшего в мире счастья. Но где оно? Дает ли нам его наша настоящая, так называемая, мирская жизнь? Далеко нет. Вот черты этой жизни. Прежде всего, мы всю заботу полагаем в том, чтобы обставить себя удобно, приятно, чтобы обеспечить себя материально. Некоторые из нас действительно успевают достигать внешних удобств жизни, и эти люди кажутся нам счастливыми, на деле же часто бывает не так. Внешнее благополучие не обеспечивает нас от болезней, семейных огорчений и разного рода нравственных страданий, во множестве нас посещающих при всякой обстановке жизни, не говоря уже о том, что самое это

искание мирского счастья сопряжено с большими неприятностями, волнениями и опасностями. Все это создает ту мирскую суету, которая так часто нас одолевает и совершенно расстраивает.

Вторую особенность современной жизни составляет сильный упадок религии, безверие. По-видимому, без религии человек свободен, не связан никакими обязательствами и может жить как ему хочется, жить в свое удовольствие. Но результатом безверия является страшное развитие пороков и преступлений, когда люди начинают друг друга грабить, убивать, когда они впадают в разврат, в нравственное и физическое бессилие. Это ли опять счастье? Будучи невыносим для ближних, развращенный человек и в своей душе постоянно носит тугу в виде отчаяния, ненависти ко всем и сатанинской гордости. Такова теперь мирская жизнь, суетная и развращенная. Не в ней, конечно, наше счастье.

Но, возлюбленные, вы, быть может, знаете, что есть еще духовная жизнь, может быть, приходилось вам слышать выражение: «этот человек духовной жизни». Что же это за жизнь? Вдумаемся, не в ней ли наше счастье? Духовная жизнь — это когда человек верует в Бога, когда он живет добродетельно, когда он милостив, доброжелателен, кроток, смирен, любвеобилен, приветлив, воздержан, целомудрен и трезв. Духовная жизнь соответствует человеку как нравственному, богоподобному существу. Помимо этого, люди, прожившие добродетельную жизнь, говорят, что она приносит душе великое утешение, великую сладость, мир и успокоение. Она регулирует и нашу внешнюю мирскую жизнь, в которой нам приходится вращаться. Правда, мы не испытали, не знаем духовной жизни, ибо немощны и греховны, но мы все, как носящие от Святого Крещения дух благодати Христовой, можем, по крайней мере отчасти, чувствовать сладость этой духовной жизни.

Вспомните, когда вы обогреете сироту и убогого, когда спасете утопающего, когда утешите, успокоите убитого горем, когда выручите из беды брата или иное добро сделаете, не наполняется ли тогда ваша душа, ваше сердце мирным, отрадным настроением? Это и есть плод духовной жизни человека. А если ты верный сын Святой Церкви, если ты религиозен, то еще больше имеешь случаев испытать сладость духовной жизни. Вспомни, когда ты от души, со слезами помолишься, когда искренно поговеешь, поисповедуешься и причастишься Святых Животворящих Тайн Христовых, когда в праздник побываешь в храме Божиим, когда в семье, дома, этот праздник встречаешь с верою и любовью к Господу — не успокаивается ли в то время твоя душа от всякого рода волнений, не чувствуешь ли ты тогда духовной радости, мира и утешения? И это опять следы твоей духовной жизни.

Духовная жизнь, о, это великое счастье, великое благо для человека-христианина!.. Если там, в мирской жизни, суета, беспокойства и тревожения, то здесь мир, тишина и успокоение; если там злоба, вражда и ненависть, то здесь кротость, любовь и доброжелательство; если там разнузданность, порок и развращение, то здесь сдержанность, добро и чистота; если там тоска, душевная туга и отчаяние, то здесь благодушие, радость и надежда!..

Этой-то духовной жизни я от всей души вам, возлюбленные, и желаю как высшего и наилучшего счастья для человека-христианина. Но недостаточно пожелать, нужно указать и средства к приобретению, достижению его, ибо в противном случае наши благопожелания будут неполны, безжизненны. Как если бы мы, увидав немощного, больного, бедного, пожелали бы ему только на словах здоровья, средств к жизни и не оказали бы ему существенной, материальной помощи, то наше участие было бы неполно, так и в данном случае. Недостаточно пожелать вам, возлюбленные, духовного блага, но позвольте от опыта богомудрых отцов предложить, хотя вкратце, некоторые средства и к приобретению его.

Прежде всего, в духовной жизни большое значение имеет внимание к себе, бдительность над своим сердцем. Во всем нужно руководствоваться здравым рассуждением и всему производить внутреннюю оценку. У каждого из нас в душевной жизни есть два начала, два течения — одно, очень сильное, ко всему нравственно дурному; другое течение, часто даже не течение, а просто сознание, да и то притуплённое, чего-то лучшего, доброго, нравственно хорошего. Вдумавшись в себя, мы уже вследствие природной склонности к добру можем сознать, почувствовать: доброе

или дурное мы подумали, сделали. Если же мы храним веру в Бога и пользуемся благодатными средствами, преподаваемыми нам Святою Церковию в Таинствах, то это чувство различия у нас бывает еще тоньше, еще сильнее.

И вот это-то внимание к себе, соединенное с различием доброго от злого, имеет величайшее значение в духовной жизни, в деле выработки доброго настроения. Нашу внутреннюю склонность ко греху хорошо сравнить с злокачественной раной. Как рана от нерадения, медицинского недосмотра может затянуться и заразить все тело, а потому рану лучше держать открытой, дабы постоянно ее видеть и излечивать пластырем и другими средствами, так и грех — эта душевная рана, от нашего невнимания, забвения может скрыться от духовного зрения и нравственно развратить все наше существо. Постоянное же внимание к внутреннему состоянию не дает возможности скрываться нашим немощам. При внимании к себе они — эти немощи, для нас открыты, ясны — остается только их излечивать.

Но трудно поддерживать уже самое внимание к себе. Здесь можно предложить следующие советы. Ежедневно вечером, после вечерних молитв или на ложе хорошо подводить итог прожитому в течение дня: «Положи, — сказано в молитвослове после вечерних молитв, — слово с самим тобою, и испытание сотвори совести твоея, преходя и подробну исчисляя вся часы дневныя, начен от времени, когда возстал еси от одра твоего, и приводя себе на память: камо ходил еси; что творил еси, кому; и что беседовал еси; и вся твоя деяния, словеса и помышления, от утра даже до вечера тобою произнесенная, со всяким опасением испытай, и воспоминай». Полезно также, кто может, вести дневник своей внутренней жизни, как делал это достоуважаемый наш пастырь отец Иоанн Кронштадтский и делают другие, ревнующие о благочестии христиане. Вот и еще правило для внимательной жизни — меньше говорить, а больше думать, меньше суетиться и разбрасываться, а больше иметь прилежания к начатому делу.

Если трудно поддерживать внимание к своему внутреннему состоянию, то еще труднее бороться и искоренять замеченные недочеты, немощи и грехи. И тут полезны советы духовно-опытных людей. Прежде всего, нужно постоянное самоукорение — подумал, сделал что-либо дурное, укори себя в этом. Самоукорением подавляются греховные склонности наши. Сегодня сознай и укори себя в дурной привычке, завтра и т.д., смотришь — и эта привычка все меньше и меньше станет тебя беспокоить. Хорошо, далее, духовное руководство, или, что называется в обителях, старчество — открытие помыслов. Прошел день в этих обителях, и братия направляются к своим духовникам и им без утайки рассказывают все свое душевное настроение. Открытие помыслов есть постоянное очищение сердца от всего греховного, дурного. Как если ежедневно выметать от сора дом, горницу, они будут постоянно чисты и опрятны, так если и часто открываться в своих грехах, сердце наше будет чисто и спокойно.

И действительно, опыт хорошо подтверждает это. В обителях, где есть старчество, братия приобретают ровное, спокойное, мирное, серьезное, бесстрастное, высокое настроение духа. Это невольно подмечается, чувствуется и посетителями тех обителей. Здесь не заметишь ни злобы, ни зависти, ни насмешки, ни осуждения, а только поистине братское, мирное отношение между собою и ко всем ближним. Но вы скажете: кому в миру открываться в своих помыслах? Апостол говорит: Исповедуйте друг другу согрешения ваша (Иак.5:16). Можно открывать свою душу родным, друзьям и добрым людям. Не мешает, правда, здесь иметь осторожность, дабы наше доброе намерение не обратилось во зло, дабы не подвергнуться насмешкам и неприятностям. Лучше поэтому открываться преданным и доброжелательным нам людям. Но мы знали одного доброго юношу, учащегося, который вел дневник своего душевного состояния, причем оставлял его у себя на столе в общей занятой комнате, где каждый товарищ мог этим дневником интересоваться — брать и читать. Сей юноша, таким образом, постоянно отдавал себя на суд товарищам, хорошим и дурным, пред всеми всегда ходил осужденником.

Да, бывают примеры великого смирения, силы воли и глубокого сознания своего ничтожества, своей греховности! Мы наметили средства к выработке доброго настроения, приходящие от наших способностей, от нашей силы воли, конечно, действующих не без помощи Божией, подаваемой нам во всем. Но христианин имеет еще особые, необычайные, благодатные средства в борьбе со

грехом, которые подаются ему в Святых Таинствах. Так, в Таинстве Покаяния прощаются Господом нам грехи; в Таинстве Святого Причащения мы закрепляемся в добром настроении, одухотворяемся. Часто прибегать к этим Святым Таинствам — значит постоянно иметь благодатную помощь в нашем духовном делании.

Потецем же, возлюбленные братие и сестры, на путь духовной жизни. Довольно нам погрязать в мирской суете, в грехах и беззакониях, укрепимся в вере в Господа, нравственно обновимся, станем по мере сил проводить добрую христианскую жизнь, ибо в ней наше счастье, наше благополучие!

Как ни оскорбительно для нашего религиозного христианского чувства, а надо, к сожалению, сказать, что были и есть люди, которые почитание икон приравнивают к идолопоклонству. В VII и VIII веках возникла даже ересь иконоборческая[45], которая стремится уничтожить почитание икон, а в последующее время отделилась от Церкви целая христианская община, которая отвергла почитание икон и всякого рода внешних предметов, — под именем лютеранства[46].

Что на это сказать? Как защитить христианское иконопочитание? Отвечаем, что, во-первых, не обоготворяем, а только почитаем иконы. Далее, важен тот источник, из коего исходит это почитание. Источник этот есть Единый Истинный Бог, Творец и Промыслитель мира, во Святой Троице славимый. Возьмем ли мы иконы, возьмем ли мощи и т.п., все они нам дороги потому, что освящены благодатию Божиею, которая приосеняла святых, значит, не столько мы чтим их самих по себе, сколько почитанием их прославляем того же Единого Бога, дивного во святых Своих. В язычестве же каждый почитаемый предмет представляется как отдельный самостоятельный бог, вследствие чего получается многобожие, а так как при нем единое множится, то Единый Истинный Бог уже теряется в сознании людей, или, если так можно сказать, ступшевывается, ограничивается; многобожие, таким образом, безмерно оскорбляет Единого Истинного Бога, здесь же в христианском почитании святых только еще более и более прославляется Господь. И чем христианин чувствительнее в почитании всего того, что ему напоминает Господа, что так или иначе связано с Богом, тем он любезнее Самому Господу, тем он и совершеннее.

Да и может ли добрый христианин ко всему, что напоминает ему Господа, относиться без благоговения и почтения? Нет. Так, когда он увидит священное изображение даже на бумаге, он и его не допустит до поругания, найдет ли он крестик на земле, он и его облобызает и т.п., и только христианин с притупленным религиозным чувством ко всему этому отнесется безразлично. И выходит от этого часто, что кто полюбит Бога, у того и все, что напоминает Его, находится в благоговейном почитании, а кто духовно нерадив и маловерующ, кто далек от Бога, у того и всякая святыня — в поругании. Словом, если мы любим Господа, нашего Спасителя, нашего Творца и Промыслителя, мы непременно должны почитать и благоговеть и пред всем тем, что Его напоминает, где Он Своею благодатию присутствует, на чем благодать Его почилла или почивает, ибо это почитание будет только восполнением и подтверждением нашей веры и любви к Нему. На этом-то, братие, и основано наше почитание святых икон и всех священных предметов.

Один простой, но хорошо настроенный человек однажды так сказал: «Как человеку свойственно приписывать все себе; только и вертится у него в голове наше "я". А между тем рассмотри хорошенько: не Бог ли твой Промыслитель; не в Его ли руке все живущее? Вдумайся и увидишь, что действительно твое "я" должно быть на самом последнем месте; не потому ли и в алфавите буква "я" стоит в самом конце».

Мне пришлось быть свидетелем смерти человека, впавшего в полное неверие в течение жизни и пришедшего в покаянное чувство на смертном одре. Этот человек мне говорил: «Ах, как я каюсь в

том, что не верил, чему учит Святая Церковь. Принимай я на веру, без всяких рассуждений предлагаемое нашею Святою Церковию, и был бы теперь спокоен, а то вот чувствую какое-то беспокойство. За мое прежнее неверие меня страшно гнетет. Когда я учился, у меня был хороший голос, и я пел на клиросе. И вот, даю себе обещание, как только поправлюсь, начну опять петь и усердно посещать храм Божий». Это была последняя исповедь неверующего человека; она произвела на меня сильное впечатление. Я всею глубиною своего сердца почувствовал, что никак нельзя оставаться в неверии, что неверие есть ужаснейшее состояние нашего сердца, чуждое нам. О, не дай Бог никому переживать этого пагубного состояния духа — неверия.

После Литургии, в Неделю блудного сына, подошел ко мне один простой человек с таким заявлением: «Батюшка, хочу опять возвратиться в Церковь. Я сектант — вот уже 12 лет как нахожусь в разлуке с Церковью и теперь заскучало сердце мое, хочу с сектантством покончить, хочу поговеть и причаститься». — «А что тебя понудило пойти в сектантство?» — спросил я его. — «Свободная, разгульная жизнь. Мне сказали, что в Церкви у вас плохо, а там хорошо, я и пошел. А вот теперь чувствую, что погибает душа моя». — «Что же, — ответил я ему, — дело прекрасное. Слышал притчу блудного сына (См.: Лк.15:11-32), как Господь принимает кающегося грешника, так и Церковь с распростертыми объятиями, с полною любовью снова примет и тебя. Ты своим обращением сделаешь то, что возвратишься домой, опять станешь находиться в общении со всеми православным и истинно русскими добрыми людьми». При этом я указал ему рукой на массу бывших в храме православных людей. Эта исповедь сектанта глубоко тронула меня. Действительно, все наши сектанты ушли из родного отчего дома Церкви Православной, подобно блудному евангельскому сыну.

Одна женщина мне заявила: «Что мне делать, моя мамаша переходит в раскол. Уже она собрала все вещи и готова выехать, при этом меня сильно бранит и к расколу склоняет». «Печальное, — говорил я, — положение ты испытываешь, но крепись и молись! Прежде всего сама дай обещание, что останешься непоколебимой в Православии, а затем еще раз усердней помолись о своей матери Святейшему патриарху Ермогену[47] и всем кремлевским святителям». Ушла эта женщина, но вот через несколько дней опять приходит и говорит: «Я сделала, как вы сказали, но мать все продолжала собираться, оставалось снять иконы. Она поставила табуретку и стала уже снимать, как оступилась и упала на землю, причем так ушиблась, что полчаса лежала без чувств, теперь она что-то замолчала о своем отъезде и стала со мной помягче. Помолитесь, чтобы Господь ее вразумил и она осталась бы в Церкви». Боже мой, Боже мой, как ясно Ты вразумляешь заблуждающихся, подумал я, узнав все это.

Возлюбленные братие! Если мы присмотримся к своему сердцу, то увидим там зародыши, кажется, всех грехов, всех несовершенств. В самом деле, возьмем ли наше отношение к Богу? Все ли мы верны; не одолеваемся ли маловерием, сомнением, холодностию, духовным нечувствием, недостойным проведением праздничных дней, невниманием к молитве, суеверием, роптанием на Бога, ложным стыдом в деле веры, неблагоговением ко святыне, неимением страха Божия?

Возьмем ли наше отношение к ближним. Кто скажет, что он безупречен в своих отношениях к братьям. Кто из нас не грешен в непочитании старших, родителей, неблагодарностью к друзьям и благодетелям, грубостью и невежеством в обхождении, хитростью, лукавством, обманом, утаением чужого, скупостью, сварливостью, клеветою, оговариванием, осуждением, ненавистью, злословием, немилосердием, завистью, насмешками, гневом, ругательством, притеснением, презрением и всяким недоброжелательством против ближнего?

Возьмем ли мы отношение к самим себе, к своему душевному спасению. О, тут мы увидим целое море, целую бездну грехов — всякие плотские грехи, о них же срамно есть и глаголати: гордость,

тщеславие, самолюбие, самочиние, хвастовство, сластолюбие, невоздержание в пище и питии, многоспание, расслабление, леность, роскошь, привязанность к удобствам жизни, к жилищу, одежде, пище, теплу, малодушие, суету, недовольство своей участью, нетерпение, пристрастие и множество других несовершенств.

У каждого все это есть, никто не может сказать, что он чист от скверны. Но что хуже всего — так это то, что эти грехи через повторение обращаются в пороки, в страсти, то есть в такое состояние, когда грех всецело овладевает нами и господствует. Вот и получается, что одним владеет страсть винопития, другим — табакокурения, третьим — плотского сладострастия, четвертым — скупости, воровства, гордости и т.д. и т.д.

И каждый из нас находится в опасности впасть в ту или другую страсть; стоит только потерять нравственное равновесие, стоит только раз-два повторить грех, как он уже будет напирать на нас и нами владеть.

Вот, возлюбленные, каково состояние нашего сердца. Состояние это в нравственном отношении весьма шаткое. Если остаться нам самим с собою, если жить только по влечению сердца, то скоро мы заберемся в такую греховную пропасть, в такую греховную тину, откуда нескоро вылезем. И когда мы видим наших братьев в таком состоянии, то скорбью должно обливаться наше сердце, и мы тогда должны так рассуждать: ведь и я могу быть в таком же состоянии, видно, обстоятельства у брата были такие, что завели его в такую греховность. И вот, чтобы не овладел нами грех, нужно не покладая рук с ним бороться, против греха вооружаться, от него отбиваться.

Какие же это средства борьбы с грехом? Господь не лишил человека высоких духовных сил, ума, разума, воли, при посредстве которых человек и может вести борьбу со грехом. И прежде всего всякий христианин, как говорит Спаситель, должен отвергнуться себя. Что это значит? Это все равно, что отказаться от своей воли и передать ее другому, лучшему нас. Если мы останемся сами со своею волею, то она, как дурная, заведет нас в грех. Как сосуд, если он закрыт, в нем может находиться все собранное дурное, нечистое, если же мы его откроем, тем самым сосуд проветрим; так и наша воля, если мы останемся замкнутыми, в нас может таиться всякая нечистота, всякая скверна; когда же мы откроем свое сердце и подчиним свою волю лучшему нас, этим самым предохраним себя от накопления в нашем сердце всего дурного. Отсюда и является необходимость откровения старцу своих помыслов, отсюда монашеское требование все делать по благословию духовника и ничего по своей воле, дурной и греховной; отсюда вытекает стремление к частой исповеди. Итак, вот что значит отвергнуться себя — не иметь своей воли, греховной, самолюбивой, дурной, а подчинить ее другой воле, лучшей, подчинить ее воле Божией, воле святой.

Далее, в деле борьбы со грехом имеет большое значение внимание к своему сердцу в связи с укорением себя. В Отчнике рассказывается такой случай. Один инок подошел к келии старца и слышит, что тот кого-то бранит, называет свиньею и т.п. Инок думал, что кто-нибудь посторонний сидит в келии старца, и, когда узнал, что никого нет, догадался, что сей старец бранит самого себя. Так и мы, по примеру сего богомудрого старца, должны следить за собой и бранить себя за свои грехи, срамить, гневаться на себя; тогда мы перестанем осуждать других, а вместе и бояться греха...

Далее, большое значение для подавления наших греховных склонностей имеет аккуратность, регулярность жизни. Приучи себя к умеренности во всем: вовремя ешь и не объедайся; вовремя ложись спать и не спи сверх меры; не ленись работать, а вместе и не подрывай своих сил, и такой умеренный образ жизни предохранит тебя от многих пороков. Укажем еще на общение с добрыми людьми. Один в поле не воин, говорит пословица, так и в христианском провозведении жизни. Хорошо иметь духовных друзей, с которыми можно было бы поговорить по душе, вместе помолиться, горем поделиться. Духовное общение сердец облегчит нашу трудность в борьбе со грехом, а также со скорбями и невзгодами житейскими.

Но всего сказанного, однако, недостаточно. У нас есть страшный враг душевного спасения —

диавол, который не дает ни на минуту покоя, строит нам козни хитрые и ужасные, вводит в тонкие искушения, борет нас во всяком месте и во всяком звании. Против него людям своими человеческими средствами не противостать. Но у нас есть Мать — Святая Церковь и ее благодатные средства. Святая Церковь, зная наше безотрадное и трудное положение в борьбе со врагом, старается везде и всегда оградить нас святыней.

В самом деле, присмотримся, что в этом отношении делает для нас Святая Церковь. Она каждый шаг нашей жизни освящает: родились мы — крестит нас, вступаем в брак — благословляет, умираем — напутствует нас Святыми Тайнами, а умрем — с молитвословиями провождает до могилы и после непрестанно продолжает за нас молиться. Она, Святая Церковь, освящает, а нас, наши тела ограждает иконками, крестиками, крестным знаменем. И трудно себе представить, что было бы с нами, с нашим внутренним существом, если бы Святая Церковь не ограждала нас святыней; кажется, злой змий, враг рода человеческого, и всякий грех с ног до головы нас бы опутал и полонил.

И если еще существует христианская жизнь, существуют добрые христиане, то только благодаря этой ограждающей нас святыне. Больше того, Святая Церковь и внутреннее наше существо старается освятить, почему Она и предлагает нам пить святую воду, святое масло и, что выше всего и больше всего, питает нас Святыми Тайнами, Телом и Кровию Господа Христа.

Много теперь пишут о книге старца Илариона «На горах Кавказа»[48], где говорится о важнейшей вещи в духовном делании — молитве Иисусовой. Молитва Иисусова всегда высоко ставилась святыми отцами-подвижниками. Смысл ее хорошо уже разъяснен. Во время борения ограждай себя молитвой Иисусовой, то есть внимательно читай ее, молись Господу Иисусу, призывай Его себе на помощь, углубляйся в молитву, и этим ты, помощью Господа Иисуса, будешь предохранять себя от дурных, скверных, нечистых, хульных, греховных помыслов и чувств. Не вдавайся при этом ни в какие мечтания относительно Господа Иисуса, то есть не старайся под внешними формами зреть Господа, не создавай себе искусственно образы и виды, а также берегись искусственного разгорячения крови своей, — все это бесполезно, все это ведет к прелести и самообольщению. Внутренно, сердцем, с верою, любовью и надеждой, — во всех случаях, будешь ли ты молиться молитвой Иисусовой или другою какою, — чувствуй Господа. Всякое лишнее мечтание отгоняй и не доискивайся до глубины непостижимого и незримого никаким разумом человеческим существа Божия. Молись молитвой Иисусовой и в то время, когда ты спокоен от брани, ибо постоянное упражнение в сей молитве созидает тебя духовно, то есть ты приобретаешь ее духовную настроенность. Вот что богомудрые отцы-аскеты нам преподали относительно молитвы Иисусовой.

К сожалению, пошли у нас большие препирательства относительно самого имени Иисусова. Как понимать Божественное имя «Иисус», как будто бы до этого времени никто его не понимал и о нем не думал. Следуя учению Православной Церкви, изложенному Седьмым Вселенским Собором, мы признаем, что все имена Божии суть великая святыня[49], суть как бы словесные образы Божии, подобно тому, как существуют живописные образы, святые иконы и честной крест.

Что же сказать относительно возникших о имени Иисусовом споров? Тяжелы они и прискорбны. Кажется, все должны согласиться со следующими положениями: Высочайшее Существо — Господь Бог слабым человеческим умом непостижим, и необъятен, и словом человеческим неопишуем, будем ли мы касаться Существа Божия, будем ли говорить о действиях Господа в мире. Нельзя постичь, изобразить и вместить Господа и в имени Его. И кто силится делать это, тот впадает в духовную гордость. «Кто измерит разум Божий и кто постигнет глубину Премудрости Его!» — восклицает пророк Давид. К тому же, еще хорошо известно, что духовное не все могут постигать, не говорим уже описывать. Духовное духовным востязуется. А если так, то зачем силиться говорить о духовных предметах тем, кто, быть может, слаб духовным опытом.

Припоминается из жизни святых отцов Церкви золотого IV века следующее. Когда в их время

возникли большие суждения о тайне Святой Троицы и начали спорить о сем предмете все и везде, на рынках и на перекрестках, святые отцы выступили со словами обличения, в которых убеждали православных не спорить о таком высоком предмете, а с благоговением, верою и страхом содержать учение о Святой Троице так, как преподала это учение Святая Церковь. В Ветхом Завете из-за благоговения запрещалось громко и без необходимости произносить страшное имя Иеговы. А мы Божественное имя Иисуса, к сожалению, сделали предметом спора и даже поругания. Вот и нам вместо того, чтобы спорить и препираться, выходить из себя и раздражаться, нужно было бы спокойно и с благоговением содержать тайну имени Иисусова, тем более, что в молитве Иисусовой вся суть, все дело не в умозрении, а в практическом ее значении — именно в приобретении через эту молитву духовного устройства нашего сердца, нашей души.

Все святые отцы учили и постановили творить молитву Иисусову, имея в виду от нее пользу нравственную, — они поясняли, как молитвой Иисусовой отгоняются помыслы, как подавляются дурные чувства, как искореняются страсти, как водворяются в сердце мир и радость, но мало кто из отцов задавался мыслию доказывать умозрительно смысл имени Иисусова, и если они об этом говорили, то вскользь, выражаясь каждый раз так, как умели, а не так, чтобы своим выражением точно и для всех понятно изъяснить имя «Иисус». Они хорошо знали, что тайна имени Иисусова не словами доказывается и не умом понимается, а сердцем чувствуется, и притом только теми людьми, кого Господь сподобит иметь духовный опыт.

Что такое лицемерие? Это когда человек сознательно, обдуманно, с известною целию показывает себя не таким, какой он есть на самом деле. Например, пьющий вино показывает себя непьющим, курящий табак людям является некурящим; или в сердце нет молитвы, а человек становится на колени и являет себя перед людьми молящимся, осуждает власти, старших; недоволен ими, а показывает себя пред ними преданным и исправным. Но, вопрос. Разве всегда нужно человеку себя являть таким, каким он есть в сердце своем, — ведь там множество нечистоты и всякого зла, — обнаруживать все это значит соблазнять других, наносить нравственный вред ближнему? Нет, не всегда. Всякий человек может быть испорченным только до известной степени, но он должен при этом сознавать свою испорченность, жалеть о ней, стремиться к исправлению, искать правды и добра, и вот такой человек если и скроет свое дурное от других, то лишь затем, чтобы не нанести вреда ближнему. И это не будет лицемерием. Внутренняя борьба парализует лицемерие.

А то может дело обстоять иначе. Я не сознаю своей порочности, она мне льстит, я услаждаюсь грехом, я убежден в известной мысли, я определенных взглядов и чувств, а вонне стараюсь показаться иным, ради своей выгоды, конечно, выгоды корыстной, низкой, материальной. Тут уже лицемерие. Например, в известном кругу, на известных должностях должны быть люди только с известным направлением, но вот может искать и добиваться там места человек только ради материальной выгоды; такой значит будет лицемерить. И лицемерие — весьма опасное явление. Лицемеры по душе иные, чем в действительности, и то, что у них на душе, что составляет для них смысл жизни, они при всяком удобном случае исподволь, постепенно, хитро, коварно будут проводить в жизнь. А когда восторжествует их убеждение, о, тогда они открыто станут проводить свои взгляды! Как поэтому опасны лицемеры на высших государственных постах, от которых зависит жизнь страны, народа. Противоположностью лицемерия является искренность.

Пастырь, служащий с верою, проникновенно Божественную литургию, пастырь есть как бы живой источник. Приходилось ли вам когда-нибудь встречать свежий, сильный ключ воды? Он непрестанно бьет и, сколько ни почерпай, он все продолжает источать воду, и узнают об этом источнике далеко-далеко и приходят отовсюду почерпать из него воду. Таким живительным ключом является и священник, проникновенно совершающий Божественную литургию, и приходят к нему издалеча почерпать воду живую, — благодать Духа Святого.

Христос — мир наш! «Приидите земнороднии со Ангелы, и мы составим лик: слава в вышних Богу и на земли мир!» (Праздничные стихиры Рождества Христова). Была ночь. Древний языческий мир, погрязший в грехах, пороках и преступлениях, спал. Он спал и, казалось, что лучше было бы ему заснуть и никогда уже не пробуждаться, ибо земля стонала от злодеяний и непотребств людских. В самом деле, что только не творил древний, живший до Христа человек?! Тогда царствовала грубая физическая сила, тогда ничуть не уважалась человеческая жизнь, тогда родители убивали детей, а дети родителей, тогда людьми, заключенными в темнице, кормили цирковых животных, на борьбу с этими последними выводили узников, при этом публика восторгалась, как зверь одолевал изнемогшего борца и растерзывал его на куски. Тогда из трупов казненных делали факелы для освещения царских садов (Нерон[50]). Тогда разврат, чревоугодие и другие пороки доходили до крайних пределов. Стоит только вспомнить обеды римских богачей, чтобы представить себе всю бездну нравственного падения общества того времени. Эти обеды состояли из бесчисленного множества самых изысканных блюд, вроде блюда из соловьиных язычков, причем во время обеда пирующие гости принимали рвотное, дабы высвободить свои желудки от пищи и затем снова есть...

Тогда люди как бы соперничали и состязались в пороках и преступлениях. Казалось после этого, что древний мир нравственно совершенно погиб, потерял всякую надежду на спасение и его ожидало одно вечное наказание от Правосудного Господа. Но бесконечно милосердие Божие! Это милосердие Божие в предвечном Совете Своем подожило спасти погибшее создание — человека через Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа.

Была ночь, беспримерная, великая в истории человечества ночь. Мир греховный спал, утомившись от совершенных днем преступлений. И вот в это время в пещере близ города Вифлеема совершалось великое таинство спасения человечества — там рождался Христос, Примиритель Бога и человеков (См.: Лк.2:1-20).

Родился Он, и с этого же момента началось водворение мира на земле. Уже мир царит в Вифлеемской пещере. Здесь смиренная, кроткая Божия Мать мирно повивает Своего Божественного Младенца и полагает Его в ясли. Здесь старец Иосиф благоговейно взирает на совершающееся таинство и радостно поклоняется родившемуся Господу. А вот пастухи в поле. Прежде, в темные ночи им не раз, быть может, становилось среди однообразной пустыни скучно, жутко, ибо они не имели в сердце своем отрады, не имели пред собою никакого смысла жизни. Со дня на день пред ними была голая степь, а в сердце вечный холод, и не видно было для них впереди огонька, куда бы они могли устремиться и обогреть свою душу. Но вот в ночь рождения Спасителя на небе явилось множество Ангелов, воспевающих хвалебную песнь родившемуся Господу: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Это ангельское пение огласило дикую пустыню, оживило ее и отразилось радостным отзвуком в сердцах простых пастухов. Они почувствовали, что какая-то живительная струя проникла в их исстрадавшуюся пустую душу, и они спешат поклониться Виновнику их душевной радости, поклониться рожденному в пещере Господу.

А вот волхвы от востока издали направляются к той же пещере Вифлеемской, нося в душе своей мир и отраду. Они посвятили всю свою жизнь изучению природы и человека и пришли к убеждению, что в мире существует разлад, который может быть уничтожен только божественною силою. Волхвы сознавали, что мир гибнет от греха, ожидали небесной, божественной помощи и исстрадались, ожидая. Кто знаком с чувством ожидания, тот хорошо знает, что в этом чувстве есть элемент страдания. И чем ожидание продолжительнее, тем более страдания и самой радости при достижении цели. Волхвы ожидали Мессию, Примирителя неба и земли, много перестрадали, наконец, по звезде, они узнают, что Мессия родился; томительное чувство ожидания сменяется у них радостью, и они спешат в Вифлеемскую пещеру поклониться рождшемуся Христу.

Родился Христос, и мир разлился по всей земле. Теперь сделалось возможным примирение человека с самим собою, Богом и людьми. С самим собою... Прежде, до Христа, человек в душе своей всегда чувствовал разлад, его сердце исполнено было страстей и беззакония и он не имел

средств уничтожить их. Чувствовал человек, что грех чужд его природе, что он приносит ему страдание, что он терзает его совесть, и однако нигде и ни в чем он не мог найти себе успокоения. Он бросался в разные стороны, ища счастья, — то он погружался в массу чувственных удовольствий и пороков, то проповедовал полное равнодушие к жизни, то предавался самоумерщвлению посредством грубых, холодных внешних форм аскетизма.

Состояние человека без Христа хорошо изображено самими язычниками в сказании о Прометее⁵¹. Некто Прометей похитил небесный огонь и за это был наказан тем, что был прикован цепями за руки к одной скале, при этом ворон постоянно клевал не перестававшую вырастать его печень. Прометей — это падший человек, нарушивший райскую заповедь о невкушении плода от дерева познания добра и зла и за это получивший в наследство вечное терзание совести, вечную душевную муку. Но вот Христос пришел и принес мир. Теперь человеку подается Божественная благодать, при помощи которой он может одерживать победу над своими страстями, примиряться со своею совестью. Правда, трудна эта борьба с грехом и теперь, но с помощью благодати Божией она дает благие результаты. Посмотрите на угодников Божиих — они боролись со страстями и достигали мирного, бесстрастного, блаженного состояния духа.

Теперь стало возможным примирение человека с Небом. Древний человек повинен был пред Богом. Он не смел возвести очей к Нему, подобно тому, как провинившийся против нас прямо не смотрит нам в глаза. Господь для падшего человека был грозный Судия, и он мог ожидать от Него только наказания. Но — Христос смыл грех людской, и человек стал иметь Бога своим Отцем, Благодетелем. Теперь мы свободно, безбоязненно можем приходить к Нему во всех своих нуждах с полной надеждой, что Господь не отринет нас. Как дочь или преданный сын, вы оплакиваете свою скорбь на груди своей матери или любящего отца, изливаете пред ними искренно, откровенно, безбоязненно всю свою душу, так теперь христианин может все поведать, всего себя отдать Отцу Небесному, и Он примет его. Теперь христианин может звать к Богу самыми любезнейшими именами: Отче мой, Создатель, сладчайший мой Иисусе, возлюбленный мой Женише и т.п. Теперь он смело может подымать взоры к небу в минуты скорби, обнимать подножие Креста Господня, лобызать лик Его, язвы Его и, что дороже всего, — соединяться с Ним в Таинстве Святого Причащения.

Пришел Христос, и теперь стало возможным примирение человека с ближними. Нося в сердце своем постоянную злобу, терзание совести, человек до Христа не мог жить в мире и с людьми. Вражда, ненависть — вот что господствовало тогда в семье и во всех человеческих общениях. В самом деле, какова была семья до Христа? Здесь господствовал деспотизм, грубое право главы семейства, который смотрел на своих домашних как на собственность, как на вещь и распоряжался ими по произволу — продавал в рабство, казнил... А бедная, бедная женщина — она была забыта, унижена, она не смела думать о супружеской верности своего мужа, ибо последний по произволу менял своих жен и зараз имел по нескольку; она лишена была ласки своих детей, которые часто отнимались у нее. У женщины того времени как бы насильственно убивали инстинкты жены, матери. В христианстве же женщина возвышена. Она заняла в семье теперь почетное место верной жены и доброй матери. Теперь муж не смотрит на нее как только на сосуд для удовлетворения чувственных своих удовольствий, но он оберегает ее права как жены и матери; он не бросает ее при неизлечимой болезни и старости, внимает ее страданиям, хранит ее до смерти. Теперь сделалось возможным семейное счастье.

Вот оно. Праздник Рождества Христова. Хорошая христианская семья в сборе. Пред святыми иконами горит лампада, освещающая Божественный лик нашего Христа Спасителя и Божией Его Матери. Мирная обстановка царит здесь. Сердца всех членов семьи исполнены любви к Господу и ближним. Маленькие дети лепечут о Христе-Младенце, днесь родившемся в пещере Вифлеемской, нежная мать старается добрыми рассказами согреть, усилить порывы любви, бьющейся в их маленьких сердечках, отец своим благодушием и твердою верою в Господа пополняет гармонию этого семейного счастья.

Со Христом улучшились и общественные отношения людей. До Христа ценили человека со стороны его пригодности, так сказать, материальной, его ценили со стороны приносимой им

практической пользы. Тот человек был хорош, кто обладал физической силой, практическим умом, мог работать и созидать внешнюю культуру. Больные же, слабые и старики считались лишними людьми. Их не жалели, часто даже умерщвляли. В одном греческом государстве, например, была скала, откуда бросали в пропасть немощных стариков и слабых детей[52]... В христианстве же ценится душа каждого человека, ибо за всех Христос пролил Свою кровь, — отсюда устройство в христианских обществах богаделен, приютов, больниц, где призываются наши немощные, слабые, больные братия и сестры. И если в язычестве сила физическая могла наводить только страх на немощных, то в христианстве от этой же силы слабые ожидают себе помощи, покровительства; на нее они с упованием смотрят. И если там ум человеческий изощрялся только в том, как бы придумать больше удобств жизни, то в христианстве он получил способность созерцать высокие мировые идеи, созерцать Божество.

Мир принес Христос на землю. Нам теперь остается только усваивать этот мир, проводить его в нашей жизни. Но, о, горе нам! Как часто мы бываем бесчувственны к призыву Христа, как часто невнимательны подаваемой нам благодати Божией. Нужно было бы нам всецело устремиться к Господу Спасителю, всеми силами души отдаться Ему, уверовать в Него как Сына Божия и сообразно с этим изменить свою дурную, исполненную пороков и преступлений жизнь на лучшую, добродетельную, а мы погрязаем в неверии и пребываем в развращении. И какое же тогда наше преимущество пред язычниками? Мы тогда не лучше их бываем, а скорее даже хуже, ибо язычники могут руководиться своим естественным, нравственным законом, мы же, когда отвергаем Христа, то попираем всякие Божеские законы, отвергаем Духа благодати и отдаем себя всецело во власть духа тьмы, диавола. Вот почему в обществе христианском возможны те ужасные пороки и преступления, свидетелями которых мы теперь являемся. Но спаси и помилуй нас, Христе Боже! Просвети наши сердца Твоею благодатию, укрепи в нас веру. Ты днесь родился и принес на землю мир. Пусть же он наполнит наши сердца, искоренит в нас всякое злое произволение и примирит нас со всеми людьми о Христе Иисусе, Господе нашем.

Примечания

[42] Преподобный Паисий Великий (V в.) — назван Великим за свои великие подвиги; родился в Египте от богатых и благочестивых родителей. Когда умер его отец, то Ангел явился матери и велел посвятить одного из сыновей на служение Богу. Тогда мать отдала Паисия в церковный клир. Достигнув зрелого возраста, Паисий отправился в скит под руководство подвижника Памвы и в течение трех лет ходил с опущенными вниз глазами, занимался чтением священных книг, побеждал телесные страсти молитвой и постом. Желая больших подвигов, св.Паисий принял на себя подвиг поста и молчания: не ел ничего всю неделю, только в субботу и воскресенье вкушал немного хлеба с солью и выпивал воды; затем удалился в уединение в пустыню. Однажды сам Господь посетил преподобного Паисия в пещере и сказал, что ради него вся обширная Нитрийская пустыня будет населена подвижниками. Во время одного из молений св.Паисий почувствовал, что он как бы на крыльях был вознесен на небо, где видел райские селения и святых и удостоился причащения невестественных Святых Тайн. Слава о святой жизни подвижника привлекла к нему многих и из мирян, и из иноков, которые стали подвизаться около него, под его руководством. Преподобный Паисий умер в глубокой старости, память его празднуется Церковью 19 июня/2 июля.

[43] Преподобный Агафон (V в.) — жил и подвизался в Египте, в Скитской пустыне. Память его отмечается Церковью 2/15 марта.

[44] Вольтер (настоящее имя Мари Франсуа Аурэ; 1694-1778) — французский поэт и писатель, философ-просветитель, деист по своим религиозно-философским взглядам. Творчество, в основном лирика, молодого Вольтера проникнуто эпикурейскими мотивами, содержит выпады против самодержавия. Среди зрелой прозы — повесть «Кандид, или Оптимизм», трагедия в стиле классицизма «Брут», сатирическая поэма «Орлеанская девственница». Вольтер был одним из основных авторов и составителей «Энциклопедии, или толкового словаря наук, искусств и ремесел» Даламбера. Деятельность Вольтера была связана с критикой религии и монархизма, за что он подвергался высылке в Англию и заключению в Бастилию. Вольтер и его взгляды были необычайно популярны как во Франции, так и за ее пределами, в том числе и в России, сыграли

большую роль в идейной подготовке Великой французской революции. Вольтер переписывался с некоторыми монархами Европы, в том числе с императрицей Екатериной II. Стремление к вольнодумству в делах политики и веры, тонкий анализ и колкая насмешливость в критике устоявшихся традиций, скепсис в сочетании с остроумием, антиклерикализм — все это получило название вольтеррианства.

Показательна кончина Вольтера, так и не примирившегося с Богом и Церковью. «Посмертные его злоключения составляют печальный эпилог его славной жизни. Экс-иезуит аббат Готье, пробравшийся в дом Вольтера при первой вести о его серьезной болезни, хотел отличиться перед католическими властями и вырвать у безбожника отречение от всех заблуждений; но, хотя ему и удалось склонить упавшего силами Вольтера к чему-то вроде примирительного заявления, больной, кажется, и тут хитрил с навязчивым аббатом и, едва поправившись, взял назад свое заявление; когда же новый приступ недуга свел его в могилу, вместо генерального покаяния осталось всего два-три слова общего содержания, не удовлетворившие духовенство. ...Пришлось отказать от похорон в Париже, тайно вывезти тело Вольтера из Парижа и не без труда склонить священника деревеньки Ромильи, в Шампани, дать хоть на время ему приют в склепе бывшего аббатства. В дни революции прах великого писателя был перенесен в Пантеон; но, по-видимому в 1814 году, когда реакция снова взяла верх, ненавистники Вольтера опустошили гробницу и развеяли его останки» (Из статьи о Вольтере в словаре Брокгауза и Эфрона).

[45] Иконоборство — возникло в 1-й половине VIII в. при императоре Льве Исавре, который, одержав блестящую победу над магометанами, захотел обратить их в христианство, для чего, по его мнению, необходимо было уничтожить почитание икон. Гонение императора Льва на святые иконы и их почитателей продолжили его сын Константин Копроним и внук Лев Козар. Супруга Льва Козара Ирина, ревностная почитательница икон, прекратила гонение и для умиротворения Церкви созвала Седьмой Вселенский Собор. Собор был созван в 787 г. в городе Никее, им была отвергнута иконоборческая ересь и было определено воздавать иконам, наряду с изображениями Честного Животворящего Креста, почтительное поклонение. Однако вслед за тем иконоборство снова возникло и около 25 лет волновало Церковь. Почитание икон было окончательно восстановлено и утверждено на Поместном Константинопольском Соборе в 842 г. при императрице Феодоре. На этом Соборе, в благодарность Богу, даровавшему Церкви победу над иконоборцами и прочими еретиками, установлен праздник Торжества Православия, который совершается в Православной Церкви в первое воскресенье Великого поста.

[46] Лютеранство — направление протестантизма, основанное немецким реформатором Мартином Лютером (1483-1546) как реакция на неправильности и злоупотребления Римско-Католической Церкви. Началу Реформации в Германии положило выступление Лютера в 1517 г. в Виттенберге с 95 тезисами против продажи индульгенций. Для лютеранства, как в целом для протестантизма, характерны: отсутствие принципиального противопоставления духовенства мирянам, отказ от церковной иерархии и от молитв за усопших, отсутствие монашества, почитания Богородицы, святых, Ангелов, икон. Число Таинств сведено к двум: Крещению и Причащению. Основной источник вероучения — Священное Писание.

[47] Священномученик Ермоген (†1612) — патриарх Московский и всея России, чудотворец; занимал патриаршую кафедру с 1607 по 1612 г.; показал пример пастырской твердости и силы духа во время польской интервенции. Патриарх Ермоген разослал грамоты во все русские города с призывом поднимать народное ополчение на защиту веры и отечества. Под угрозой мученической смерти он отказался остановить нижегородское ополчение под предводительством князя Дмитрия Пожарского и гражданина Кузьмы Минина, шедшее освобождать Москву. Патриарха заключили в Чудов монастырь, не позволяли ему переступить через порог кельи, дурно его содержали и, наконец, после последнего решительного отказа святителя идти на какие-либо уступки полякам, 17 февраля 1612 г. его заперли в келье, где он умер от голода. Через 300 лет после страдальческой кончины, 11 мая 1913 года патриарх Ермоген был причислен Церковью к лику святых. Память его празднуется Церковью 17 февраля/1 марта, 12/25 мая и 5/18 октября.

[48] Много теперь пишут о книге старца Илариона «На горах Кавказа»... Имеется в виду книга

схимонаха Илариона (Долмачева; ок.1845-1916) «На горах Кавказа: Беседа двух старцев пустынных о внутреннем единении с Господом наших сердец, через молитву Иисус Христову, или духовная деятельность современных пустынных».

Эта книга, запечатлевшая ценнейший молитвенный опыт многих отцов-исихастов и изданная впервые в 1907 г., тем не менее, «послужила поводом к богословским спорам, возникшим в 1912 г., и печально известным афонским событиям. Догматическая неточность отдельных богословских построений автора способствовала возникновению учения имяславия, осужденного Церковью как ересь имябожничества. Последовали официальные запреты на чтение книги. <...> В грамоте на Афон патриарха Иоакима III сказано: “Порицая и осуждая неправильные и опасные выражения в ней [книге] об имени Иисус, запрещаем чтение этой книги всем на Св.Горе, как книги, содержащей много ошибочного и ведущей к заблуждению и ереси”. Синодальное послание (18.03.1913) констатирует, что ошибка автора заключается в том, что, не довольствуясь описанием умного делания, его духовных плодов, его необходимости для спасения и проч., о.Иларион поддался искушению дать свое как бы философское объяснение, почему так спасительна молитва Иисусова, и... заблудился в своих измышлениях, выдумал, как он сам говорит, “догмат”, не встречавшийся раньше нигде» (См.: Молитва Иисусова. Опыт двух тысячелетий. Учение святых отцов и подвижников благочестия от древности до наших дней: Обзор аскетической литературы. В 4т. / Сост. Н.М.Новиков. М.: Отчий дом, 2006. Т.2. С.676-677).

[49] Последуя учению Православной Церкви, изложенному Седьмым Вселенским Собором, мы признаем, что все имена Божии суть великая святыня... В церковном правиле VII Вселенского Собора 787 г. под названием «Как следует понимать, что имени Божия нельзя ни смешивать, ни обобщать ни с чем»... говорится: «Мы же христиане, почитая единого Бога, в Троице воспеваемого, и одному Ему служа, посредством чувственных знаков возносимся мыслию к духовному. Будучи чувственными, как иначе стали бы мы устремляться к духовному, если не посредством чувственных знаков, — письменной передачи и иконных изображений, которые служат напоминанием о первообразах и возводят к ним. <...> ...Бог, будучи невидимым и непостижимым, неисследимым и неопикуемым, бесстрастным, бессмертным, единым Царем царствующих и Господом господствующих, не имеет ничего общего ни с Ангелами, ни с людьми и ни с каким другим творением; потому что Он есть Творец, а все прочие твари, Он Промыслитель, а все прочие находятся под Его промыслием. <...> Итак, Бог находится вне всякой сотворенной твари и потому имя Его не имеет ничего общего ни с чем» (См.: Деяния VII Вселенского Собора. Казань, 1891. С.331-332).

[50] Нерон (37-68) — римский император с 54 г., из династии Юлиев-Клавдиев. Отличался жестокостью, неоднократно воздвигал гонения на христиан. По одной из версий, именно он приказал поджечь Рим, обвинив затем в поджоге христиан.

[51] Прометей — герой античной мифологии, занявший выдающееся место в мировой литературе. Миф о Прометее впервые зафиксировал древнегреческий поэт Гесиод (VIII-VII вв. до н.э.) в своих поэмах «Труды и дни» и «Теогония». Согласно Гесиоду, «изворотливый умом Прометей обманул» Зевса, обделив его при разделе быка, за что отец богов «измыслил людям гнетущую печаль», отняв у них огонь. Но Прометей похитил огонь и принес его людям в пустом тростнике. Тогда разгневанный Зевс создал женщину Пандору, распространявшую по земле зло и несчастья, самого же Прометея приковал к скале и заставил орла выклевать ему печень. Впоследствии Геракл, с согласия Зевса, убил орла и освободил Прометея. Этот миф послужил основанием для огромного количества литературы, посвященной разработке образа Прометея — небожителя, друга людей, принявшего бесконечные муки во имя освобождения человечества. Вся античная, а затем более поздняя европейская литература о Прометее пошла по линии углубленной разработки эллинского понимания мифа о Прометее как бунте добра против зла. Из греческих произведений до нас дошла только трагедия Эсхила (ок.525-456 гг. до н.э.) «Прикованный Прометей», составляющая среднюю часть его трилогии о Прометее. Первая часть этой трилогии погибла, а от последней части — «Освобожденный Прометей» — сохранились лишь отдельные отрывки.

[52] ...скала, откуда бросали в пропасть немощных стариков и слабых детей... Имеется в виду

древнегреческий город-государство Спарта, в котором избавлялись от немощных и слабых, т.к. Спарта занималась главным образом военными действиями и соперничала с Афинами, почему при воспитании детей главное внимание уделялось физической стороне: развитию в детях силы, ловкости, выносливости. Со временем под «спартанским воспитанием» стали понимать суровое физическое воспитание в целом, и само слово «спартанское», таким образом, стало нарицательным.

Часть шестая

О молитве

Молитва! Кому она неизвестна! Уже дитя научается ей как бы само от себя. Едва оно начнет лепетать немногие слова, как уже произносит имя Господа, и нетрудно заметить, что недолго придется дитяти внушать, Кто такой Бог, ибо это имя сродно его сердцу; оно запечатлено внутри его духовного существа. Старик, когда вокруг него все пустеет, когда он теряет интерес ко всему окружающему, он не забывает одной только молитвы. Молитва как бы сама срывается с младенческих уст, которые еще едва умеют лепетать, и исходит с умирающих уст, способных произносить немногие слова, если даже не слова только молитвы. Ни один человек в жизни не обходится без молитвы. Есть люди, которых никогда никто не учил молиться, но бывают такие минуты и в их жизни, когда и они поднимают очи горе и просят Всевышнего о помощи. У всех народов во все времена существовала молитва.

Все это, возлюбленные братья, свидетельствует о том, что молитва не случайное явление, не измышление человека, но она есть необходимое проявление внутренней жизни нашего духа. Как, замечая, что люди мыслят, мы делаем заключение, что разум — необходимая способность человека, так и всеобщность молитвы заставляет нас полагать, что молиться свойственно человеку. И как потеря способности мыслить признается нами явлением случайным, ненормальным, болезненным, так и неспособность молиться есть также неправильное отправление жизни нашего духа. Молитва необходима, чтобы здорова была наша душа. Молитва есть пища для жизни духа, подобно тому, как познание сверхчувственных и видимых предметов есть пища для ума.

Как необходимое отправление жизни нашего духа — молитва, лучше сказать, проблески молитвы рассеяны повсюду, где только он накладывает ту или иную печать своего духовного творчества. Эти проблески молитвы поэтому заметны в произведениях скульптуры и живописи, когда человек изображает чистую, небесную красоту, облакает в видимые образы добродетель; эти проблески молитвы заметны в музыке и пении, когда человек вызывает ими возвышенные чувства, умягчает огрубелые сердца; эти проблески молитвы заметны в литературных произведениях, когда человек бичует порок и превозносит добро; эти проблески молитвы заметны и на каждом шагу в обыденной жизни человека, когда он плачет, видя страдания ближнего, когда он радуется чистою радостью, когда он благотворит, обнаруживает благорасположение, доброжелательство, когда он, созерцая красоты природы, возвышается духом, приходит в духовный восторг.

Мы привыкли называть молитвою известные писания богоносных отцов. Но это только образцы молитвы. Мы, духовно неопытные, не можем молиться самостоятельною, чистою, святою любовью и вот, пользуемся готовыми образцами молитв. Но молиться — это значит возвышаться духом к Господу, стремиться к Нему. Молится поэтому тот, кто всегда носит в своем уме и сердце Господа и согласно с Его волею живет. Молится и тот, кто, войдя внутрь себя, скорбит о своем греховном состоянии, своем окаянстве и вызывает наружу добрые расположения, добрые чувства. Отсюда понятно наставление апостола Павла: Непрестанно молитесь (1Фес.5:17) — то есть будьте настроены так, чтобы ваша душа всегда была слита с Господом, носите всегда в сердце и уме Господа, будьте внимательны к своему внутреннему состоянию, не допускайте входить в сердце дурным мыслям, желаниям, будьте всегда на страже своего сердца...

Но, возлюбленные, я знаю, вы скажете, непрестанная молитва — это удел святых, людей, всю жизнь посвятивших себя на служение Господу. Нам же, грешным, трудно понудить себя и на

непродолжительную молитву, трудно и ненадолго вызвать молитвенное настроение. Да, трудно нам, грешным, молиться. В круговороте жизни мы часто теряем естественную, прирожденную нашему духу способность молиться и тем лишаем себя, нашу душу пищи, заставляем ее болеть, страдать и чахнуть... А между тем бывают обстоятельства жизни, когда нужно нам молиться, когда мы даже сознаем это и стараемся молиться, но безуспешно... Мы не можем молиться и тогда просим других за нас молиться. Но запомните, возлюбленные, что органом, главным двигателем молитвы является наше сердце, а лицом, к которому мы обращаемся с молитвой, — Господь, Бесконечная Любовь. Вот и нужно прежде молитвы наше грубое, самолюбивое сердце так настроить, чтобы оно сделалось способным воспринять в себе любовь Божию, нужно смириться, сознать свое ничтожество, отвергнуть всякую гордость, надо всецело отдать себя в руки Божии, поверить твердо в Промысл. А для этого вспомни скорбь мира, страдания, вопли и стоны несчастных, вспомни трудные обстоятельства твоей жизни, вспомни, как ты, быть может, провожал к могиле отца, мать, детей, вспомни пережитые, невозвратные святые впечатления твоего детства.

Еще лучше, сто раз лучше, если ты перед молитвой возьмешь книгу живота, Святое Евангелие, раскроешь последние главы Евангелия от Иоанна и начнешь читать прощальную беседу Господа с учениками. Чье сердце не тронется, читая спокойные, мирные, дышащие любовью слова Господа: Чадца, еще с вами мало есмь... (Ин.13:33). Да не смущается сердце ваше... Не оставлю вас сиры... да любите друг друга (Ин.14:1,18; 15:17). Или вспомним страдания Спасителя, вспомним, как Он, безгрешный, страдал на Кресте, пригвожденный за нас, грешных, как Он, Кроткий, молился за врагов: Отче, отпусти им: не ведают бо что творят (Лк.23:34). Пред молитвой также вообрази, что ты стоишь пред лицом Самого Господа, и так Ему воззови: «Господи, я грешный, нечистый, скверный, недостойный раб, я сознаю это, я презираю порок, страшусь его, мое сердце стремится освободиться от пристрастия ко всему нечистому, я Тебе Единому готов служить, Тебя Единого всем сердцем любить, ибо Ты моя радость, Ты моя отрада, блаженство и утешение!»

Ближним я все прощаю; ни на кого не питаю злобы и гнева — сердце мое наполняется любовью к Тебе и ближним. И, может быть, от всего этого умягчится жестокое наше сердце, сознаем мы свое ничтожество, смиримся душою, распашем почву своего сердца, сделаем ее годною для молитвы, может быть, от всего этого покажется у нас молитвенная слеза, почувствуется умиление и мы сделаемся способными молиться Господу, взывать Ему дерзновенно и крепко.

Одно при этом всегда помни, что всякая твоя молитва должна быть достойна Господа, не оскорбительна для Его святости: всякое наше прошение нужно поверять законом Божиим, заповедями Его. Только в таком случае ты можешь надеяться получить просимое. Молишься ты, например, о выздоровлении отца семейства, ты так говори: «Милосердый Господи! Смертно болеет мой брат, нет надежды на его выздоровление; умрет он, останутся непристроенные дети; без руководства родительского они пойдут по дурному пути, будут страдать. Ради невинных сих детей восстанови, Господи, здоровье их родителя. Но не моя, а Твоя святая воля да будет. Ты Премудрый наш Отец!» Молишься ты так и твердо, непоколебимо верь, что Милосердый Господь исполнит во благих желание сердца твоего.

Потеряли мы близкого человека, мать лишилась любимого сына, трудно перенести потерю; ропот готов вырваться из нашей груди — за что все это, неужели я хуже других, за что Господь меня так наказывает, так и хочется сказать, но не такова в несчастиях должна быть молитва наша. Опять нужно смириться, опять надо ввериться в волю Божию и так воззвать: «Господи, по немощи человеческой я плачу от скорби, невольно сжимается мое сердце, тяжело, ах, как тяжело мне при мысли, что родное мое существо навеки скрылось из моих глаз. Ты, Господи, видишь мою скорбь и помоги мне успокоиться духом. Я знаю, что Ты всему Промыслитель, знаю, что все творишь для пользы душ наших, но, как человек, я изнемогаю. Помогите же мне, укрепи меня. В Твои руке предаю всего себя, во всем Твоя святая воля да будет».

О, если бы Господь помогал нам не ослабевать никогда в молитве, мы были бы счастливы, спокойны душой, ибо молитва, учат святые отцы, способна преклонять гнев Божий на милость, молитва предохраняет нас от падения, нравственного развращения, молитва создает в нас добро

человека, молитва — утешение в скорби, молитва — залог семейного счастья. Молитва — предохранительное средство для целомудрия, украшение кичливости, очищение от памятозлобия, истребление ненависти. Молитва — крепость телу, благоденствие дому, благоустройство городу, могущество царству, знак победы во время брани, прочность мира. Молитва — печать девства, верность брака, оружие путешественников, страж почивающих, благополучие бодрствующих, плодоносие земледельцам. Молитва — заступница судимых, отрада заключенных, утешение скорбящим и веселие радующимся...

И молиться всем нам предлежит. Молиться должна мать, стоя у колыбели своего младенца, дабы дитя ее было счастливо. Молиться должен муж за свою жену, этот, по слову апостола Павла, немощный сосуд (Ср.: 1 Пет.3:7), дабы Господь сохранил жизнь ее для малюток. Молиться должна жена за своего мужа, трудом пропитающего свою семью, дабы Господь предохранил его от соблазнов мирских, суетных развлечений, пороков, которыми так часто бывают одержимы отцы семейств, внося тем разлад в семейный очаг. Молиться должен юноша, собирающийся вступить в бурное море житейское, дабы Господь помог ему воспитать твердый, непоколебимый в вере характер, столь нужный в наш слабый, маловерный век. Молиться должна девица, будущая судьба которой загадочна и неизвестна. Молиться должно дитя за своих родителей, полагающих в детях свое счастье и прилагающих много трудов и забот о их воспитании. Молиться должен старик, прошедший поле жизни и собирающийся вступить в жизнь загробную. Оглянуться назад, оценить все прожитое, сознать промахи и ошибки и помолиться, чтобы Господь все простил и принял дух с миром, — необходимо каждому старику. Молиться должен пастырь Церкви, и молиться особенно не за себя только, но и за других. Он должен в своем сердце отводить уголок каждому обращающемуся к нему — разделять скорби ближних, сочувствовать несчастным, страдать с страдальцами, печалиться с плачущими, радоваться с радующимися...

Помоги же, Господи, всем нам всегда прибегать к Тебе с молитвою! Молитва нам нужна, ибо без молитвы пусто будет у нас на душе, несчастны будем мы и в делах. И, о если бы, возлюбленные братие, мы достойным образом приготавливали себя к молитве, просили с верою и надеждою, то, поверьте, наши молитвы не оставались бы тщетными. Но еще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии (Пс.126:1). Во всем нужна Господня помощь, нужна содействующая нам и спасающая нас благодать Божия. То же нужно сказать и о молитве.

Некогда святые апостолы просили своего Божественного Учителя научить их молиться. И мы по примеру их должны взывать: Господи, научи и нас молиться! Господи, умягчи наше огрубелое, самолюбивое сердце. Господи, дай нам помощь смирить себя, познать свое ничтожество, свое окаянство. Господи, дай нам умиление сердца. Господи, дай нам слезы покаяния. Господи, дай нам твердую веру, надежду, любовь. Господи, дай нам помощь Тебе Всесвятому от всей души нашей молиться и воспевать непрестанно великолепое имя Твое, Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Вторая заповедь закона Моисеева запрещает идолопоклонство. Но имеет ли она отношение к нам — христианам? Ведь мы не идолопоклонники? Имеет, да и еще весьма большое. Господь Спаситель говорил, что Он не пришел разорить закон, а исполнить. Если мы не идолопоклонники в смысле почитания кумиров, идолов и признания за богов видимых предметов мира, то мы большие идолопоклонники в смысле преклонения нашего пред своими страстями. Все, что мы, христиане, ставим себе на место Бога, почитаем больше Бога, то и есть наш идол. А таковыми и являются все наши страсти.

Рассмотрим хотя некоторые из страстей, как они могут быть нашими кумирами. Вот, например, пьянство. Человек, преданный ему, за вино все готов продать: и свою честь, и свое доброе имя. Однажды рано утром, в летнее время, пришлось нам проезжать по длинной и широкой улице одного подмосковного села. На улицах еще не было обычного движения, но у винных лавок уже стояли люди разного возраста и пола и кое-где тянулись по улице туда же люди с ужасными испитыми лицами и в ужасных костюмах. Еще пройдет час, пока откроют винную лавку, но страсть влечет поскорее их к винному капищу; лучше там, ближе к кумиру, постоять, чем дома

скучать. А разбирает ли пьяница праздники и святые дни? Часто бывает как раз наоборот. Пришла Страстная седмица, Великий Пяток, добрые христиане в молитвенных слезах стоят, по примеру Божией Матери и апостолов, у Гроба Господня, у плащаницы в храме Божиим, затаив от умиления дыхание, а горький пьяница и этого великого дня не знает; он лучше зальет себя вином, чем поклонится Распятому за нас Господу. Это ли не измена Богу, это ли не поклонение идолу пьянства! И представляется нам картина. Сидит за столом пьяница. На столе — бутылка с вином; на нее он смотрит с услаждением — и эта бутылка есть для пьяницы настоящий идол, настоящий кумир, заменивший ему Господа.

Или вот, карточная игра. За границей есть целый город, где специально занимаются картежной игрой. Там все устроено роскошно. Целые дворцы настроены, с огромными залами, с бесчисленным количеством расставленных игорных столов. И сидят тут люди день и ночь, забыв Бога, забыв свои семьи, своих детей, свои обязанности, и упиваются этой страстной картежной игрой. И представляется нам опять, что все эти дворцы — не что иное, как кумирня, а карты — идолы, а люди — поклонники их. Когда-то был такой несчастный случай. Один служитель алтаря увлекся той же картежной игрой: он все уже из дому перетаскал в игорные дома. Денег нет, имущества нет, что остается делать, а страсть не умолкает, она требует удовлетворения, она ему дороже всего на свете, дороже Бога, дороже родного отца; и вот он, бедный, идет в храм, берет там священные сосуды, в которых сам же совершал Евхаристическую, спасительную жертву, и продает их с тем, чтобы на вырученные деньги снова хотя немного поиграть. Это ли не измена Богу, это ли не идолопоклонство — картам, этому гибельному изобретению. Кстати спросить, для кого изобретены богомерзкие карты[53]? — Для одного французского короля средних веков, полудиота, полусумасшедшего.

Или вот, табакокурение. Кто не знает, что эта страсть часто служит препятствием к исполнению наших обязанностей по отношению к Богу. Вот, иной пришел ко всенощной или к обедне и скушает продолжительностью службы. А отчего? Оттого, что его томит позыв к курению; а то и хуже бывает: иной не в силах бороться — курит до обедни. Иной готовится приступить к Святым Тайнам Христовым, может быть, раз в год, и как нелегко ему провести одно утро этого дня без табакокурения. Однажды я смотрел в окно: предо мною открывался двор Успенского Собора в Кремле, была первая неделя Поста. В соборе читали мефимоны[54]. Уже стемнело, служба окончилась, повалил из собора густою толпою народ, и что же я заметил? Тут же, по выходе из собора, чуть не на пороге его, заблестали во множестве спички в толпе — это табукуры поспешили закурить, уж очень они истомились и заскучали по своей страсти, стоя в святом храме. И почудилось нам, что эта страсть дороже им храма, дороже молитвы и всякой святыни. И как эта страсть полонит человека, всего его захватывает, парализует все добрые чувства любви к Богу и ближним — это, например, хорошо видно хотя бы из следующего. Курит мать младенца. Ведь она хорошо знает, что это младенцу вредно, что через курение он может быть худосочным, что он может умереть, как, действительно, часто и бывает. И что же мать? Она, правда, убивается по умершем младенце, подымает даже ропот на Бога, что Он взял у нее дитя, что Он не внял ее молитвам, и в то же время продолжает курить и курить. Это ли не идолопоклонство, это ли не служение неудержимой страсти к табуку. И представляется нам опять, что каждый табукур носит в своем кармане идола — портсигар с табуком, которому он так усердно и служит.

Далее, противно второй заповеди суеверие. Суеверие богомерзко, потому что оно свидетельствует о нашем забвении Бога, о том, что мы веру в Бога меняем на веру во что-то пустое, часто бессмысленное. Видов суеверия бесчисленное множество. Сюда относятся: вера в слепую судьбу, рок, ворожба по Библии, Псалтири, где развернется, употребление суеверных молитв и заклинаний; вера в талисманы, в так называемый «сон Пресвятыя Богородицы», разного рода привески на детей и животных для предохранения их от болезни лихого глаза, «письмо, найденное в Иерусалиме». Последнее часто ходит по рукам. В нем говорится о том, что некто слышал в Иерусалиме голос с неба, который повелевал читать ему одну молитву и затем передавать ее девяти другим лицам. За исполнение сего обещается награда, а за нарушение — наказание, как это и было, говорится в письме, в Харькове, где один человек за пренебрежение к письму был наказан смертью сына. Я и сам не раз получал подобного рода письма. Как на суеверные приметы, так и на это письмо не следует обращать внимания, а всякий получивший его пусть лучше перекрестится с

молитвенными словами: «Да сохранит Господь меня, грешного, от всякия напасти силою Своею крестного», а самое письмо следует разорвать.

К суевериям, далее, относится вера в домовых, водяных, лесных, ведьм, русалок, безрассудная вера во всякие сны; вера в предчувствие. Есть люди, которые только и говорят о том, что они предчувствуют то одно, то другое, и при этом часто заверяют, что их предчувствие должно непременно исполниться. И это — признак малодушия, недостаточной веры и надежды на Господа. Далее следует верование встречам и другим приметам; так, встреча со священником не счастлива; понедельник для начинания дел — тяжел; третья горящая на столе свеча опасна; 13 человек за столом — тоже; вообще число 13 надо избегать; нечаянно погашенная свеча предвещает гостя, новый дом не обходится без умершего и т.п., и т.п. И что удивительно, так это то, что суевериям легко поддаются люди, раньше не веровавшие в Бога, или же даже прямо неверующие.

Нам передавали о жителях Парижа, где теперь, кажется, никакой нет веры в Бога, что суеверий там найдете сколько хотите. Например, особенно парижане боятся 13-го числа и вот, всюду его опускают; если есть дом со многими квартирами, то вы, наверное, не найдете квартиры под №13 и т.п. И нам кажется, что суеверием как бы наказуются люди за свое неверие в истинного Бога. Вера дается нелегко; она приобретается духовным опытом, духовным бодрствованием, работой внутренней и дисциплиной ума. Нужно в свое время духовно потрудиться, чтобы закрепить себя в вере в Бога, но вот, человек в свое время не позаботился о том, чтобы приобрести и укрепить веру, а поддавшись без удержу расстроенному воображению, неправильному, несовершенному мышлению, влечению греховной воли своего сердца, влекущей к похотям и страстям, проводит известный период жизни, обыкновенно, расцвет физической зрелости, в неверии. Но период этот проходит, силы упадают, вера не приобретена, а инстинкт зависимости от высшей силы, более могущественной, никогда не пропадает, — вот тогда-то человек и впадает в страшное суеверие. Мы знаем немало людей, которые в свое время были неверующими, но потом, под старость, сделались крайне суеверными.

Как подмена истинной веры в Бога, всякое суеверие противно второй заповеди, требующей почитания Единого Истинного Бога. И не только наши телесные страсти запрещает вторая заповедь Моисея, но и духовные, как то: гордость, честолюбие, гнев и т.д., ибо и они для человека являются кумирами. Возьмем, например, хотя бы самый ужасный грех — гордость. Гордый человек ведь сам для себя является богом, как и было внушаемо прародителям еще в раю: будете божи (Быт.3:5). Гордый человек ни Бога, ни людей не признает. Для него существует только собственное «я» и никого больше.

Все виды гордости хорошо каждому из нас известны. Мне хочется сейчас указать только на то, что часто бывает гордость тайная, сокрытая, не примечаемая часто и теми, которые носят ее в глубине своего сердца. Чтобы познать, ощутить ее, замечай, как ты себя будешь чувствовать, когда окружающие тебя сделают что-либо не по-твоему, вопреки твоей воле. «Если в тебе рождается прежде не мысль кротко исправить ошибку, другими допущенную, а неудовольствие и гневливость, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если и малейшие неуспехи в твоих делах тебя печаливают и наводят скуку и тягость, так что и мысль о Промысле Божиим, участвующем в делах наших, тебя не веселит, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если ты горяч к собственным нуждам и холоден к нуждам других, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если при виде неблагополучия других, хотя бы то врагов твоих, тебе весело, а при виде неожиданного счастья ближних твоих грустно, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если для тебя оскорбительны и скромные замечания о твоих недостатках, а похвалы о небывалых в тебе достоинствах для тебя приятны, восхитительны, то знай, что ты горд, и горд глубоко» (Из слова Иакова, архиепископа Нижегородского[55]).

Господь есть любовь, поэтому связывать нас с Ним может точно так же только любовь наша к Нему. Сила же любви, энергия любви есть в каждом из нас, и чем больше у кого пристрастия к чему-нибудь, тем сильнее у нас эта природная сила любви. Оттого, в какую сторону повернешь эту

силу, зависит и свойство и качество самого человека. Поверни в сторону добра — и получится человек религиозный, человек святой, богоугодной жизни, любящий Господа, чем и объясняется, что часто прежде великие грешники, по обращении к Господу, становились великими праведниками. Всю прирожденную любовную силу они в этом случае обращали ко Господу... Но поверни только ту же силу в сторону зла — и получится человек злой, порочный, падший. Выходит, таким образом, что кто имел несчастье увлечься чем-либо дурным, для того всегда есть возможность перемениться и начать добрую жизнь с таким же рвением и силою, какова была перед тем и сила увлечения. Вот, пред нами встает образ святого апостола Павла, прежде великого гонителя Христа, а затем — первого из апостолов, образ Марии Египетской — прежде великой грешницы, а затем земного ангела, встают образы многих других подвижников, в мире живших сладко и греховно, в пустыне же — сурово и праведно. И там и здесь — чувство привязанности, и там и здесь — любительная сила движет человеком, с тем лишь различием, что направляется она совершенно в различные стороны.

Все ли равно подавать милостыню на виду у всех или же тайно? Далеко не все равно. Когда вы творите милостыню открыто, то не является ли тогда желание, чтобы вас похвалили за это и сказали бы вам: «Какие вы добрые...» — не стремитесь ли вы тогда к тому, чтобы вас поблагодарили те люди, которым вы благодетельствуете, ибо, в случае неполучения от них благодарности, вы сами же после говорите: «Какие они неблагодарные»... Но такая благотворительность не имеет цены в очах Божиих... Она основывается не на любви к бедному, который остается где-то в тени, вдали..., а на любви нас к самим себе, на желании славы, чести... И часто от такой нашей милостыни мы ничего радостного не чувствуем, не увеличиваем в себе никакого прироста добра. Как-то пусто и сухо на душе после нее...

Но вот ты постарался сотворить милостыню тайно... Ты, скажем, положил у двери бедняка мешочек муки и сразу же почувствовал на душе отраду, и это понятно — почему. Тайно благотворя, ты руководился уже не своим честолюбием, не своею славою, а исключительно только любовью к бедному, несчастному брату. Такая милостыня, поистине, — доброе дело, а всякое доброе дело сопровождается и духовным плодом — миром, отрадою на сердце... Тайная милостыня и бедняку приносит большую радость, чем открытая. Кто открыто получает подавание, тот нередко испытывает смущение... Ему совестно, ему неловко, ему кажется, что он беспокоит подающего, особенно это так бывает, если бедняк — человек чистой души. Тайная же благотворительность избавляет бедняка от всего этого. Тайная благотворительность способна вызвать слезы у бедняков, слезы благодарности к Богу и благотворителю.

Представьте себе такую картину. Вот, живет бедная вдова с дочерью. Вдова благородного звания — болезненная, слабая, неспособная к труду. Дочь — молодая, неокрепшая ни телом, ни душою, 14-летняя девица. Муж вдовы и отец дочери — офицер — умер в молодых годах, не оставив семье никакого обеспечения. Как же им теперь жить? Просить подаяния? — Но ведь к этому нужно еще привыкнуть, на это нужно еще решиться. И они кое-как перебиваются... Скоро должен наступить праздник Рождества Христова, а они со скорбью предчувствуют, как им придется, быть может, в голоде, великом холоде встречать и провожать этот праздник. Но вот, почти накануне праздника бедное семейство получает пакет с деньгами от неизвестного благотворителя. Представьте себе их радость... Думаю, все последующие праздники мать и юная дочь будут жить мыслию о своем благотворителе; они помолятся о нем в церкви на заутрени рождественской и Литургии, они дома, купив на полученные деньги деревянного масла, зажгут пред святой иконой лампаду и горячо-горячо помолятся Богу о своем неведомом благодетеле... Хорошо делает тот, кто ищет таких бедняков, не дожидается, пока они сами у него станут просить, помнит, что есть бедные, которые не просят и не смеют просить, однако живут в холодных помещениях, болеют, голодают и страдают без помощи людской.

Как понимать слова Священного Писания: Несть бо иного имене под небесем, даннаго в

человецех, о немже подобает спастися нам (Деян.4:12). Что нужно разуметь под именем? Конечно, Единого Господа Бога. Имя здесь служит только обозначением одного и того же Господа Бога, а потому оно и употребляется в словесной и письменной речи часто безразлично с названием Господь Бог.

Какое множество видим мы в мире красоты. Красиво звездное небо в летнюю тихую погоду. Красивы горы, покрытые лесом, и луга, испещренные цветами. Красив и человек — это Божие прекраснейшее в сем мире создание. Все это — красота природы естественная, совершенно не зависящая по своему происхождению от воли человека. Но и сам человек может создавать красоту: когда он поддерживает вокруг себя порядок, наблюдает чистоту и опрятность, когда он украшает свое жилище, созидает культуру полей, садов, растений, воплощает свой внутренний мир в искусстве, в пении, музыке, живописи. Что же это за красота, каково ее происхождение, откуда она?

Что касается первой — красоты природы, то она представляет собою остаток той красоты, какую Бог исперва создал, в начале творения мира: И виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело (Быт.1:31). Что же касается красоты, устрояемой самим человеком, то она представляет из себя произведение тех духовных даров человека, какие даны были ему Творцом при сотворении мира, когда человек был создан по образу и подобию Божию. Но прекрасный мир был испорчен грехом человека же, грех повредил красоту мира, он подавил ее, ступшевал, обезобразил, омрачил. Теперешняя красота мира есть только жалкие остатки, отблески чудного, в совершенстве созданного Господом мира. А если и теперь мы наслаждаемся красотой, любим ее, ею поражаемся и ею восхищаемся, то в какой же духовный восторг мы пришли бы, если бы увидели красоту первобытного мира. Итак, настоящая, видимая нами красота есть напоминание мирового совершенства, она носит в себе печать Божественной, небесной красоты, вот почему она так приятна нам, вот отчего она так нас к себе привлекает и располагает. Больше того, как имеющая в себе такую печать высшего совершенства — красота способна нас облагораживать, умягчать, внутренне преображать и привлекать ко Господу, Виновнику всякой красоты.

Любите поэтому, братие, красоту. Любите этот красивый цветок и, когда видите его, возвышайтесь мыслию к Создателю его — Господу Богу. Любите это красивое тихое смиренное пение, и когда слышите его, поминайте пение Ангелов на небесах, немолчно восхваляющих Триипостасного Бога. Любите эту живопись, изображающую добродетель человека, и сами возгревайте сердце ваше к добру. Любите всякого человека — это Божие создание, всматривайтесь более в его ум, в его духовные дарования, и переносите мыслью к Верховному уму.

Замечено, что в предсмертный час душа переживает особенное какое-то состояние. Этот предсмертный момент отличается, между прочим, тем, что человек совершенно теряет всякий интерес ко всему его окружающему и ищет полного уединения. Он ищет умереть в безмолвии, так, как бы никто этому не мешал. Вот почему многие, умирая, просят удалиться, уйти от их смертного одра даже самых близких родных. Старец — иеромонах Исидор Гефсиманского скита[56], когда умирал, то велел всем выйти, «ибо, — говорил он, — я буду сейчас умирать и потому никто мне не должен мешать», даже велел потушить лампаду, чтобы и света не было в келии.

Другая предсмертная черта, также ясно замеченная, это — люди в момент умирания или чувствуют предвкушение блаженства, того состояния души, при котором несть ни печаль, ни воздыхание, или же — страх, трепет. Один путешественник по альпийским горам рассказывает, что он при восхождении на горы оборвался и свалился в пропасть, где уже замерзал, и оставался один момент до смерти, и в этот-то момент он чувствовал необыкновенную сладость и блаженство, но вот, его схватили, вытащили и спасли от смерти. И что же, как только привели его в чувство, он застонал, почувствовал боль во всем теле, при этом выразил окружающим сожаление, зачем они не дали ему умереть, а возвратили его опять к страданиям земным.

Наблюдается у умирающих и такое состояние духа, что у них мгновенно проходит в сознании вся прожитая ими жизнь со всеми ее мельчайшими подробностями. Отсюда познавай возможность и быстроту всеобщего Суда. Некоторые недоумевают, как возможен всеобщий Суд всем людям всех времен. Если, говорят, требуется значительное время для того, чтобы рассказать всю свою жизнь, то сколько же нужно времени для суда жизни всех людей. Но если даже в нашем сознании дана возможность в одно мгновение охватывать всю нашу жизнь, то что же удивительного или невероятного в мгновенном всеобщем Суде для Бога — Творца самого времени.

Ты с одной стороны замечаешь, что посещение больных, сочувствие страждущим, милостыня — отодвигают у тебя в сторону дурные инстинкты и возвышают твой дух. Но с другой — рядом с этим добрым и возвышенным твоим настроением у тебя появляются от духовного расслабления и дурные чувства, которые могут тебя нравственно загрязнить, — вот чтобы этого не случилось с тобою, ты чаще и прибегай к тому, что возвышает и бодрит твой дух, и ты, таким образом, будешь постоянно парализовать в себе все дурное.

Когда замечаешь у другого обнаружение и присутствие таланта, например, один прекрасно говорит, художественно пишет, другой — чудный певец, искусный музыкант и т.д., то смотри на все это как на проявление в человеке дара Божия. Ты тогда радуйся за человека, утешайся мыслью, что как благ и щедродателен Господь к нам, людям, и старайся проявлением этого Божия дарования у твоего ближнего воспользоваться для своего назидания, утешения и духовно-нравственной пользы. Зависть, критическое отношение к талантам другого — противное, вредное чувство. Его не должно у нас быть.

Есть предание о праведном Лазаре, будто он по своем воскресении никогда уже не только не смеялся, но и не улыбался и не мог вкушать никакой снеди, не приправив ее медом. Как поучительно сие предание. Земная жизнь, поистине, горька, скорбна и плачевна, и понятно, что праведный Лазарь, раз высвободившись от нее, после постоянно и еще более чувствовал горечь этой жизни земной и имел пламенное желание снова возвратиться ко Господу — Христу, по слову святого апостола Павла: желание имый разрешится и со Христом быти (Флп. 1:23).

Пришлось мне прочесть однажды сообщение о том, как один человек с вечера лег спать зрячим, а утром встал слепым. При этом была описана его тревога, его испуг, его душевное потрясение. Сначала он подумал, что это случайная слепота, и старался промывать глаза — не возвратится ли зрение; окружил себя потом и докторскими средствами, но все было тщетно — зрение не возвращалось. Пред ним стала вечная тьма, вечная ночь. Прочитал я это и задумался. Как человек должен быть внимательным к себе, ведь каждую минуту его может постигнуть тяжелый удар, который в прах повергнет все его земные наслаждения, каждую минуту может Господь смирить тебя — о, человек.

Многих смущает несоответствие в мире сем внешнего положения людей с их внутренним нравственным достоинством и заслугами. И можно даже слышать такой вопрос: неужели и там, за гробом, будет то же несоответствие. Так называемое духовное счастье, нравственное удовлетворение, переживаемое человеком внутри себя и недоступное поэтому никому другому, разрешает этот вопрос. Это нравственное удовлетворение не считается с внешними благами и преимуществами, оно может быть у всякого человека, при всяком положении, звании и месте.

Богатые и знатные часто нравственно страдают и, наоборот, бедные и нищие духовно радуются. А так как за гробом вся внешняя обстановка отпадает, мирские преимущества и слава исчезают и остается человек с одним только этим нравственным удовлетворением, которое приобретается каждым человеком жизнью по завету Христа, по заповедям Божиим, то это-то нравственное удовлетворение и только оно одно и будет за гробом давать человеку то или другое положение, то или иное его там состояние.

Посещение пастырем пасомых имеет большое значение как для самого пастыря, так и для пасомых. Внутренние переживания от этих посещений у пастыря таковы: умягчение сердца, воодушевление, прилив новых сил, духовное утешение. У пасомых — подъем религиозного чувства, любовь ко всему церковному, большая преданность пастырям Церкви.

Один принявший Православие из лютеран так описывает свое душевное настроение. «Меня, — говорит он, — поразила та тишина, мир и благодатная обстановка, какую я стал испытывать при посещении православных храмов, — особенно это я чувствовал, когда бывал у раки преподобного Сергия, Радонежского чудотворца. Эта-то тишина и дала мне толчок стремиться к Православию, а когда я перешел в него, то я испытал еще и следующее чувство: лютеранство, в котором я прежде находился, давало мне пить из чаши духовной только отчасти, наполовину, в Православии же я эту чашу стал пить всю полную».

То обстоятельство, что ты часто бываешь мелочен, несерьезен, гневлив, бессодержателен, нечист в помыслах, — все это должно тебя убеждать, насколько ты несовершенен, и укреплять тебя в смирении. Но ты не думаешь о себе, не внимаешь своему «я», не замечаешь своих несовершенств, которые, повторяясь беспрестанно, свободно создают в тебе человека дурного, скверного, во всех отношениях несовершенного, ограниченного.

Как хорошо быть свободным от дурных, нечистых помыслов и чувств! Это здорово не только в нравственном, но и физическом отношении. Тогда чувствуешь свободу, широту духа, не стесняешься прямо смотреть в глаза людям, тогда сердце открыто бывает для любви к ближнему и на всякое благо, тогда ощущается свежесть, бодрость всего организма. И наоборот, загрязненность души сказывается в тесноте, подавленности настроения, тогда стыдишься людей, тогда не так скоро двигаешься на что-либо доброе, а организм бывает вял или нервно возбужден.

Когда мы видим молящегося, то проникаемся к нему уважением и чувствуем, что этот человек совершает высокое дело. И это потому, что молитва действительно такова есть. Она для души то же, что пища для тела. Если лишим тело пищи, то тогда ноги слабеют, в руках появляется дрожь и весь организм ослабевает. Так, если из души вытравлена молитва, то тогда помыслы наши рассеиваются, воля слабеет, чувство грубеет. Но вот организм подкреплён пищею — тогда он бодр, свеж и трудоспособен; и наша душа, когда есть у нас молитвенное настроение, удобоподвижна на все доброе. И думается нам, что та неустроенность нашего внутреннего состояния, какая замечается ныне, — именно происходит оттого, что у нас нет молитвы. Нет молитвы — и ум наш склонен к неверию и рассеянности, нет молитвы — и воля наша не может устоять против всякого рода искушений и соблазнов, нет молитвы — и сердце наше не понимает и не ищет высших духовных наслаждений, а утопает в чувственных удовольствиях и пороках. Молитва же делает человека духовно настроенным и высоко нравственным.

О Священном Предании

Протестанты отвергают Предание. Они говорят, что истина заключена только в Священном Писании, а Предание нужно отнести к измышлениям человеческим. Но мы спросим — обходятся ли сами протестанты без Предания? Ведь у них существует известный порядок богослужения и их пастыри надевают при богослужениях особую одежду и т.д., ведь и это все у них делается по преданию. Но они скажут: так делал Лютер. Теперь и сравните. Протестанты основывают свое предание на Лютере и других подобных ему реформаторах церковных, а мы Предание основываем на Святой Церкви, которая дана нам по Слову Божию, как непогрешимая истолковательница и хранительница Святого Предания. Только то, что проходит через сознание церковное, что принято Святою Церковью, то только и признается у нас истинным преданием. Впрочем, протестанты не дорожат своим преданием и готовы его изменять, и это у них выходит последовательно, ибо всякое человеческое измышление действительно изменчиво. Мы же не можем так относиться к Преданию, ибо это значило бы поправлять Святую Церковь, которая дана нам как чистая невеста, не имущая скверны и нечистоты, и ни иного чего от таковых.

Церковь дана нам как столп и утверждение истины. И какое счастье иметь Предание церковное! Представьте себе — вы входите в дом, в котором не находится ничего, кроме голых стен, не имеется здесь скамеек, где бы можно было вам присесть, стола, на котором вы могли бы вкусить пищи, камина, у которого могли бы обогреться. Или вы входите в дом устроенный, там все для вас готово и вы довольны, счастливы и утешены. То же и в Церкви Христовой. Предание исполнило ее богатством и обилием духовного благолепия. Здесь ты найдешь для своей души все потребное для спасения; в Церкви Православной ты не будешь жаловаться на неуютность, пустоту и скуку. Она, Святая наша Церковь, благодаря Преданию дала простор для развития всех благородных искусств и дарований духа человеческого, дала возможность развиваться нашему духу до совершенства, к которому призвал его наш Творец.

Псалтирь

Псалтирь — книга молитвенных излияний души ко Господу. Псалтирь написана по вдохновению от Духа Святого. Поэтому чтение и пение псалмов спасительно для души христианской. Как богодохновенные, псалмы, и особенно некоторые, имеют поистине чудодейственную силу. Таков псалом 50-й, или покаянный. Святитель Иннокентий Херсонский[57] о нем говорит: в 50-й псалом такое вложено чувство покаяния, что враг рода человеческого и доселе от чтения его трепещет и бежит (Слово в Неделю святых праотец). Большую пользу приносит христианину чтение его при борениях и искушениях. В этом отношении его можно сравнить с молитвою Иисусовой, которую подвижники рекомендуют читать при борениях. Не меньшую силу имеет псалом «Живый в помощи». Его читают в путешествиях, в затруднительных обстоятельствах, на поле брани. Помнится, как отец, отправляя нас из провинции в школу, в губернский город, становился пред иконами, прочитывал этот псалом и затем уже преподавал прощальное благословение. Много передают рассказов о том, как предохраняет воинов от пуль в битве сей псалом, который, если не читается ими, то, по крайней мере, носится на груди зашитым в ладанке.

Великую силу имеет и псалом «Благослови, душе моя, Господа» (Псалом 103-й. — Ред.). Чтение его высоко настраивает нашу душу и исполняет сердце благоговейных чувств пред Творцом вселенной. Псалом этот полезно читать при помыслах неверия, которое исчезает, пропадает при чтении и пении его. Древние христиане весьма любили псалмы. Святитель Амвросий Медиоланский[58] свидетельствует, что выйдешь в поле, встретишь земледельцев, услышишь здесь наверное и пение псалмов; войдешь в дом, застанешь за прялкой женщин — здесь и аллилуйя. Наши предки русские также не расставались с Псалтирью. Они даже учились по ней. И как это хорошо! Грамота открывает наши очи, «еже разумети доброе и злое». И вот, если обучение грамоте происходило по Богодохновенной священной книге, то не закреплялось ли через это само наше сердце в добре, а очи наши не привыкали ли только зреть святое и отвращаться от суеты и скверны?

Между прочим, у нас и доселе есть обычай читать Псалтирь по покойникам. Прекрасный обычай. Чтение псалмов успокаивает, умиротворяет, утешает, — а как это все нужно бывает для нас, когда мы переживаем скорбь от потери близких нам людей!

Берегите веру. Как опасно пренебрегать религиозными обязанностями! Сначала простая леность, нежелание потрудиться, пойти лишний раз в храм, затем охлаждение, отчуждение от всего церковного, религиозного, и, наконец, полная индифферентность в деле веры, забвение Церкви и ее установлений, когда человек уже не дорожит своею верою. И как постепенно идет охлаждение в вере, так и наоборот, вера возвращается с большим трудом. А это-то и страшно! Безверие начинает беспокоить, томить, мучить человека. Временами вспоминается счастливое время веры и пробуждается желание снова верить, но нелегко веру возвратить...

Мы знаем много случаев, когда потерявший веру при всем своем желании снова верить — не может. Такой человек часто плачет о потерянной вере, как о потерянной жемчужине. И даже какие-то внешние причины, или лучше препоны, начинают тормозить его пробудившееся религиозное чувство. Один мой знакомый, 15 лет не бывший у исповеди и Святого Причащения и совершенно забывший храм, решил, наконец, поговеть. И что же?! Много времени и усилий ему пришлось потратить, чтобы привести свое намерение в исполнение. Вот он уже соберется и назначит день для исповеди, как физическая болезнь или необычайный страх остановят его. Пришлось не считаться с его выбором дня, а употребить некоторую властность над его волею — приказать ему явиться в такой-то день в храм. Таким людям непременно нужно протягивать руку помощи, а без этого они беспомощны. И если Господь поможет им восстановиться в вере, о, тогда необыкновенно трогательно бывает их вера! Они говорят о ней уже как о милом, дорогом для сердца сокровище, которое стараются всячески беречь, боясь снова потерять его. Они способны делаются тогда к исповедничеству.

Пастырь Церкви! Если ты желаешь пасти словесное стадо с любовью и охотою, то вооружись терпением. Без терпения ты изнеможешь и не понесешь пастырских трудов. Среди твоих духовных чад будут такие больные душой, которых ты не в состоянии убагодворить, успокоить, они всегда будут томиться душой, у тебя искать поддержки, тебе надоедать, тебя беспокоить, тебя осаждать. Нужно много терпения, чтобы не пренебречь ими, их не оттолкнуть, не огорчить своим невниманием, холодностью. Далее, каждый твой пасомый знает только свои нужды, с ними он к тебе и обращается, он не видит и не замечает того, что и другие, подобно ему, также ищут пастырской поддержки; он не входит в положение другого, не желает ему уступить места, не считается и с твоим здоровьем, с твоими делами и занятиями, ему нужно во что бы то ни стало тебя видеть, с тобою говорить... И тут опять пастырю нужно терпение — всех выслушать, не показать вида, что ты устал, что ты тяготишься приемом просителей. А выслушивать приходится не только неинтересное, но и томительное. Один просит рекомендации, другой — определить детей, третий — поставить на место, четвертый — денежного пособия, пятый — нравственной поддержки, шестой — молитв в болезнях, и так далее, и так далее. Всем не поможешь, всех не примешь — отсюда ропот, недовольство, — и только терпение помогает пастырю стоять твердо на своем посту. А исповедь, выслушивание греховности людской, сколько здесь требуется нравственной силы и терпения! Терпение — главная добродетель для пастыря. Если для телесного врача оно важно и необходимо, то для духовного — тем более, насколько душа важнее тела.

Нас посещает то один, то другой дух злобы. То дух уныния нас одолевает, то дух нечистоты, самомнения и тщеславия, то дух скупости, гнева, раздражительности. А могут нас полонить несколько таких злобных состояний. Спаситель, говорится во Святом Евангелии, из Марии Магдалины изгнал семь бесов (См.: Мк.16:9). Равно как наоборот, сердце человека может исполняться: то духовной радости, то чувства умиления, чистоты, целомудрия и т.д. И если первые состояния появляются от нашей греховности и духов злобы и питаются дурными началами, то, наоборот, вторые навеваются человеку от Духа Святого и поддерживаются благодатными средствами. А если так, то побольше давайте мне этих средств, ибо я хочу быть добрым

христианином, а не сыном погибельным.

Переход в Православие из лютеранства свободнее совершается, чем из других христианских вероисповеданий, и это потому, что лютеранство слишком сжало, стеснило обнаружения религиозного чувства в христианине. Не почитай святых, священных изображений, не нужно таинств, а между тем христианское сердце, чуткое и религиозное, склонно все это признавать. Отсюда и бывает, что многие лютеране, религиозно настроенные, в душе согласны бывают с православным мировоззрением, а благоприятный случай — они и присоединиться к Православной Церкви готовы.

Устраивай каждый день твоей жизни так, как ты желал бы устроить всю твою жизнь, пусть каждый день будет схемой всей твоей жизни. У тебя несомненно предносится жизненная задача, которую бы ты желал осуществить: желал бы нравственно исправиться, перестать когда-либо грешить, желал бы в покаянии умереть и т.д. Старайся же то, что намечаешь на всю жизнь, — исполнять и осуществлять в течение каждого дня, старайся вести себя так, чтобы к вечеру мог сказать, что ты из всей твоей жизненной задачи хотя малую пылинку выполнил; иными словами, — всегда готовься к вечной жизни, готовься умирать, ибо не знаешь, не будет ли этот день последним в твоей быстротечной жизни.

Мы, теперешние христиане, не чувствуем силы искупления, совершенного Господом нашим Иисусом Христом, — оттого мы такие плохие, бесчувственные, оттого мы так легко смотрим на грех, оттого мы не понимаем церковных служб, особенно Божественной литургии, и скучаем за ней. Не так было в первую пору христианства. Первые христиане жили мыслию и чувством об искуплении. Искупление — был жизненный нерв для них. Писали они, говорили, действовали, — все у них направлялось именно к великому акту искупления человечества Спасителем. Об этом свидетельствуют творения святых отцов, акты мученические, история первохристианской общины. А ведь и мы такие же грешники, как люди всех времен, а ведь и для нас вся сущность жизни должна быть в усвоении дела Христова, именно — искупления. Господи, умягчи же мое бесчувственное сердце и дай мне познавать всю глубину души — великую тайну искупления человечества Крестною Смертию Спасителя!

Большая или меньшая нравственная польза от присутствия на Божественной литургии зависит от нашего переживания на ней акта искупления. Ты можешь простоять всю Литургию, даже, если священнослужитель, совершать ее, и не понимать, не чувствовать сердцем всей ее глубины и силы. Переживание на Божественной литургии именно акта искупления — для нашей души необыкновенно спасительно. Чем чаще и сильнее бывает это переживание, тем богаче, выше делается твоя духовная настроенность. Отец Иоанн Кронштадтский поражал окружающих своим переживанием, своим сильным подъемом духа во время служения Божественной литургии, и что же?! — Он был светильник — горяй и светяй (Ср.: Ин.5:35).

Когда Господь Иисус Христос однажды говорил иудеям о том, что верующие в Него будут вкушать плоть Его, то слушающим показалось это слово жестоким, и вот, многие стали уходить от Него, не дослушав Его беседы. Тогда Господь обратился к оставшимся и так сказал: не хотите ли и вы отойти? (Ин.6:67). Церковь Христова Православная предлагает свое учение веры и нравственности членам своим. Многим, однако, современным людям не по вкусу приходится ее учение. Что делать в этом случае Святой Церкви: уступать, приспособляться, чего желали бы люди? Нет, Святая

Церковь есть столп и утверждение истины. И как Христос некогда сказал: не хотите ли и вы отойти? — так и Святая Церковь как бы предлагает непокорным тот же вопрос. К Святой Церкви нужно прислушиваться, ей повиноваться, ей внимать и подчиняться. А кто этого не хочет, уходи и не ожидай, что ты Церковь можешь переделать.

Ты чувствуешь, что слаб, немощен и склонен к дурным мыслям, чувствам и делам, — это должно в тебе все более и более укреплять убеждение, что Господь твой хранитель, твоя защита, твоя сила. Вверяйся же всецело в водительство Господа, всего себя отдавай Ему, и так всегда молись и чувствуй, что если не Господь, то ты на каждом шагу мог бы погибнуть. Господи, будь же Ты мой покровитель, на Тебя надеюсь, к Тебе очи мои возвожу! Если не Ты, то я давно бы не существовал.

Святитель Мефодий Патарский[59] говорит, что даже в том обстоятельстве, что тело наше подвергается тлению, нужно усматривать милость Божию. Тело наше со всеми своими чувствами бывает причиною или, лучше сказать, органом всех наших грехов: голова — дурных помыслов, сердце — чувств, руки — дел, но вот все это истлевает — и этим до некоторой степени потребляются соделанные нами через указанные органы грехи, так что наше тело воскреснет действительно уже в обновленном виде, свободным от уз греховной плоти.

Когда переживешь благополучно какое-либо искушение, то чувствуешь необыкновенную легкость, простор в сердце. И наоборот, поддашься искушению — свяжешь свою душу, как бы клещами, от которых нужно будет высвободиться раскаянием, сокрушением, укорением, слезною молитвою ко Господу.

Когда умирает человек во цвете лет или, как говорят, безвременной кончиной, то невольно задаешь себе вопрос: почему так рано умер этот человек, ведь другие доживают до старости, когда и сами начинают ожидать смерти, и окружающие легко примиряются, в случае если последует их кончина. Впрочем, когда умирает какой-либо несчастный страдалец, больной, бедный или злой человек, то мы находим оправдание такой смерти и говорим: слава Богу — Господь взял его, прекратились его страдания, а когда злодей умирает, мы даже радуемся и думаем, что со смертью его будет меньше зла на земле. Но вот, когда умирает безвременно раб Божий, человек добрый, полезный и счастливый, что тогда сказать, как примириться с его смертью? О кончине таких людей Слово Божие говорит: да не изменит злоба разума его, или лесть не прельстит сердца его, угодны были Богу дела его, вот почему он изъят из среды лукавствия (Ср.: Прем.4:11,14). Это значит, если бы этот добрый человек продолжал жить на земле, то злоба — грех мог бы поколебать его разум, коварство могло овладеть его сердцем, ибо, пока жив человек, всегда он может измениться в дурную сторону, но Господу был приятен этот добрый человек, вот почему Господь и взял его к Себе, не место ему было жить среди развращенного мира.

Какая сильная связь нашего духовного устройства со свободой нашего сердца от плотских привязанностей, чувств и услаждений. Нет последних — и настроение твое высоко, духовно, радостно и молитвенно. Одолеваешься ты плотскими чувствами — и настроение твое бывает подавленное, низменное, богомерзкое, скверное, противное. Поистине, чистота от плотских чувств есть источник, корень духовного роста человека. Отсюда понятно все старание преподобных отцов хранить себя в чистоте и целомудрии. Отсюда понятны и такие требования Святой Православной Церкви, как безбрачие епископов, которые должны быть во всем светильниками своему стаду.

Одна 95-летняя старушка поразила меня своим глубоким переживанием любви Божией к человеку. Она говорила: «Я чувствую такую любовь Господа ко мне, грешной, что даже страх меня берет, как Господь может меня так сильно любить, недостойную. Представляю я, с одной стороны, любовь Божию бесконечную, реальную, а с другой — свое ничтожество, греховность, — и стыжусь себя, своей наготы душевной, и плачу от умиления. Любовь Божия мое сердце умягчает и растаивает, как огонь — воск».

Гордость — враг всякого прогресса. Гордость как завесой застилает нам доступ к расширению каких бы то ни было знаний, ибо гордый думает, что он все уже знает, а потому отказывается выслушивать и учиться у других.

На днях я посетил в Москве Хитров рынок, где живет люд безработный. В помещении Народной Трезвости отслужил молебен. Пели обитатели сего места, пели хорошо, так как здесь проживает много опустившихся на дно певчих. После молебна я похвалил певцов и, между прочим, случайно спросил их: «А почему бы вам не петь в Церкви?» — «Одежки приличной у нас нет, — сказали они мне, — а в нашей на клирос не пускают». Об этом напечатано было в газетах. И что же?! Через несколько дней после этого пришел ко мне один добрый человек, не пожелавший открыть свое имя, и передал мне пакет с деньгами, с надписью: «На одежду певчих Хитрова рынка». В пакете оказалось 500 руб. Славу Богу! Не перевелись еще у нас на Руси истинные евангельские благодетели, которые ищут благотворить не только тайно, но и чрез епископа, полагая в этом как бы особую духовную приятность благотворения. И в первые века христианства так именно и было. Епископ являлся не только душепопечителем своих пасомых, но заботился и о внешнем, материальном их благополучии. Как несправедливы поэтому те, которые поднимают вопрос о денежных средствах епископа. Не об этом нужно говорить и думать, а вникать, как епископ пользуется этими средствами. Чем больше материальных средств у епископа, тем больше он может благотворить, а за это нужно только Господа благодарить.

Окружающая толпа имеет какое-то мистическое на нас влияние. Когда ты в народе, когда вокруг тебя суетятся, или когда на тебя направлено внимание толпы, ты чувствуешь какие-то тиски, сдавленность, несвободу духа. Но вот — толпы нет, внимание от тебя отвлечено, — и ты развязан, освобожден от этих оков. Это чувство каждый раз я переживаю, когда по каким-нибудь причинам народу прекращают доступ в Кремль, и наш дорогой Чудов[60] монастырь остается в скитском уединении. Как легко, свободно тогда бывает на душе! И кажется — влияние окружающей толпы на наш дух так ощутительно, что если бы тебя посадили в дом с запетыми окнами и дверями, а вокруг этого дома стояла бы толпа и говорила бы о тебе, — ты, наверное, чувствовал бы стесненность, несвободу духа, хотя бы и не доносилось до тебя говора и ты бы не знал о присутствии около тебя людей.

Если ты отражаешь внутренние борения, то, когда они оканчиваются, наступает в твоём сердце необыкновенное спокойствие, мир, тишина, и это верный признак того, что брань пережита тобою благополучно, что ты, хотя и страдал и изнемогал от этой брани, но не желал поддаваться дурным влечениям, сознавал всю их гнусность, боролся и, сколько мог, отражал их.

Мирное, спокойное, ровное настроение духа — почва для духовного делания, для высших

духовных созерцаний. Знает это враг рода человеческого—и вот всеми мерами старается волновать, смущать нашу душу. То он воздвигает мысленную брань, то повергает нас в скуку, печаль, уныние, то приводит нас в раздражение и гнев, то вселяет в нас многопопечительность о земном, бrenном и т.п. Этим равновесие нашего душевного настроения теряется и тем тормозится наш духовный рост. А потому, когда видишь мирно, спокойно настроенного человека, то знай — он обладает великим даром, великим сокровищем, на которое он может многое купить для спасения своей души.

Когда была объявлена война с немцами, то почувствовалась сразу какая-то необычайная на душе тягота. Как при наступающей грозе — трепещешь, раскаты грома и блеск молний наводят страх, а когда гроза настанет, то, затаив дыхание, только ждешь и молишься, как бы она благополучно миновала, так и при войне: вначале томление, нудное состояние духа, а затем выжидательное положение с крепким желанием скорейшего и счастливого для нас исхода войны.

Чистота, целомудрие привлекают благодать Божию. В указанных нравственных качествах сокрыта сила духовная, благодатная, подобно тому, как в волосах Сампсона[61] содержалась сила физическая. Потерял Сампсон волосы — и лишился силы своей; потеряй чистоту, целомудрие — и ты лишишься благодати Святого Духа. Жизнь подвижников много об этом свидетельствует. Сказанное — непреложная истина.

Русь Святая. Не в том смысле, что она по жизни высока, а, как говорит славянофил Хомяков[62], «ее идеал быть святой». И действительно, если обратить внимание на черты, свойства, характер русского человека, его смирение, кротость, терпение, простоту, принять в расчет, что Русь православная, то делается понятным название ее святой. В исторических своих судьбах Русь многое осуществила и продолжает осуществлять из своего идеала святости. Как поэтому ей нужно дорожить всеми заветами предков, хранить свои основы жизни, держаться святой православной веры, ибо потерять все это — значит потерять и свой идеал — святость.

Почему мы стремимся к общению с духовно-нравственными людьми и особенно усиленно о них молимся? Первое, пожалуй, понятно. Есть пословица: «Скажи мне, с кем ты знаком, а я тебе скажу, кто ты таков». Человек по природе своей не может не любить добро и где он видит его проявление, туда льнет и его сердце. Но вот, казалось бы — молиться нам нужно более о грешниках, чем о нравственно-порядочных людях. А между тем выходит как бы наоборот. Услышит русский человек о каком-нибудь старце, подвижнике и начинает его записывать в свои помянники, поминать при всяком удобном случае. Как это явление объяснить? Здесь опять проявляется любовь христианина к добру. Молясь за праведных людей, мы этим как бы сами желаем причаститься их блаженному состоянию, а вместе заручиться их предстательством пред Господом Богом за нас, грешных, когда они войдут в Небесный Чертог.

Смирение, терпение, кротость — какие это благоухающие цветы в букете нравственного миропорядка. Эти добродетели настойчиво и постоянно внушает нам Святая Православная Церковь. И если ты, Святая Церковь, зиждешь на таких чудных добродетелях наше спасение, то как ты высока, как ты свята, как ты несравнима ни с какими другими исповеданиями! Будь же ты милой, любезной всегда моему сердцу, Святая мать, наша Православная Церковь!

Во время одной скорби я так дерзнул молиться Господу: «Господи, я чувствую все свое бессилие, все ничтожество, всю свою беспомощность. Ты же одним мановением все можешь совершить. Припадаю к Тебе и молитвенно взываю — помоги мне, я лежу у Твоих ног и до тех пор не встану, пока Ты мне не поможешь. Больше того, я даже, что страшно выразить словами, требую от Тебя помощи. Требую потому, что знаю, что Ты милостив и только Один силен помочь мне». И почувствовало мое сердце после такой молитвы, что рука Божия коснулась моего немощного существа и отъяла от меня скорбь.

Молю убо вас достойно ходити звания, в неже звони бысте (Еф.4:1). По слову апостола Павла во всяком звании и положении возможно спастись, а званий и положений этих бесчисленное множество. Одни из нас — знатные, другие простые; одни богатые, другие бедные; одни живут в шумных городах, другие в тиши сельской и деревнях. Сообразно с этим различны и условия для спасения — более благоприятные и менее.

Что касается нас с вами, нас, жителей столицы, то мы, по-видимому, имеем самые неблагоприятные условия для спасения. В самом деле, что представляет из себя столица? — Здесь, прежде всего, бывает скопление богатств в руках отдельных людей. И так как в столице можно найти все предметы роскоши, то богатые, приобретая их, начинают утопать в неге и через то теряют святую простоту. С другой стороны, люди недостаточные через дороговизну столичной жизни впадают в крайнюю бедность, а где бедность, там часто гнездится и порок. Далее, в столице процветает промышленная и фабричная деятельность. На фабриках, мастерских, заводах масса собирается молодой народ, и подобное собрание весьма неблагоприятно для нравственности собирающихся. Где молодая компания, там — разгул, там — бесчинства, там и безобразные разговоры. Здесь много значит еще оторванность от семьи. Семья, как известно, сдерживает, смиряет человека. В семье хозяин в праздник находит себе отдохновение и утешение. Не то фабричный... После работы где он найдет себе успокоение, чем восполнит он свое одиночество?.. Вот и идет он разгонять свою скуку вином и разгулом... Наконец, столичный блеск, сутолока, усиленная борьба за существование на каждого из нас действуют весьма неблагоприятно. Столица заставляет нас жить внешними впечатлениями, жить, что называется, «вовне», оставляя в стороне наш внутренний мир, для которого требуется уединение, тишина, сосредоточенность. В таких неблагоприятных условиях для спасения находимся мы, жители столицы.

Но, как сказали, по слову апостола, «во всяком звании и положении возможно спастись». Значит, и мы не лишены совершенно средств нравственно преуспевать, жить по закону Христову. Так, прежде всего известно, что где больше искушений и соблазнов, там больше и средств для выработки нравственного характера. Греховное искушение для души то же, что физическое препятствие для тела. Преодолев последнее, тело приобретает ловкость, и дальше не так уже страшится препятствия; преодолев и искушение, душа подвигается на шаг вперед в деле нашего нравственного роста. Искушение — то же, что холод, мороз для тела. Опасен холод для нас, ибо через него мы легко можем простудиться, но в то же время через него закаляется наш организм. Так и через всякое отраженное искушение укрепляется в добре наша душа.

Во-вторых, в столице та суэта, та внешность, которая так нас увлекает и портит, может производить и обратное действие. Она может нас вести к убеждению, что не во внешнем благополучии сущность для человека. «Преходит убо плоть, подобает же прилежати о душе, вещи безсмертней», — поем мы преподобным. Все внешнее — скоропреходяще. И богачей постигает общая участь — смерть и тление. И они, после роскошных помещений, после роскошного стола, после почета и уважения очутятся в той же, общей для всех, тесной, холодной, сырой могиле.

Далее, в столице лучше, чем где-либо, можно исполнять заповедь Христову о служении ближнему. Возьмем ли творение милостыни. Сколько у нас бедняков, самых жалких, самых несчастных, нуждающихся в нашей помощи. Возьмем ли уход за больными. Сколько в столице нужно устроить больниц, чтобы все больные могли находить себе приют. Часто приходится от больных слышать:

«Не принимают нигде в больницу, говорят: места нет». Значит, у нас еще есть недостаток в больницах, значит, заповедь Христову о служении больным мы, жители столицы, еще не исполнили в совершенстве. А что сказать о страшной нужде теперь у нас в лазаретах для наших дорогих воинов, кровью своею запечатлевших свое мученическое стояние за Святую Русь?.. Хочется, пламенно хочется, чтобы вся наша столица превратилась в лечебный приют для наших воинов, чтобы в этом приюте они утолили свои телесные и душевные скорби... Но, горе нам: как еще далеки мы от этого!

Возьмем ли, далее, утешение ближнего.... Где, как не у нас, много скорбящих, расстроенных и подавленных жизнью? Не они ли нуждаются в утешении, ободрении, успокоении?

Наконец, укажем еще на следующую благоприятную сторону жизни в столице нашей. Здесь, как известно, центр Православия. Сколько у нас святых, самых близких, самых дорогих для русского сердца! Сколько у нас святых мощей, сколько чудотворных икон! Здесь каждый может получить духовное утешение. Здесь нет надобности долго искать святых. На каждой улице, на каждом перекрестке у нас красуется храм Божий, где приходящему подаются благодатные дары Святого Духа. Итак, мы, жители столицы, не лишены условий для нравственного преуспевания. Нужно только жить со Христом, а жить с Ним можно везде, где бы мы ни были. Будем ли мы находиться высоко на горе, на свободе, будем ли мы сдавлены и ввержены в пропасть, будем ли мы жить в городе или скитаться в пустыне, в семье, в одиночестве, на суше, на море, — везде мы можем быть со Христом, везде мы можем носить Его в своем сердце.

А что это так, приведу я вам следующий рассказ. Есть так называемые шахты. Это — участки земли, где добываются различного рода минералы — железная руда, каменный уголь и т.п. Шахты представляют из себя длинные, подземные коридоры, которые постепенно приделываются от добытого минерала. Работа на шахтах весьма тяжелая и унылая. В самом деле, представьте себе — копаться в глубине земли в удушливом воздухе, при слабом свете лампочки, при этом копаться одному, ибо каждый рабочий долбит свой коридор. Днем шахтер работает в подземелье, ночью, хотя он и выходит наружу, но, вследствие наступления ночи, также не видит Божьего света, так что для него стоит как бы вечная ночь, что весьма неблагоприятно отражается на его характере. Мрачную ночью делается его душевное настроение. Работающие в шахтах обыкновенно бывают мрачны, угрюмы, грубы и склонны к грубо-чувственным поступкам.

Но вот, на одних из южных шахт, среди подобного рода рабочих, выделялся один старик, давно уже здесь работавший. Станным он казался для всех... Он ни с кем не водил компании, а жил сам по себе... Его никто никогда не видал разговаривающим с кем-либо. По окончании работы медленно он шел в свою убогую лачугу на покой, а приходило утро, раньше всех направлялся на работу в подземелье, при этом всегда он что-то бормотал...

Прошло много лет жизни на указанных шахтах. Все, по-видимому, шло благополучно. Но вот однажды для шахт выпал злополучный день. Рабочие, по обыкновению, утром спустились в свои коридоры, и старик с ними. Долго ли, мало они там работали, только вдруг раздался страшный гул в подземелье. Произошел взрыв газа (что бывает иногда в шахтах); последовало во многих местах разрушение. Послышались крики и стоны придавленных и погибающих рабочих. Оставшиеся в живых бросились к выходу, н

Часть седьмая

Господь сподобил меня в Зосимовой пустыни совместно с тамошними старцами поговорить и поспорить. В количестве семи человек мы собрались в келье отца игумена. Вечер. Святая тишина. Переживается молитвенное благодатное чувство. У нас стремятся в обществе устраивать какие-то домашние собрания, так называемые спиритические сеансы, на которых думают войти в общение с духовным миром посредством или столоверчения, или заклинаний, каких-то таинственных движений и тому подобных нелепостей. Но зачем все это — зачем искать общения с духовным миром путем окольным, опасным и неизвестным?

Святая Церковь предлагает нам молитву в храме или общую на дому с пресвитером церковным. А входить в общение с миром духовным Святая Церковь предлагает посредством Святых Таинств. Пользуйся всем этим, если ты имеешь запросы духовные, и ты получишь великую духовную пользу. Хочешь молиться, входить в общение с Самим Христом Спасителем — стремись к Святому Причащению; думаешь духовно созидаться, бороться с грехом — прибегай к исповеди; желаешь получить особую целительную силу от Господа в болезни, изгладить забвенные и непощенные грехи, подавить бушующие в тебе страсти — прими соборование. Ты скучаешь по умершим родным, страдаешь от неизвестности, какая участь их постигла за гробом, — подавай за умерших просфоры на Божественной литургии, служи панихиды, и поверь — твоя скорбь по умершим уляжется, ты духом успокоишься и не будешь о них тосковать. Спиритизм якобы не отвергает Церкви, веры и святыни, но и так называемая духовная прелесть, которую поражается иной раз христианин, свободна от этого, но то и другое вредны для самого человека, а именно: губят в нем святую настроенность.

Приснопамятный митрополит Филарет Московский одному иерею, объявившему ему о несчастном случае пролития Святых Даров, так сказал: «Видно, ты своим небрежением отогнал от себя Ангела хранителя, иначе бы с тобой сего не произошло». Чудная мысль святителя! Продолжительное служение, утомление, торопливость при экстренных требах, слабость здоровья, неверность и дрожание в руках, близорукость и т.п. — как при всех этих обстоятельствах легко проронить Святую частицу Тела Господня, или пролить Честную Кровь Его! Поистине, только Ангел хранитель оберегает священнослужителя от несчастного случая, могущего произойти при обращении со Святыми Дарами. Итак, по мысли святителя, небрежением, нерадением мы Ангела хранителя от себя удаляем. Запомним сие, братие священнослужители, и потщимся хранить внимание к Святым Тайнам, дабы с нами был и Ангел хранитель.

Когда ты можешь знать, что у тебя нет страха Божия? Когда ты, согрешая, не желаешь объявлять свой грех из-за боязни позора от людей, из-за боязни потерять силу и значение в обществе и т.п., но тебе и в голову не приходит, что твой грех оскорбляет Господа, лишает тебя чистоты и святости. Знай, что тогда ты живешь без страха Божия, и твое положение весьма шатко. Ты тогда легко можешь и нравственно пасть, и не скрыться в своих грехах от людей.

Отчего бывает засилье, и кто виноват в засилье — та ли сторона, которая производит засилье, или та, которая это засилье терпит? Та и другая сторона. Первая своею настойчивостью, энергией, силою, в худшем случае нахальством, бесцеремонностью приобретает влияние, значение, а вторая — своею слабостию, попустительством, невниманием к делу и небрежностью этому засилью дает ход, дает возможность жить и действовать.

Нужно пастырю Церкви хранить тайну Тела и Крови Господней. «Приими залог сей и храни его цел и невредим», — говорит архипастырь новопосвященному иерею, вручая ему часть Святого Тела после освящения Святых Даров. Что это значит? Святые Тайны, служение пред престолом Божиим, принесение бескровной жертвы, совершение Божественной литургии, — это центр, это исходный пункт для пастыря Церкви. На этом должна быть сосредоточена вся его мысль, все его сердце, вся его духовная сторона. От Святых Тайн он должен отправляться в своей жизни и деятельности и к ним восходить. В более близком смысле хранить тайну Тела и Крови, это значит иметь внимание, усердие и попечение и о самих вещественных Святых Дарах — заботиться о тщательном хранении их в чистоте, опрятности и благоговейной обстановке, а также не преподавать их явным блудникам и грешникам нераскаянным.

Вот что, например, нам пришлось наблюдать в Святогорском монастыре в отношении к Святым Дарам. Для Агнца просфора печется отдельная, ровная, красивая. После освящения Святых Даров все поклоны священнослужителя направляются к ним. Во время причастного стиха уборка святого антимиона и Святых Даров совершается неспешно, весьма тщательно и благоговейно. Запасные Святые Дары хранятся не во всех алтарях, а в одном — особо для этого предназначенном, где горит неугасимая лампада на Горнем месте пред образом Спасителя и куда без нужды никто не входит. Когда нужна бывает взять от запасных Святых Даров, то иеромонах предварительно надевает епитрахиль, поручи, кладет три земных поклона, усердно молится, и затем уже приступает к выниманию нужной частицы, при этом диакон или пономарь стоят с возженной свечей. Ношение Святых Даров также бывает благоговейное, с надетою епитрахилью, поручами и при непрерывном чтении молитвы: «Верую, Господи, и исповедую» и «Вечери Твоя Тайная». Когда я все это видел, то у меня являлась мысль, что такое благоговейное отношение к Святым Тайнам также есть — хранение тайны Тела и Крови Господней священнослужителем.

Сегодня наш маститый старец, митрополит Макарий[68], сказал: «Так называемая любовь легко может переходить в слабость, а строгость — в жестокость. Трудно удерживать ту святую середину, когда любовь можно назвать истинной любовью, а строгость — справедливой, отеческой строгостью».

Хорошо читать в Великую Пятницу пред Плащаницею, после выноса ее, вместо обычных проповедей — чудную, умилительную молитву Кресту, помещенную в иерейском молитвослове после канона Кресту.

Мы часто стесняемся обнаруживать свои религиозные чувства пред людьми, обществом. Даже пастырь Церкви, и тот часто бывает не свободен от этого. Вот он, например, стесняется предложить пасомым что-либо всем петь, стесняется сделать объявление, распоряжение, навести надлежащий порядок в храме и т.п. Не осмеливается он и сам обнаруживать пред другими порыва своего молитвенного чувства, а то и просто обычных религиозных обязанностей. Между тем пастырю прежде всего нужно быть свободным от указанной стеснительности и как бы независимым. Его молитвенный, религиозный дух должен быть свободным. Таков и был отец Иоанн Кронштадтский. Он как сам свободно, без стеснений, легко обнаруживал свое религиозное чувство, так же свободно руководил он этим чувством и своих пасомых. Припоминается мне следующий случай: после одного посещения Москвы отцом Иоанном мы собрались на вокзал провожать его. Было открыто для него помещение, так называемое «царское». Поезд севастопольский запоздал. Пришлось отцу Иоанну несколько ожидать. Поговорив несколько с провожающими и благословив их, он вдруг объявил всем: «А теперь позвольте мне почитать правило, так как я намерен завтра служить Божественную литургию». И тут же на глазах всех стал сосредоточенно ходить по зале и наизусть про себя читать каноны. Вот свобода религиозного чувства, так необходимая для всех нас, а для пастыря в особенности!

Смотри на женщину чистыми очами и чистым сердцем, помышляя, что ее утроба удостоилась принять в себя Богочеловека, что от нее заимствовал плоть Свою Христос Спаситель. Видишь какую-либо женщину и боишься, как бы от лицезрения ее не возникли в тебе дурные помыслы и чувства, — перенесись тогда мыслию к Божией Матери, Непорочной Деве, Честнейшей Херувим, которая, однако, была матерью. Мысль о Ее чистоте и непорочности подавит в тебе все дурное и возвысит ум твой и сердце горе, к Богу, ко всему святому.

Смысл страданий тот, что они вводят нас в круг, если так можно выразиться, страданий Господа. А это-то и нужно для души христианской. Можно жить спокойной, беспечной жизнью и никогда не вспоминать о спасительных страданиях Господа. Но тогда где же цель жизни христианина — усвоение искупительной жертвы нашего Спасителя!

Кому приходилось оставаться в одиночестве ночью в пустом доме, под вечер в глухом лесу и т.п., тот поймет, какой великий подвиг несли наши подвижники святые отцы, когда удалялись в пустыни для спасения.

Если человек, пожелавший благоугождать Господу — в монашестве или ином подвиге, в жизни своей не имел преткновений, у него может появиться злодейская, сатанинская мысль, что он уже без подвигов покаяния, поста и молитвы имеет некоторое право на блаженство, на Царство Небесное. Нужно быть избранным сосудом благодати Божией от чрева матери, чтобы жить и духовно подвизаться ради одной только горячей веры и любви ко Господу. И вот, когда у тебя этого нет, когда ты начинаешь подвергаться опасности впасть в бездну самомнения и превозношения, тогда Господь, мудрый наш воспитатель, начинает тебя смирять — болезнью, скорбями, борениями и даже искушениями.

«Слово — часть или, лучше сказать, искра души». Так говорил старец Гефсиманского скита иеромонах отец Исидор. И вот, если душа твоя объята огнем благодати, тогда и слово твое будет благодатное, а если душа твоя исполнена страстей, то и слово твое будет такое же. Отсюда проповедь хороша только тогда, когда исходит из уст живого проповедника, живого, в смысле высоко настроенного, приосененного благодатию. При этом даже неважно, будет ли эта проповедь читаться по тетрадке или же говориться наизусть. У благодатно настроенного проповедника она будет действенна в том и другом случае. Представьте себе, пред нами предстал бы преподобный Ефрем Сирий или преподобный Сергей и стал бы нам говорить. Одинаково трепетала бы наша душа от его речи, читал бы он или говорил изустно. И наоборот, проповедник неубежденный не произведет впечатления, хотя бы он говорил живую речь. Что слово исходит из души и есть часть ее, хорошо видно из того, что после многоречия чувствуется пустота в сердце, и это оттого, что душа от указанной причины как бы расходует, много теряет.

Посвятивший себя на служение Господу Богу не должен поддаваться душевным волнениям, которые так возможны при соприкосновении с современным миром. Он должен не слишком радоваться, не слишком печалиться и огорчаться, не слишком надеяться на поддержку мира. В особенности пастырь Церкви должен вырабатывать эту твердость духа — ничем не смущаться. Его жизнь и деятельность проходит на глазах пасомых, и неуравновешенность пастыря пагубна бывает для последних.

В некоторых православных церквях на Литургии Символ веры поет весь молящийся народ. Как это прекрасно! Православный народ пред Господом Богом во всеуслышание, сообща, и в то же время как бы каждый в отдельности исповедует свою веру. Что, если бы вся православная Россия на Божественной литургии запела это исповедание! Нам кажется — это обстоятельство до некоторой степени застраховывало бы многих от уклонения в ереси и расколы. В самом деле, сегодня я произнес исповедание православной веры, завтра и т.д. Этим я незаметно для себя укрепляю в

сердце своем намерение не только устами произносить это исповедание, но и держаться его. Ведь многому мы не знаем цены лишь только потому, что это многое пришло у нас в забвение.

Наши театры — поистине подмена почитания Господа Бога. Театры — это те же капища, где совершается служение чему хотите, — только не Господу Богу. Недаром в театрах выставляют статуи, изваяния языческих богов, которые в язычестве служили олицетворением сил природы и духа человеческого. И это те изваяния богов, которых не могли терпеть первые христиане, истребляли их, и из-за которых кровь свою проливали. Вдумаешься в это, и невольно приходишь к мысли, как мало мы еще восприняли христианство, эту чистую, божественную религию.

Господь творит часто чудеса по молитве праведников. А разве Сам Господь не видит нашей нужды? Не по Его ли воле ни один волос с нашей головы не упадет? Совершая то или другое чудо по молитве праведника, Господь этим как бы хочет возвеличить, возвысить праведника, или лучше не его самого, а его праведность, возвеличить добродетель, нравственный закон, и этим расположить к нему людей.

То обстоятельство, что всякий человек имеет человеческое достоинство, а это мы чувствуем в глубине своей души и преклоняемся пред этим достоинством, производит часто то, что мы поддаемся влиянию людей, верим им, соглашаемся с их убеждениями. Этим объясняется, по всей вероятности, распространение среди общества разных мнений и взглядов. Одни люди своим влиянием захватывают других и так получается общее течение. Например, современные люди стали уклоняться от веры и религии. Не могут они в себе таить своего безверия. При всяком случае они обнаруживают его пред другими и тем заражают все большее и большее количество людей. Какая поэтому для человека нужна самостоятельность, твердость! Его руководящею точкою должен быть Господь Бог, Богооткровенный закон и авторитет людей, по сему закону живших.

Как ни удивительно, а можно возыметь ненависть и к нравственному закону. В чине монашеского пострижения мы читаем: «Не имать враг, внушая ненависть к добродетельному житию». Вот видимое нами теперь противозаконное, безнравственное, греховное происходит не столько от несовершенства и слабости человеческой, сколько от ненависти к добру. А что это так, видно из того, что современный мир старается оправдывать греховность, доказывать неосновательность нравственных требований.

Говорят, что просвещение и культура испортили нашу жизнь. Правда ли это? Грех, наша греховность, наша падшая природа тому виною, а не просвещение. Падшая природа человека такова, что она ищет повода к греху. Дьявол пользуется нашим просвещением для развития зла на земле. В этом отношении просвещение является как бы древом познания добра и зла. Возьмем грамотность. Через грамотность человек может узнавать дурное, но через нее же — она ему и многое открывает относительно мироздания Божия. Можно петь для чувственного услаждения, но одухотворенное пение, напоминающее ангельское, способно вызывать умиление и небесный восторг. Живописью можно изображать грехи и добродетель. Картина Васнецова[69] «Распятие Спасителя» вызывает слезы. Техническое искусство может направляться к истреблению человечества, и оно же помогает страждущему человечеству в его труде, на который определил его Господь. Все зависит от того, с каким чувством будет человек пользоваться культурой. Для доброго христианина она только средство к большему и большему совершенству, к которому призвал человека Творец мира, сказавший: Будьте совершенны, как Отец Ваш совершен есть! (Мф.5:48).

Говорят: в настоящее время монастыри со скитским устройством потеряли свое значение. Вера Христова одна, Святое Евангелие одно и дано на все времена. Люди, хотя и меняют свое настроение, свои взгляды, под влиянием развития, культуры и т.п., однако есть такие особенности в настроении людей, которые могут проявляться в отдельности у каждого человека во все времена, и для таковых нужен скит, также вечно и неизменно стоящий на твердом основании веры Христовой. Скит прежде всего нужен кающимся, которые свою жизнь провели во многих падениях. Многие умирают в грехах, но иных Господь призывает к покаянию и некоторым из таковых хотелось бы в изглаждение грехов понести личные подвиги и монастырские труды, что и дает им скит. Он нужен для слабых волею, на которых греховный мир неотразимо влияет. Хотелось бы спастись, да мир не пускает. Нужно бежать от соблазнов в скит, а иначе свою душу погубишь. Скит, наконец, нужен тем, кто от природы имеет склонность к уединению и созерцательной жизни.

Но не будет ли эгоизмом заботиться только о спасении своей души? Конечная цель всего человечества — спасение. Если скитским житием эта цель, по крайней мере некоторыми людьми, достигается, значит, и скит имеет свое право на существование. Помимо всего этого Господу Богу можно служить девством, чистою жизнью. Это как бы своего рода жертва Богу, дар Ему лично от себя и за все человечество. Хотя не многие люди к девственной жизни способны, но кто, имея этот дар, отдает его Господу Богу, пред теми мы преклоняемся, благоговеем и стараемся способствовать устроению их внешнего благополучия, свидетельствуя тем самым (не давая даже себе отчета), что жертва девственников нужна для всех нас, нужна для всего христианского мира. Некоторые считают для человека необходимым труд, и если они мало его видят в насельниках обителей, даже скитских, то готовы их обвинять в тунеядстве. Хотя молитва выше всякого труда и за молитвенный труд всегда тебя накормят и оденут, но ввиду спасительности труда и чтобы не быть никому в тягость, необходимо и в скитах столько трудиться, столько употреблять времени каждому на физический труд, сколько нужно для добывания насущного куска хлеба.

Иногда вдруг у тебя появляется какая-то раздражительность, недовольство окружающими тебя людьми, а то и просто дурное, угнетенное состояние духа, тоска, разочарование. Малейший повод — и твое настроение испортилось. Отчего это? Очевидно, ранее душевная твоя почва бывает подготовлена к такому настроению. Раздражительность, недовольство людьми вызывается завистью, недоброжелательством к ним. Тоска, уныние, угнетенное состояние духа вызывается предшествующими греховными помыслами, чувствами, делами. Благодать Божия, как утренняя роса, прогоняет все это, освежая сердце и все внутреннее существо человека. Счастлив тот, кто умеет или, лучше сказать, способен быстро привлекать к себе эту благодать Божию: тот легко освобождается от тех душевных страданий, о которых мы говорим.

Нужно прилепляться всею душою, всем сердцем к Господу Богу, Его Пречистой Матери и святым угодникам Божиим и их мысленно лобызать, им умиленно взывать: «Иисусе Сладчайший, спаси нас!», «Царице моя преблагая, надеждо моя пресвятая, приятелище сирым и страннам Заступнице!» — так вопиет от сердца ко Господу и Его Пречистой Матери верующая христианская душа. Возгретое подобным образом чувство отвлекает нас от любви к миру и прелестей его.

Нравственное состояние людей таково, что мир среди людей может поддерживать только меч. Поясним примером. Стоит на посту полицейский, чтобы он мог поддерживать порядок, охранять мирных жителей от злодеев, ему дается оружие, — в противном случае он будет бессилен исполнить свой долг, свою обязанность. Так и в жизни целых народов. Проповедью о мире — мира не водворишь. А кто силен и могуществен — тот, если пожелает, может поддержать и мир среди

народов.

«Твое бо яко воистинну и великое вресноту таинство» (Из молитвы на вечерне в день Святой Троицы). Что значит «вресноту»? «Вресноту» — от слова ресницы глазные. Когда мы внимательно на что-либо смотрим, то мы прищуриваем ресницы, и это помогает нам взглянуться в предмет. Так и сила и действие Таинства для нас столько ясны, столько очевидны, как и тот предмет, который мы вресноту рассматриваем.

Мы в настоящее время много проповедуем об улучшении жизни, стремимся как будто бы к правде, справедливости, возмущаемся злоупотреблениями, словом — думаем, по-видимому, проводить в жизнь начала Святого Евангелия о правде, истине, добре, справедливости. Однако жизнь наша не улучшается, а наоборот — зло все более и более укрепляется: отчего это? Господь сказал: елика хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им (Мф.7:12). Сначала ты соверши добро, а потом требуй и от другого. Мы остановились на своем счастье. Мы стремимся, чтобы нам только было хорошо, себе только ищем счастья и довольства, о других же мало помышляем. Таким положением дела жизнь людей не улучшится. Святое Евангелие заповедует отвергнуться себя, взять крест и следовать за Христом, заповедует каждому терпеть скорби, лишения, болезни и труды, а по отношению к другим быть милостивыми, сострадательными, не забывать нищих и убогих, облегчать положение страждущих. Не помни себя, а все делай для другого. Вот что может улучшить нашу жизнь, уменьшить наше земное несчастье. Тогда будет и то, о чем говорит опять-таки Слово Божие: друг друга тяготы носите (Гал.6:2), то есть, если мы понесем скорби и несчастья других, то понесут и наши скорби и облегчат их, и тем улучшится общее положение всех людей. Современный социализм, проповедующий об улучшении жизни, не может последнего сделать, потому что он не в состоянии внушить личного совершенствования каждого человека, без которого невозможно и общее. Это делает только Святая Церковь со своим вероучением и Таинствами. Социализм истекает из личного желания каждого социалиста добиться на земле счастья. Социализм вредная и пагубная идея, как развивающая самолюбивые инстинкты и губящая личное, нравственное усовершенствование каждого.

Грех в лице праматери Евы низвел, унизил женское естество, но беспредельная любовь Божия возвысила то же естество в лице Пречистой Девы выше ангельского: «Ева убо недугом преслушания клятву вселила есть: Ты же, Дево Богородице, прозябением чревоношения, миру благословение процвела еси: тем Тя вси величаем» (Ирмос 9-й песни канона Понедельника, глас 4-й).

Праздничный отдых инока должен заключаться в усиленной молитве и богомыслии, ибо он сожитель и собеседник бесплотных Ангелов, которые всегда славят Господа.

Так называемая «симпатичность» человека зависит от качества его души. Красота души и некрасивого человека делает приятным и, наоборот, грубые страсти и красивого человека делают отвратительным.

Нищие духом, плачущие, алчущие и жаждущие правды, кроткие, милостивые, чистые сердцем, миротворцы, страдальцы за правду, — вот почетная семья, в которую Господь зовет всех нас

ежеминутно.

В настоящий век много врагов Церкви, Святого Евангелия и заповедей Христовых. Явный признак упадка нравов, огрубения сердца, потемнения ума. Только чистые сердцем узрят Бога (Ср.: Мф.5:8). Знай всякий, что если ты судишь Церковь, ее иерархию, порицаешь Таинства и обряды, то ты плотяной человек и, как таковой, не чувствуешь Христа, не ощущаешь Его, ибо ты для этого слепой и глухой.

Каждое доброе слово, сказанное ближнему от сердца, возвращается в твою душу новым теплым приливом благодати.

Ложь, хотя бы и в виде шутки, причиняет беспокойство, как приражение диавольское.

Чаще спрашивай себя, где ты — со Христом или со врагом? — и будешь всегда в добром чине.

Живи настоящей минутой так, чтобы она в прошедшем была залогом будущей радости.

Чистота — одежда человека пред Господом, любовь — горение души пред Ним, молитва пред Престолом Господа.

Раскали сердце любовью ко Господу — тогда, если и придет скверный помысл, тотчас сгорит в этом божественном огне.

Мне одна духовная дочь сказала: «Всякий раз, оставляя храм, я испытываю такое чувство, как будто меня из родного милого дома, где меня так ласкали и утешали, где так тепло и уютно, выводят на зимнюю стужу, где каждую минуту у меня могут отнять мое сокровище — мир душевный, чистоту помыслов, святое настроение». Как понятно это признание доброй, христианской души, когда представишь себе весь ужас мирской суеты и возвращения и благодатную обстановку храма Божия.

Счастливы те, кто от юности заключился со Христом в своем сердце. Для такого шумный, развращенный мир — неведомая, непонятная, холодная, тяжелая и непривлекательная пустыня, попав в которую, он стремится скорее снова укрыться в свой уютный уголок сердца, где с ним пребывает Христос.

Некоторым деятелям удается порученное им дело вести с успехом. Обитель, училище и т.д. могут

быть благоустроенными, находиться в порядке, в исправности. Но все это имеет цену только тогда, когда внешнее благоустройство в основе своей имеет смиренномудрие, когда и сам деятель не услаждается своим успехом, своими способностями, и также все члены учреждения не гордятся, не превозносятся пред другими тем, что их дело стоит высоко. Без смиренномудрия успех показной, внешний, не имеющий сердцевины, а потому может легко пасть и рассеяться.

Если ты искренний монах, то дорожи клобуком, не стыдись его и не забывай его надевать когда следует. Помни, что клобук дал тебе то высокое положение, какое имеешь. Не потому ли добрые, настроенные иноки не расстаются с ним ни дома, ни в церкви, ни в путешествиях и, надевая его, предварительно лобызуют. По любви монаха к клобуку отчасти можно судить и о его любви к своему званию, монашеству. Не расстается монах с клобуком, значит, он добрый инок.

Дух человеческий можно сравнить с самым нежным цветком, для которого всякое постороннее влияние пагубно. Есть, например, такие растения, которые от малейшего прикосновения свертываются, пятнаются и вянут. Так точно и дух человеческий подавляется, заглушается от всего материального, земного, плотского, чувственного. Ныне век материализма, поэтому не ищи теперь чистых проявлений духа: он упал, угас, он теперь является достоянием немногих избранных Божиих. А если нет духа, то ведь человека ожидает скотоподобие, и Слово Божие говорит: Духа не угашайте! (1 Фес.5:19).

В настоящий шаткий век все быстро меняется. Кто сегодня в силе, завтра тот в унижении, кто сегодня имеет власть, завтра сам в подчинении. Шаткость времени многих заставляет приспособляться, человекоугодничать, дабы продвинуться вперед, занять более выгодное положение и т.д. Но шаткость времени никого не щадит, не щадит она и тех, кто, забывая вечные истины: правду, долг, справедливость, стараются жить в угоду времени. Но посмотрите, какая разница между исповедниками истины, вечной правды и служителями временных благ. Первые, если и сходят со сцены, то с ними Сам Бог, лучшие из людей, вечные идеалы, с ними остается сознание исполненного долга; вторые, жалкие рабы превратного сего мира, не могут иметь внутреннего спокойствия, ни уважения от людей. Вспоминаются нам мученики, исповедники... Что давало им мужественно, терпеливо переносить мучения, что потом прославило их на все времена, — любовь их к Богу, правде, вечной истине. Помните это, современные люди, и крепко стойте за истину вечную, святую!

Укоры от людей, неприятности, скорби, болезни и разные жизненные толчки принимай как справедливое возмездие за твои грехи, недостатки и несовершенства; тогда легче тебе страдать, тогда и самое страдание будет возвышать твой дух, тебя совершенствовать.

Если ты стараешься хранить целомудрие, то тебе кажутся крайне неприятными и низкими те личности, которые по отношению к тебе, хотя бы в самом малом виде, проявляют чувственное влечение. Таким же низким каждый раз бываешь и ты, когда сам упускаешь узду своего целомудрия.

Ты вверился какому-нибудь человеку. Посмотри, с каким усердием ты ему служишь, как ты его защищаешь, дорожишь его именем. Теперь сравни с этим свое отношение к Господу Богу. Какое

завнение, какое постоянное отступление от Него ты проявляешь! Поистине — ты изменник и предатель Господа Бога, а не Его друг и служитель, каким фальшиво себя пред людьми выставляешь.

Добродетели в высоко настроенном человеке хорошо сравнить с запахом цветов. Кто среди этих цветов, кто надышался ароматом их, тому незаметно благоухание, но стоит свежему, стороннему человеку появиться среди этих цветов, как его обоняние ощутит тонкий, приятный запах. Так и для смиренного, нравственного делателя незаметна его высокая, духовная жизнь; его смирение, простота и сознание необходимости для человека добра отдалают от него в сторону самоуслаждение добродетелями, зато для постороннего свидетеля они видны и как цветы благоухают.

Отчего происходит, что некоторые учителя нравственности, проповедники не имеют влияния на своих слушателей? Кто берет на себя миссию проповедовать, у того слово не должно расходиться с делом, тот прежде всего сам должен позаботиться на деле выполнять то, что проповедует. Поэтому по степени влияния на окружающих можно отчасти распознавать и самую жизнь, самое настроение проповедующего. Проповедовал Толстой и сильно влиял на других, значит он, как говорится, до мозга костей сам был невером, богоборцем. Проповедовали апостолы, и своею проповедью весь мир просветили. Знай это, каждый учитель нравственности, каждый иерей, и совместно с своей проповедью, своим служением, исправляй, совершенствуй свою собственную, личную жизнь.

Собственные, подлинные слова Господа нашего Иисуса Христа во Святом Евангелии творят великие чудеса, когда христианин с верою и благоговением приводит их себе на память в потребных случаях. Так, например, ты имеешь в чем-либо нужду, просишь у Господа себе места, материального достатка, читай: Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете... (Мф.7:7); тебя постигли несчастья, скорби и лишения — повторяй слова нашего Спасителя: Претерпевши до конца, той спасен будет... (Мф.10:22). Тебя гонят, притесняют, несправедливо обвиняют — молись: Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради (Мф.5:11). Трудно тебе работать над своим грешным «я», исправлять свои недостатки и пороки, трудно пробивать тебе путь к Царству Небесному, — не забывай слов Божественного Учителя: Царствие Божие нудится, и только нуждницы восхищают е (Ср.: Мф.11:12); Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим (Мф.11:29); Тесными враты подобает внити в Царство Небесное (Ср.: Мф.7:13-14). Ах, если бы мы не забывали пользоваться великим, чудодейственным средством, данным нам во Святом Евангелии в Божественных словах нашего Спасителя, — как бы тогда облегчилась наша жизнь со скорбями, несчастьями, наша работа над внутренним нашим миром.

Святые обители с их насельниками и насельницами хорошо сравнить с возделанным фруктовым садом, цветником или каким-либо уютным, красивым уголком природы. Все в видимом мире можно встретить — красивое и безобразное, приятное и отвратительное. Пропать, топкие болота, дикая песчаная пустыня и т.д. — тяжелы для нас, но вот сад, цветник, гора с открывающимся вдаль чудным ландшафтом, — как тут хорошо, как легко дышится, какое благоухание, какое благорастворение воздуха... И в мире духовном, в мире человеческой души — какое разнообразие нравственного состояния. Городская жизнь среди роскоши и довольства, или тяжелая жизнь в вертепах и притонах, жизнь рабочих в мастерских, фабриках и вообще вся наша теперешняя общественная и семейная жизнь, — сколько здесь греха и порока! И вот святые обители стоят среди нас, как цветники, где благоухает аромат стремящегося к Господу Богу человеческого духа,

где созревают и духовные плоды. Но сад может прийти в запустение, и цветник порастить сорной травой. И наши святые обители могут падать, приходиться в нравственное запустение, и это тогда, когда в обители начинает вторгаться человек со своим развращением, когда насельники или насельницы живут так, как живут люди в миру. Но да не будет сего, особенно в этот тяжелый, развращенный век! Потеряются обители, где же тогда христианской больной душе отдохнуть, утешиться и умиротвориться?.. Спасителю наш, Пастырю добрый, Ты Сам охрани и защити святые обители наши от волков, вторгающихся и губящих их!

Знаю я, Господи, что без преткновений, соблазнов и искушений не проживешь, знаю и то, что все это необходимо для признания ценности нравственного добра, для выработки твердости духа, но боюсь и трепещу, как бы все эти греховные преткновения не отдалили меня от Тебя, моего Света и Счастья!

Духовное благо, жизнь в Боге и с Богом, какое духовное счастье они дают человеку и как после них кажутся жалкими, ничтожными земные утешения, чувственные наслаждения! Блаженный Августин[70], когда обратился ко Христу, часто так восклицал: «Поздно я, Господи, возлюбил Тебя, Красота столь древняя и столь новая! Поздно я возлюбил Тебя!.. Далеко меня держали от Тебя те предметы, которые без Тебя вовсе не могли существовать!» («Исповедь», кн.10, гл.27). Помоги же и мне, Господи, никогда не возвращаться вспять, на злые мои дела. Жизнь идет, жизнь проходит, много времени потрачено на грех, пустоту и удовольствия, кажется — ничего еще не приобретено для вечности... Помоги же мне, Господи, хотя в остающееся время моей жизни Тебя возлюбить, как прежде я любил грех, и Тебе поработать, как прежде я работал сатане лукавому!..

Отцы сказали: «Рассуждение главнее всего, молчание лучше всего, смирение прочнее всего, а послушание — такая добродетель, без которой никто из страстных не узрит Господа».

Старец-игумен Зосимовой пустыни говорил мне: «Уединенникам враг приводит на память прежние грехи и, раздувая самые малые до ужасных размеров, повергает уединенников в уныние, в страшную тугу. Все это можно отогнать от себя только молитвой. Поэтому, кто не навывк молитве, тот и не думай об уединении, затворе».

В предсмертный час враг также устрашает умирающих памятью о прежних грехах. Не потому ли во время кончины от многих приходится выслушивать такие вопли: «Не простит меня Господь, вечная мука ожидает меня»... Несомненно, что ужас содеянных в жизни грехов вызывает такое чувство отчаяния у умирающих. И здесь много может помочь молитва; счастлив тот, кто сумеет ее стяжать в жизни!

Делание молитвы Иисусовой есть дело духовное, и какое-либо физиологическое средство здесь не годится. В наставлениях Преосвященного Феофана, Вышенского Затворника, мы относительно молитвы Иисусовой читаем: «Когда творишь молитву Иисусову — стань умом в сердце». Здесь, конечно, разумеется духовная, внутренняя сосредоточенность, когда наш ум и сердце объединяются в одном деле — молитве. Но вот два инока, любители искусственных средств для достижения молитвы, поняли вышеуказанное наставление Преосвященного Феофана слишком реально: они представили себе, что ум и сердце, как внутренние наши силы, нужно непременно

сосредоточить на самых внешних органах, именуемых у нас умом и сердцем, и вот они отправились к доктору с просьбой — показать им сердце. Когда тот показал им, иноки срисовали его и, возвратившись домой, стали творить молитву, имея каждый пред собою рисунок с изображением сердца. Внимание их, сосредоточенное на внешнем виде — сердца, было напряженное. И вот начинает казаться одному, что сердце все расширяется и расширяется, так что оно как бы уже охватывает всего его, и он весь сам уже сидит в сердце. Итак, цель достигнута: он весь умом находится в сердце. В радости этот инок хвалится другому, а тот подтверждает, что и он уже достиг этого, как вдруг у первого сердце лопается, мираж рассеивается и пред ним остается простой рисунок на бумаге. Со скорбию передает инок своему товарищу о несчастье, а этот последний признается, что и с ним случилась такая же скорбь. Так, всякие физиологические средства при совершении молитвы опасны. Они могут приводить к разгорячению тела, к кровавым движениям, что граничит с чувственностью, а где чувственность, там и нечистота и всякая прелесть.

Чтение дневника отца Иоанна Кронштадтского весьма воодушевляет пастыря. Видно, великая благодать Божия, именно — пастырская ревность почивала на отце Иоанне и, отобразившись на его писаниях, передается пастырям при чтении его дневника.

Замечено, что временами приходят в голову добрые мысли, но, к сожалению, они быстро забываются. Эти мысли, как говорит митрополит Московский Филарет, есть искры Божьей благодати, которые, исходя от огнезрального Престола Божия, бросаются в наш ум Ангелами Божиими, но как искры быстро угасают, так и эти мысли мгновенно проходят в нашем уме, всецело занятом бранным, земным. То же нужно сказать и относительно чувств. И добрые, святые чувства временами охватывают наше сердце, но скоро на смену их является все дурное, чувственное. Сердце человека — христианина, освященного Духом Святым, можно сравнить со светильником, который временами то вспыхивает, то замирает, то едва мерцает, то ярко горит. Добрые чувства и есть мерцания облагодатствованного нашего христианского сердца.

Много у тебя почитателей. Но вот тогда как одни из них, проявляя к тебе только доверие, довольствуются молитвенным общением с тобою, другие, и это часто те, которые в особенности обнаруживают привязанность к тебе, обсуждают твои поступки, следят за твоєю жизнью, за твоим отношением к людям и т.д. — отсюда они-то и бывают виновниками всяких о тебе слухов, наговоров, пересудов. Где искать причину этому? Ищи ее и в себе самом, и в людях. По всей вероятности, ты еще подаешь повод к этим пересудам и толкам, а твои почитатели еще не так высоко настроены, еще не мыслят только о горнем, а привязаны к тебе лишь своими человеческими чувствами.

На конце жизни дух человеческий как бы сам стремится выйти из тела, которое для него служит темницею, оковами. И то недомогание, то разрушение тела, которое бывает у стариков, совершается как бы уже самим духом человеческим. Представьте себе, что вы заперты, но вам необходимо выйти. Тогда вы начинаете ломиться в дверь... Так точно и дух человеческий, дающий в жизни много энергии, силы телу, в конце сам отказывает ему в помощи и ищет себе выхода, как бы взывая ко Господу, Источнику вечных благ: Изведи из темницы душу мою (Пс.141:7).

Любы не раздражается (1 Кор.13:5). Любовь исключает гнев. Воспитай в сердце своем любовь, и ты этим самым убьешь в себе гнев. Хочешь ли поэтому бороться искоренять в себе гневливость —

подави в себе всякое себялюбие, не помни себя, а помни ближних, ради них трудись, живи. Есть гнев как злостное чувство по отношению к ближнему, и есть горячность как свойство темперамента, как проявление энергии, ревности; при этом кто горячится, у того впереди предносится дело, о котором он радеет, из-за которого он горячится, тревожится, самого же человека, на которого эту горячность изливает, он не представляет, не помнит, не желает ему зла. Горячность, быстро проходя, не оставляет в сердце осадка зла на человека, а наоборот — сожаление о том, что ты огорчил ближнего. Но и горячность нужно умерять, сдерживать. Молитвенное настроение, преданность воле Божией, стяжание смирения и кротости рассеивают и горячность.

В творениях блаженного Августина встречается мысль, что все находящиеся в отвержении от Церкви, все еретики, раскольники одолеваются чувственностью, или, лучше сказать, не могут быть свободны от чувственности. Это свидетельство блаженного Августина весьма ценно, потому что он, как увлекавшийся вначале разными философскими воззрениями, например, неоплатонизмом[71] и др., и впадавший в ересь манихейства[72], сам на опыте дознал то, о чем свидетельствует. И понятно, почему вне Церкви не может быть чистоты. Очищает человеческое сердце только благодать Божия, а кто в разрыве с Церковью, тот, следовательно, лишен этой благодати, лишен возможности освободиться и от чувственности. Но как смотреть на те бьющие в глаза добродетели, какие по-видимому бывают и у еретиков? Древние манихеи славились добродетелями; наши «братцы», раскольники также рекламируют себя как людей воздержных, святых. Ответим и на это словами того же блаженного Августина. Об этих добродетелях он говорит: «Все добродетели людей, находящихся вне Церкви, суть блестящие пороки». Это значит то же, что говорит и святой апостол Павел во 2-м Послании к Тимофею, гл.3, ст.5: В последние дни будут бо человецы... имущее образ благочестия, силы же его отвергшиеся, и сих отвращайся. Можно иметь внешний образ благочестия и быть лишенным силы его. Внешность может быть хороша, а внутренность гнила. Гроб с виду украшен, а внутри полон костей и смрада. Внешне благочестивый человек может быть исполнен духовной прелести, тщеславия, гордости, самоуслаждения. Внешняя добродетель такого человека — что представляет из себя, как не блестящий порок, по мысли блаженного Августина? Русские люди! Не отрывайтесь от Святой Православной Церкви! Помните, что Христос со Своею благодатию присутствует только во Святой Церкви, а без Мене, сказал Он, не можете творить ничего (Ин.15:5)!

«Виждь твоя пребеззаконная дела, о, душе моя! и почудися, како тя земля носит, како не разседя, како дивии зверие не снедают тебе; како же и солнце незаходимое сияти тебе не преста; востани, покайся, и возопий ко Господу: согреших Ти, согреших, помилуй мя» (Стихира покаянная на «Господи воззвах», глас 7-й, в Неделю вечера). Какая сила покаяния вложена в сии слова, а вместе, какая глубокая мысль просвечивает в них! Человек — венец творения, царь природы, высшее создание. Мир хочет знать и видеть его только таким, в противном случае, когда человек теряет свое нравственное достоинство, тогда для мира он ничто, ненужное, а может быть даже вредное существо, и как тогда земля тебя, человек, терпит, как тогда звери дикие не растерзают и солнце не перестанет над тобою сиять.

Или вот еще образец глубокого покаяния, вложенного в слова молитвы Симеона Метафраста, читаемой иереем пред Святым Причащением: «Недостойне высоту небесную зрю, недостойне человеческое зрю видение (лице), недостойне собеседую ближнему» (См.: Правило молитвенное готовящимся ко Святому Причащению. Изд.Московской Синодальной Конторы, 1893. С.187). Здесь при силе покаяния также содержится глубокая мысль. Высота небесная — это олицетворение места селения славы Божией, человек — образ и подобие Божие; то и другое по своему высокому значению требует и от обращающихся к ним приличного вида, подобающего настроения и чести. Как же ты, весь грязный, бесстыдный, осмеливаешься взирать на высоту небесную или смотреть на лице человека, этот образ Божий. Не оттого ли ты невольно покрываешься краской стыда и опускаешь вниз глаза, когда после только что соделанного

беззакония ты взираешь на лице ближнего?..

Назначение жалованья духовенству не создаст и не улучшит нравственной связи между пастырем и пасомыми. Эту связь создаст только личность самого пастыря, его искренность, его беззаветное, пастырское служение. Тем и дорого, глубоко и вечно указание святого апостола Павла, что служащий алтарю от алтаря питается, что в эти слова вложена мысль духовной близости, родства пастыря с пасомыми: как покорные, добрые дети питают и греют родителей, так преданные и благодарные духовные чада заботятся о внешнем обеспечении своего духовного отца. Обеднение нашего народа, появление сектантских воззрений, дороговизна жизни ухудшили материальное положение нашего духовенства и ему необходимо помочь, назначить достаточное денежное пособие, которое, однако, может считаться только подспорьем, но не главным источником содержания. Это денежное пособие, назначаемое от казны духовенству, следовало бы называть содержанием, обеспечением духовенства, но не жалованьем, которое слишком напоминает формальное отношение к делу, чего так не терпит пастырское служение.

Признаки, что ты усваиваешь смирение, — это когда ты не замечаешь, что тебя обижают, огорчают, унижают, не ценят.

1915 года сентября 22 ездил в село Починки Серпуховского уезда, отпевать старца иерея Петра. Сей старец умер 81 года; с первых лет священства принял подвиг юродства и был отрешен от прихода. Он жил в убогой хижине в простоте и скудости. На погребение его собралось множество народа. Это почитание и уважение народом старца-подвижника привело меня к такому размышлению. Наш простой народ, сам до некоторой степени подвижник, ищет подвижников и, найдя, преклоняется пред ними и идет к ним толпою. И большое дело совершают эти, любимые народом, Божьи люди. Они в силе держать всю округу в повиновении Святой Церкви, ее уставам, заветам старины и родине. Они служат сильным противовесом современным народным развратителям, жокакам сект и пропагандистам социалистических учений. Без совета отца Петра никто из насельников его села не женился, не продавал дома, не предпринимал ничего существенного в своей жизни. Святые подвижники, сильные Православной верой и проникнутые русским национальным духом, по сердцу нашему простому народу, и дай Бог, чтобы побольше их было у нас, чтобы они горели в разных местах нашего отечества, как светильники, и их свет привлекал бы внимание многих русских людей, освещая им путь любви, преданности к нашей Святой Православной вере и родине.

Несмотря на то, что в наше шаткое время враги стараются поколебать, ослабить, подорвать Святую Православную Церковь, ее иерархию и устои, твердому и верному сыну Церкви теперь более чем когда-либо ясна, с одной стороны — истинность Святой Православной Церкви, а с другой — ее непоколебимость, святость и неизменность. Всему вредному, противоцерковному, несмотря на сильные препоны от людей и от врага рода человеческого, Святая Церковь дает отпор, ответ, произнося свой справедливый суд. Не поэтому ли все ее противники так и злятся на держателей Святой Церкви? Нам пришлось бы употребить много времени и бумаги при перечислении всего того, что отстояла, что осудила и на что дала свой беспристрастный ответ за последнее время наша Святая Православная Церковь. Был Толстой, есть «братцы». Как обществу ни хотелось, чтобы над ними не был произнесен церковный суд, но он, слава Богу, состоялся. Был священник Петров[73], иеромонах Илиодор, выбившиеся из пастырской колеи люди, — какой они имели успех среди православных, о них говорили как об истинных пастырях, но, однако, Святая Церковь, разоблачив их ложный, вредный для Церкви и государства путь, извергла их из своей ограды. Появились на Афоне мечтатели, которые святейшее Иисусово имя стали толковать своим

умом, — Святая Церковь и здесь дала справедливую оценку возникшему на Афоне религиозному спору. Трудно, ох, как трудно теперь для Церкви отстаивать истину! Но, все архипастыри и пастыри Христовой Церкви, будем усердно молиться Пастыреначальнику Христу, да не допустит Он нашей Русской Поместной Церкви отторгнуться от единства Вселенской Святой Церкви. Да хранит Он ее в истине, святости и в непоколебимой верности Православию. Аминь.

Первый человек через вкушение древа познания добра и зла, узнав силу греха, его горечь, оценил то счастье, то блаженное состояние, какое дает ему жизнь с Богом и в Боге. И как ни велика та духовная радость, когда человек восстает от греха, побеждает его, получает помилование от своего Творца и вновь приосеняется от Него благодатию, но счастливее невинное блаженное состояние первого человека, когда он знал только добро и не был причастен ни к какому злу. Христианин, ты воин Христов, тебе надлежит бороться с собственным грехом, с миром и духами злобы поднебесной. Собственный грех может быть у тебя великим и малым, в одном ты грешил, а в другом не познал греха. И если содеянный грех приводит тебя к слезам покаяния, к смирению, к подвигам и самоотверженному служению Господу Богу, к большей любви, вере и надежде на Него, и если через борьбу с содеянным грехом ты приобретаешь духовную опытность, духовную зрелость, то счастливее человек — христианин, который не знал греха. До греха тебя может беспокоить только любопытство, некоторая сладость греха, таящаяся в нашей греховной плоти, после же греха открывается жажда его, доходящая у некоторых до страданий и муки, открывается угрызение совести, скорбь о потерянной чистоте, необыкновенная трудность восстановления себя, изглаждения греха. До греха если ты и слаб и удобопреклонен ко греху, но с тобой неразлучно пребывает благодать Божия, которую ты не можешь не чувствовать и которая накладывает особый отпечаток на твое внутреннее настроение, даже на лице и на твои глаза, накладывает на тебя отпечаток духовной радости и душевного спокойствия; после же греха ты, по крайней мере на время, лишаешься благодати Божией, лицом делаешься печален, скорбен, нося на себе печать отвержения, а в глазах твоих видна растерянность и зависть.

Мне пришлось присутствовать в Московской Синодальной Конторе при допросе афонских иноков по поводу их взгляда на сладчайшее имя Господа нашего Иисуса Христа. Получилось тяжелое впечатление от их настроения: они обнаружили все признаки гордыни, духовной прелести. Ведь на собрании присутствовал целый сонм архипастырей (десять) Православной Русской Церкви, во главе с митрополитом Московским Макарием, этим высокой духовной жизни старцем, который держал себя смиренно, кротко, как агнец. И что же — афонские иноки не оказали должной чести этому сонму. Если бы они чтили и уважали авторитет и голос православных архипастырей, которым, собственно, Господь и вручил право учительства в Церкви, если бы они были смиренны сердцем, — они пали бы ниц перед святителями и умоляли бы их помочь им уяснить тот вопрос, который так их встревожил. И если бы и после данных разъяснений им казалось многое неясным, неточным и даже ошибочным, то и тогда они не переставали бы просить молитв у святителей, чтобы Господь помог им пребывать в истине.

Ничего этого не было. Чувствовалось, что афонские иноки в своем сердце давно уже произнесли суд не только над собравшимися здесь иерархами, но, как впоследствии оказалось, и над самим Святейшим Синодом. И нужно было видеть, с одной стороны — спокойное, кроткое обращение с афонскими иноками всех членов присутствия, а с другой — волнение афонских иноков, чтобы убедиться — кем руководит благодать Святого Духа, которая, по пророку, ни во огне, ни в труссе, ни в вихре, а в глазе хлада тонка — в веянии тихого ветра (Ср.: 3 Цар.19:11-12). Своим беспокойным настроением на собрании афонские иноки ясно показали, какую мудростию они проникнуты. Мудр ли и разумен кто из вас, говорит апостол, докажи это на самом деле добрым поведением с мудрою кротостью. Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская, ибо где зависть и сварливость, там неустройство и все худое. Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна

милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна (Иак.3:13-17).

В светильничных вечерних и утренних молитвах заключено такое глубокое, всесторонне охватывающее человека молитвенное чувство, что кажется, этих молитв вполне достаточно для священника, чтобы надлежащим образом настроиться на предстоящее служение Божественной литургии. Эти молитвы и вообще могут служить священнику в духовной его жизни путеводной звездой. Не потому ли отец Иоанн Кронштадтский так любил светильничные молитвы? К сожалению, часто приходится читать их без всякого внимания и чувства и через это многое теряешь.

Как нынешние зрелища и всякого рода удовольствия связаны с темными силами, с сатаной — это видно, между прочим, из того, что устраивающие их не находят лучшей вывески для них, как изображения разного рода драконов, чудовищ, то есть именно того, что служит олицетворением у христиан сатаны. Нам пришлось, к великому прискорбию, быть свидетелями следующего случая. Был объявлен сбор табаку для воинов. Устроители этого сбора назначили храм Христа Спасителя сборным пунктом для всех сборщиков, где объявлен был и молебен пред началом сбора. И вот в храме молебен, по нашему мнению, в обстановке крайне оскорбительной для Господа Бога: кругом храма масса фургонов для сбора табаку, с изображениями разных медуз и др. чудовищ!..

Когда вникнешь в содержание молитв, тайно читаемых священником на Божественной литургии, то поражаешься, как вдохновенно, мудро и целесообразно они составлены. Сначала священник молится, чтобы Господь принял бы все молитвы, какие он и верующие будут возносить во время службы. Далее священник испрашивает прощение у Господа своих грехов, молится об очищении своего сердца от всякой скверны плоти и духа ввиду предстоящего совершения великого Таинства Евхаристии. Тайной молитвой Херувимской песни: «Никто же достоин от связавшихся плотскими похотьми и сладьми» — заканчивается этот отдел священнических молитв. Далее идут молитвы о предложенных честных Дарех, о том, чтобы наши грехи, наше недостойнство не возбранили бы Духу благодати прийти на предложенные Дары. Сюда же можно присоединить молитвы Евхаристического канона, где воспоминается все дело нашего искупления и установление Святейшего Таинства Причащения. После освящения Даров священник молится за живых и умерших, о нуждах своих пасомых — о болящих, страждущих, труждающихся. Затем идут молитвы о том, чтобы Господь сподобил достойно причаститься Святых Тайн и, наконец, после Причащения священник с верующими благодарит Господа за Святое Причащение.

Итак, иерей Божий, тебе намечена программа, какие ты чувства должен переживать, совершая Божественную литургию. Сначала ты молись о том, чтобы твои молитвы за себя и других были действительны, кайся в своих грехах, проси у Господа Бога Духа благодати на предложенные Дары, созерцай все дело нашего искупления пред освященными Святыми Дарами, предстою пред Самим Господом от всего сердца, молись о своих нуждах и нуждах пасомых, молись далее о достойном Причащении, затем со страхом и трепетом причащайся Святых и Животворящих Тайн Христовых и, наконец, в радости духовной благодари Господа за великую милость, какую Он тебе даровал в Причащении Тела и Крови Его, и в той же радости духовной, славя Господа, уходи на ожидающее тебя пастырское дело.

Память святителя Филиппа[74], митрополита Московского, воочию убеждает нас в истине, что правда Божия вовеки живет и что часто Господь посмеивается правде человеческой, которая иной раз как бы тщится превзойти правду Божию. В самом деле, казалось, что все меры были приняты и властью и людьми, чтобы стереть с лица земли святителя Филиппа, чтобы погубить его. И что же?

Людская правда, действовавшая в то время, забыта, а правда Божия осталась жить и прославила святителя Филиппа пред всем православным миром как исповедника и мученика. И выходит, таким образом, что правда Божия как бы еще могущественней, еще сильнее и более живуча, когда она современниками не уважается и попирается. Это обстоятельство является как бы каким залогом, капиталом, который кладется в сокровищницу Церкви с тем, чтобы со временем это сокровище послужило еще большим проявлением богатства и славы Церкви. В первой стихире преподобного Дометияна[75] на 10 января хорошо изображено, как верными посрамляется всякая гордость человеческая. «Иже землю истребити... и изсушити море хваляйся, наругаем верными показася, яко птица днесь и посмеятельнейш комар, ему же судися вид, якоже некое страшилище, и попрося Христовым угодником». В настоящее время люди порядка, православно-церковного настроения не ценятся, и Святая Церковь унижается, оскорбляется. И что же? Неужели вы думаете истребить память о великих духом людях или разорить Церковь? Ошибаетесь. Ваше посмеяние, ваше поношение послужит со временем еще к большей силе и славе Святой Церкви. И посмеется правда Божия над вашей человеческой правдой, и окажетесь вы тогда ничтожными, как птица или незаметный комар!

Бывают в православном богослужении такие моменты, когда уже нет никакой надобности в проповеди. Само богослужение дает столько молитвенных чувств, назидания, столько слез и утешения, что всякая проповедь может только понижать, парализовать высокое настроение молящихся. Возьмем, например, богослужения Страстной седмицы. Какая тут проповедь, когда Церковь в своих вдохновенных молитвословиях все, кажется, дает для ума и нашего сердца. Вообще пастырь постоянно должен соображаться, когда ему следует говорить и когда лучше молчать. Чем трогательнее богослужение, чем истовее совершается и чем больше пастырь им проникается, — тем меньше требуется пастырского слова. Не умел пастырь самим богослужением ублаготворить молящихся, вот он и поправляется, думая по крайней мере своим словом это сделать, но как бы пастырское слово ни было хорошо, — оно ничто в сравнении с самим богослужением.

Вы думаете, что все неверующие, противящиеся Церкви и ее узаконениям, таковы оттого, что слишком умны, начитаны, хорошо изучили историю Церкви, ее каноны, что на опыте сами пережили все то, что касается православной веры? Нет, как раз наоборот! Они потому и неверующие, что существа веры нашей не знают. Если бы они ее узнали и на опыте пережили бы, — они почувствовали бы от Нее такое благо, такое духовное утешение, что непременно сделались бы Ее защитниками и даже исповедниками.

Как приобретается чистота сердца? Большое значение для достижения этого — есть постоянное укорение себя в своих немощах и недостатках. Укорение дает возможность распознать себя, свою греховность, оно парализует всякую гордость, духовную прелесть, которая так часто тормозит наш духовный рост. Укорение приводит нас к смирению — этой основе для всякого нравственного преуспевания. Но укорения мало. Бывают у нас такие душевные язвы, которые и укорением не исцеляются. Нужно более сильное средство, чем укорение, и это — обнаружение, открытие внутренней нашей язвы пред духовником, старцем, или просто другом. Один брат страдал от дурных помыслов и чувств; много он в этом себя укорял, но это не помогало, он продолжал страдать. Он тогда пошел к одному старцу и, несмотря на весь стыд и внутренний тормоз, с Божьей помощью открылся в грехе и, как только он это сделал, — вся нечистота, одолевшая его, пропала у него. Укорение и открытие помыслов — это, так сказать, личная работа над самим собою для выработки чистоты сердца. Но над нами Господь Бог. Ему мы повинны в своих грехах, и вот далее, что мы должны делать для очищения сердца, — это постоянно каяться Господу Богу в своих грехах, ища примирения со своею совестью и молясь, чтобы Господь простил нам грехи. И милостивый Господь всегда готов принять наше покаяние и помиловать нас.

Грехи — наш долг пред Господом. Хорошо не быть никому должным. Хорошо чаще уплачивать долги, в противном случае они, накопившись, делаются слишком великими, тягостными, непосильными, неоплатными. Так и грехи, долги наши пред Господом; хорошо как можно чаще их уплачивать, ежедневно, ежечасно, ежеминутно, постоянно каюсь пред Господом. Люди, радеющие о духовной жизни, уделяя по требованию своего сердца время для такого внутреннего покаяния, молятся Господу Богу до тех пор, пока не почувствуют сердцем, что Господь им прощает. Да, примирение со своею совестью, прощение Господом нам грехов может чувствовать наше христианское сердце! Но вот нам даны еще для очищения сердца благодатные средства — исповедь и Святое Причащение. Здесь уже сама благодать Божия приходит к нам и очищает и оживотворяет наше сердце, все наше существо. Внутреннее наше делание можно сравнить с возделыванием земной почвы. Как почву нужно разрыхлять, удобрять и поливать, чтобы она производила злаки, так и почву нашего сердца также нужно возделывать. Вот укорение и откровение — то же, что разрыхление, внутреннее покаяние и молитва — удобрение, а Таинства — благодатный дождь на почву нашего сердца.

В притче о неправедном домоправителе (См.: Лк.16:1-8) Спаситель делает укор сынам света за то, что они в своем служении Господу Богу часто бывают непостоянны. Спаситель как бы так говорит: «Посмотрите на сынов века сего, как они бывают ловки в роде своем, умея выходить из затруднительных обстоятельств; вы же, сыны света, когда вам грозит опасность от врага рода человеческого или от собственных грехов, часто по неосмотрительности, беспечности, лености, по недостатку бодрости и энергии попадаете в сети врага и не умеете выйти из опасного положения». Спаситель, значит, хвалит не дурные поступки неправедного домоправителя, а указывает на него сынам света как на пример умения пользоваться средствами, какие приняты у сынов века, — хитрость, ловкость и т.п., сыны же света имеющимися у них средствами, разумеется — благодатными средствами, не пользуются.

Проводится, таким образом, параллель между сынами века и сынами света и указывается, как первые в роде своем (земном, несправедливом) хитры, умелы, и как вторые, тоже в роде своем (высшем, духовном) вялы и неумелы. И в жизни нашей мы часто укоряем ссылкой на что-либо в нравственном отношении низкое, однако, где можно брать пример чисто формального свойства, например, энергии, умения и т.п. Мы, например, говорим: «Посмотрите на сектантов, какая у них сплоченность, поддержка друг друга» и т.п. Итак, Господь Спаситель имел в виду дать назидание сынам света, чтобы они были в своем роде, в своих высших стремлениях — тверды, постоянны, мудры, так как невозможно в одно и то же время работать Богу и мамоне, словом, — так умелы, как сыны века сего в роде своем, то есть в своих мирских, низких делах, делах века сего, которых с нравственной стороны, конечно, никогда нельзя похвалить. И если в этой притче идет сравнение, то и в следующих словах девятого стиха также нужно продолжить то же сравнение: И Я говорю вам (сынам света): приобретайте себе друзей* (как сыны века приобретают своих друзей) богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители (Лк.16:9). Слова, поставленные в скобках, в действительности в Святом Евангелии не имеются, но они по смыслу речи сами собой подразумеваются.

* Здесь друзья разумеются — добрые, соответственно духу и настроению сынов света, например, пастыри Церкви, угодники Божии и т.п.

Примечания

[68] Святитель Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский; 1835-1926) — митрополит Московский и Коломенский (1912-1917); родился во Владимирской губернии, закончил Тобольское духовное училище и семинарию, отказался от поступления в Академию из-за призвания к миссионерской деятельности. В 1855 г. вступил в состав Алтайской миссии, в 1861 г. был пострижен в монашество, рукоположен в иеромонаха, причем постриг принял с именем основателя Алтайской миссии (архимандрита Макария Глухарева), подвигу которого подражал. В 1864 г. отправился в Петербург с целью напечатания в Синодальной типографии богослужебных

текстов на алтайском языке. Положил начало богослужениям на татарском и других инородческих языках в Казанской епархии, создал ряд школ. В 1871 г. возведен в сан игумена, в 1883 г. — в сан архимандрита, в 1884 г. хиротонисан во епископа Бийского, с 1895 г. — епископ Томский и Барнаульский. В 1906 г. возведен в сан архиепископа, с 1908 г. — архиепископ Томский и Алтайский. С 1912 г. по 1917 г. — митрополит Московский и Коломенский, священноархимандрит Троице-Сергиевой Лавры, член Святейшего Синода. 20 марта 1917 г. Святейший Синод, под давлением либерально-революционно настроенного московского духовенства против желания уволил его на покой. За самоотверженную миссионерско-просветительскую деятельность и благочестивую жизнь народ прозвал его «апостолом Алтая» и «сибирским столпом Православия». В 2000 г. свт.Макарий прославлен в лике святых; память его совершается 16/29 февраля.

[69] Васнецов Виктор Михайлович (1848-1826) — русский живописец, передвижник. Автор жанровых картин («С квартиры на квартиру»), лирических и монументально-эпических полотен на темы русской истории, народных былин и сказок («После побоища», «Аленушка», «Богатыри»). В 1885-1896 гг. участвовал в росписи Владимирского собора в Киеве. Один из сюжетов этой росписи — «Распятие Господа нашего Иисуса Христа» — и имеет в виду еп.Арсений (Жадановский).

[70] Блаженный Августин (†430) — величайший из отцов Церкви христианского Запада 2-й пол. IV — 1-й пол. V в. Гениальным своеобразием своей индивидуальности, богатыми внутренними дарами, всеобъемлющим содержанием учения, необычайной энергией творчества и деятельности он оказал огромное влияние на все дальнейшее развитие христианского просвещения. Блаженный Августин был вдохновителем на западе многочисленных идей и течений в области богословия и философии, научной методологии, этических взглядов, церковного устройства и мирской дисциплины в жизни общества и личности на протяжении долгого ряда веков. Родоначальник христианской философии истории (сочинение «О граде Божиим»), Августин «земному граду» — государству противопоставлял «Божий град» — Церковь. В автобиографии «Исповедь», отличающейся глубиной психологического анализа, он изобразил становление своей личности и обращение к христианству. Память 15/28 июня.

[71] Неоплатонизм — идеалистическое направление античной философии III-VI вв., систематизировавшее учение Платона в соединении с идеями Аристотеля, неопифагореизма и др. В центре неоплатонизма — учение о единстве и иерархичном строении бытия; имея несколько школ (римская, сирийская, александрийская, афинская), оказал влияние на идеалистическую философию в Европе и на Востоке.

[72] Манихейство — оккультно-еретическое религиозное учение, основанное в III веке неким Мани, который принял христианство и даже был священником, но за еретические воззрения его отлучили от Церкви. В основе манихейства — дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия.

[73] Петров Григорий — священник, имевший в нач. XX в. необычайную популярность в либерально-демократических кругах благодаря своим лекциям и сочинениям на тему Царства Божия на земле, которое он ставил в зависимость от переустройства социальных форм жизни. Священный Синод снял с него священный сан, после чего личность Петрова постепенно утратила интерес для общества и даже для революционеров, которые старались использовать его для пропаганды своих идей.

Однако вначале, при своем появлении он произвел большое впечатление. Залы, где он читал свои убогие лекции, ломались от публики; многотысячная толпа молодежи сопровождала каждый его шаг; знакомства с ним искало как высшее общество, так и широкая публика; газеты были переполнены описаниями его лекций; издательство Сытина не жалело ни денег, ни бумаги для распространения его «сочинений» в народе; фотографические карточки и портреты его красовались в витринах магазинов на Невском, и «общественная» мысль была погружена в созерцание его облика, создавая ему небывалую славу. Даже такие авторитеты, как незабвенный, великий пастырь земли Русской о.Иоанн Кронштадтский, не могли поколебать той почвы, на

которой утвердился бездарный Григорий Петров, человек неумный, необразованный, типичный «оратор», умевший трескучими фразами прикрывать свое скудоумие. Между тем его «сочинения»

Часть восьмая

Когда у тебя тело недомогает, а на душе нехорошо, нечисто, когда ты отдаляешься от всего доброго, святого, которое при тебе, в твоём распоряжении, и когда ты бессилён заставить себя молиться, читать и вникать в Божественное, душеспасительное Писание, когда ты неудержимо, как бы помимо своей воли, идёшь по течению своих дурных мыслей и чувств, тогда познавай, как ты слаб, немощен, как ты ничтожен. Познавай тогда, что только благодать Божия тебя поддерживает и хранит от напастей и греховных падений. Оставит тебя благодать Божия, и ты останешься с такою же возможностью каждую минуту пасть, с какою живет и грешит всякий человек.

Сегодня канун праздника Святого Крещения. Слушая часы, стихиры и чин великого освящения воды, восхищаешься, как прекрасно все подобрано и составлено. Во всех песнопениях и чтениях чувствуется одна мысль — сила благодати Христовой, которою все освящается, очищается, обновляется, спасается, не только человек, но и дебри, горы, растения, всякие земные злаки, — все оживотворяется Духом благодати Христовой. «Явился еси днесь вселенней и свет Твой, Господи, знаменая на нас, в разуме поющих Тя, пришел еси и явился еси Свет неприступный».

Святитель Феофан, Вышенский Затворник, скончался 6 января. Какое удивительное сочетание! Праздник Богоявления, имя Феофан, что значит «Бога являющий», и самая жизнь святителя — искание и вселение в сердце Господа, стяжание благодати Духа Святого. Царство Небесное и вечный покой да будет тебе, святитель Божий!

Два течения, два направления я чувствую в своём сердце. Одно течение — стремление высшего порядка, духовное, освежающее меня, дающее бодрость, наполняющее мое сердце духовным утешением, миром и спокойствием. Второе — греховное, низводящее меня в разряд скверных, дурных, порочных, и это второе состояние приводит меня в раздражение, беспокойство, повергая меня в печаль, скорбь и тяготу. Кажется, что может быть хуже, как переживать последнее состояние, а между тем снова и снова поддаёшься второму греховному течению. Отчего это? Тут и слабость воли, и недостаток веры, надежды и любви ко Господу, тут и внешние неблагоприятные обстоятельства, и отступление благодати Божией для нашего смирения. Все это переживая, приходишь к такому молитвенному чувству: «Господи, дай мне ровное настроение, спокойное, мирное, высокое, святое, обращенное только к Тебе. Дай мне, Господи, чтобы мой ум всегда был вперен в Тебя, а сердце было исполнено святых чувств благоговения, страха Божия и любви к Тебе и ближним. Дай мне все это, Господи, ибо я исстрадался от греховных приражений, от угрызения совести, которая никогда не щадит меня!»

Постоянное повторение молитвы Иисусовой и других, с переживанием произносимых, необходимо потому, что этим обуславливается приобретение нами ровного, мирного, святого внутреннего устройства. И так как приобретение этого устройства должно быть идеалом для всякого христианина, то отсюда делание молитвы Иисусовой является задачей не одних только иноков, но и всякого доброго христианина, ревнующего о спасении своей души.

Мне один человек сказал: «Вас уважают за глубокую веру в Господа Бога, смирение и доброе отношение к людям». Но какой позор, какое разочарование внесла эта похвала в мою душу! Острым ножом пронзила она мое сердце и довела меня до слез, какого-то стыда и ненависти к самому себе, ибо я почувствовал полное несоответствие с тем, что про меня сказали и что я есть на самом деле. Господи! Помоги же мне хотя отчасти оправдать такое доброе мнение людей о мне, помоги мне действительно осуществлять в жизни то, что так теперь ошибочно мне приписывают.

Пастырь Церкви, если ты замечаешь расположение к тебе, внимание и доверие со стороны пасомых, — используй все это в твоих пастырских целях. Если дети к тебе льнут — учи их страху Божию, всему доброму, чистому, святому; если взрослые любят тебя — призывай их к покаянию и исправлению жизни, поддерживай в скорбях и невзгодах житейских; если старые слушают тебя — готовь их к будущей жизни, словом — будь для всех любящих, доверяющих тебе родным отцом, и ты почувствуешь легкость в своих пастырских трудах и полноту твоего святого пастырского дела.

На днях один московский священник при похоронах своей жены-матушки сказал надгробное поучение, в котором указал на то, что священник кроме венчания с своей супругой обручается Церковью еще своей пастве, что он, как священник, всегда должен помнить это, и отнятие Господом у него спутницы жизни — супруги не иначе должно быть им понято, как призывом его к более ревностному пастырскому служению. Какой высокий пример для всякого пастыря! Помнить, что ты венчан на служение своей пастве, что на тебя, помимо семьи, возложено особое призвание, особое высокое духовное дело, в жертву которому ты, пастырь, все должен приносить, — и свое благополучие, и свою семью; как это важно для успеха пастырского служения!

Когда тыходишь в общение с людьми добрыми, высоко настроенными, с людьми чистой души, тогда у тебя бывает такое чувство, как будто ты вошел в прекрасный цветник и обоняешь благоухание цветов, и наоборот, когда тебе случается встретиться и говорить с дурным, грубо чувственным человеком, — у тебя является неприятное чувство, как будто ты попал в грязное место и стремишься оттуда высвободиться. Не от этого да нам так легко и приятно быть с детьми — этими Божьими созданиями, этими нравственно благоухающими цветочками?

Ты хорошо знаешь, как тяжел грех, какая скверна в нем, имей же к нему брезгливость, ненависть, отвращение. Ведь ты от внешней грязи и нечистоты отвращаешься, не терпишь ее, как же ты не бежишь нравственной грязи, которая во сто раз отвратительнее всякой внешней скверны? Нет, довольно тебе поддаваться оболъщениям греха, беги, ненавидь, презирай его! Ведь с врагом — человеком ты порываешь связь, прекращаешь всякое общение, прекрати же общение и с грехом — этим врагом твоей души, твоего спасения.

Господи! Ты все мне дал: высокий сан священства, внешнее благополучие и любовь ко мне родных, присных и пасомых. Но что я Тебе, Господи, дал и даю? Одну измену, одну скверну, одно только себялюбие. Господи, когда же придет время моего исправления, моего духовного возрождения, когда я паду ниц пред Тобою и от всего сердца возблагодарю Тебя, Господи, за все Твои ко мне милости!

«Убойся, о душе, ловления, трезвися, молися на всякий час Богу <...> Зри, душе моя, да не

увязнешь в беззаконные сети, но облобызай покаяние» (Из 9-й песни Великого покаянного канона св. Андрея Критского. Вторник). Действительно, на каждом шагу враг нас подстерегает и старается уловить в свои беззаконные сети. Нужно постоянное бодрствование, внимание к себе, чтобы распознавать его козни, дабы вовремя принимать меры противодействия вражьиим наветам и оставаться неуязвимыми.

Нравственный рецепт из Книги Притчей (гл.3, ст.7-8; паремия на вечерне четвертка первой Недели Великого поста). «Не буди мудр о себе, бойся же Бога и уклоняйся от всякого зла. Тогда исцеление будет твоему телу и уврачевание костью твоим». Мудрование о себе приносит вред здоровью, а страх Божий и удаление от пороков — дает исцеление. В самом деле, что так расстраивает наши нервы, как не постоянное стремление к славе, чести, прибытку, и когда у нас бывает больше неприятностей с людьми, всякого рода беспокойства и разочарований, как не при этом стремлении? И какой мир, благодушие, спокойствие приносит нам преданность Богу и всякая добродетель, а если душа здорова — тогда и тело наше чувствует свежесть и бодрость.

«Горе имеем сердца!» Поставь себя так, чтобы низменное, чувственное, нечистое было предано тобою забвению. Забудь, что это чувственное в человеке, и в частности в тебе есть. Когда тебе говорят или у тебя в памяти всплывает что-либо плотское — не медли ни одной секунды, отвлекай свое внимание от сего. Всякое малейшее промедление уже затруднит изгнание дурного. Поэтому лучше заранее вырвать из своего ума и сердца все плотское. Если ты когда и повинен был в плотских грехах и думаешь, что нужно время от времени подробно каяться в них пред духовником, не нужно и этого. Однажды покайся, повторений не было — и предай все полному забвению. Итак, прочь изгони из ума и сердца все нечистое. «Горе имеем сердца!»

Невольно обращаешь внимание на то, что теперь идет борьба против власти. А между тем, как это опасно! Принцип власти подорван, расплзается теперь, как говорится, по всем швам и вся наша общественная жизнь. Но при попрании законной власти выдвинется наперед право сильного, право грубого и дерзкого, разовьется самоуправство и беззаконие, что в достаточной мере мы уже теперь испытываем. Но не забудьте, что при таком положении дела готовится угнетение и притеснение слабых, смиренных, простых и добрых членов нашего общества!

Ты часто тяготишься длинной церковной службой, долгим пребыванием в храме Божиим. Но помни, что время, проведенное тобою в храме, — самое счастливое, самое лучшее в твоей жизни. Одному современному, мне известному старцу — игумену N. преданная ему братия иногда советует, видя сильную его немощь, посидеть дома, не ходить на полунощницу и утреню, но он обыкновенно им говорит: «Как вы жестоки ко мне, не хотите, чтобы я и умер в храме Божиим, ведь это для инока самое высшее счастье, самое возжеленное благо. Иноку ли нежиться в келье, когда он весь должен принадлежать Богу?»

Я от многих духовных моих чад имею такое доверие, внимание, расположение, любовь и преданность, что под впечатлением всего этого теряюсь, чувствую себя неловко, стужеываюсь. Я задаю тогда себе вопрос, как мне отблагодарить моих духовных чад за их ко мне расположение? Вспомню, что я им даю, и краснею от своей холодности, черствости и бездеятельности. Сила расположения и доверия ко мне представляется такой ценной, такой великой, что мне лично в своей жизни, кажется, уже ничего не должно принадлежать, а я должен все время, все силы, все труды отдавать им — этим верным чадам Церкви Христовой.

Одну старушку, усердную посетительницу нашей обители, я спросил: «Давно ли ты ходишь в наш храм и что заставило тебя так усердно его посещать»? Она мне ответила: «У меня был муж и сын. Я их любила и трудилась для них. Но вот сначала умер муж, а потом и сын, и я тогда поняла, что Бог меня призывает молиться Богу, и вот с того времени я часто стала ходить в храм молиться за них и за себя». Вот пример простоты и чистоты русского верующего сердца. «Все под Богом ходим, все по воле Божьей совершается», — так говорит верующий русский человек, и мирится он со всяким положением, спокойно отдавая себя на служение Господу Богу.

А вот пример того, как русский человек умеет молиться Богу. Были у нас в Кремле дни прославления патриарха Ермогена. Пред Чудовым монастырем был выставлен большой образ святителя для совершения молебнов. Вокруг амвона, на котором иеромонахи непрерывно три дня, с небольшим только промежутком времени от 12 часов ночи до 5 часов утра, совершали молебны. Вокруг амвона вплотную стоял народ. И вот я, наблюдая за порядком из окна, усмотрел, что около амвона стоит моя любимая старушка богомолица и усердно молится. В первый раз я ее увидел, предположим, утром, затем в течение всех трех дней каждый раз, как я делал ту же проверку, я всегда усматривал и ее, стоящую и молящуюся около амвона, и так все три дня она простояла на молитве. Я потом при встрече сказал ей об этом, и что же она мне в ответ говорила: «Да и слава Богу, Господь привел меня прославить угодника Божия, дождалась я этого радостного дня, жаль только, что так скоро праздник прошел». И подумал я тогда, дай русскому человеку только повод, создай ему по его душе обстановку, и он без усталости готов молиться Господу Богу день и ночь.

Пастырь Церкви! Не забывай никогда о том, что на тебе почиет благодать священства, могущая творить через тебя «великая и славная». Когда отца Иоанна Кронштадтского спрашивали о причине его влияния на народ, он отвечал, что ничего другого он не имеет, кроме благодати священства, которую получает всякий иерей, и что всякий иерей, если будет возгревать живущую в нем благодать священства, — может совершить еще большее, чем отец Иоанн.

Чем объяснить необыкновенное влияние отца Иоанна Кронштадтского на народ? Одни объясняют это влияние его необыкновенною обходительностью, приветливостью, добрым характером, но мало ли на свете добрых, ласковых людей, однако слава о них так не распространяется. Другие видят причину его влияния в его щедрой благотворительности, что так важно в наш век, когда ищут деятельного христианства, а не созерцательного. Но нет недостатка у нас и в щедрых благотворителях, жертвующих миллионы на добрые дела, — однако кто о них знает? Наконец, третьи усматривают в отце Иоанне присутствие особой жизненной силы, посредством которой происходит внушение, гипноз. Но почему же так бесславны остальные все гипнотизеры, которых в настоящий век такое множество? Гипноз не признает наша Святая Церковь, она знает только благодать Божию, которая и прославила пастыря отца Иоанна. А благодать эту он прежде всего стяжал необыкновенною верою, которую глубоко в своем сердце переживал. Отец Иоанн был преданнейший сын Святой Православной Церкви. Он ни разу ее ни в чем не упрекнул, а с великою любовью и духовною радостью наслаждался ее богатством, скрытом в богослужении, Таинствах, обрядах.

Второе, что привлекло в сердце отца Иоанна благодать Божию и его прославило, — это его искреннее отношение к пастырскому служению. С первых же дней своего служения он сказал своей супруге-матушке: «Позволь мне всецело заниматься своим пастырским делом», — и он действительно искренно им занялся. Наконец, сила его влияния на народ заключалась в его святости. Он усиленно всю жизнь занимался самоисправлением, очищением своего внутреннего

«я» от человеческих недостатков и скверн и достиг высокого духовного устроения, что так поражало всех, кто имел счастье его видеть и с ним молиться.

В настоящее время идет суд Церкви. Много говорят о церковных нестроениях, судят иерархию, критикуют существующие церковные установления. Что это, действительно голоса ревнующих о благе Церкви, действительно ли у нас все так плохо, или это только нападки, лишь только слезы крокодилов? Нам кажется, последнее. Всех теперь захватила страсть все преобразовывать, все переустраивать. Этим веянием, этим всеобщим увлечением и думают воспользоваться недоброжелатели Церкви и нападками на ее неустроенность — еще более ее поколебать, расшатать, а в простом народе подорвать к ней доверие. Ведь поход против Церкви всегда был и есть. И в самом деле, кто особенно теперь возвышает голос за переустройство Церкви? Те люди, которые даже не имеют права на это. Эти люди часто совсем нецерковного направления, неверующие и даже порвавшие всякую связь с Церковью. Казалось бы, нет им дела до Церкви и ее установлений, о Церкви должны ратовать люди, преданные ей. И если о догматических основах они умалчивают, так как ответ на это один — все, что нужно нам для спасения, извещено, хотя и эти основы иной раз высмеиваются, то о каноническом и внешнем устройстве Церкви они своим суждениям дают полный простор. Говорят, что внешний порядок в Церкви плохой. Но действительно ли это так? Не порядок плохой, а исполнители церковных установлений плохие. В Церкви все хорошо, и если какой предстоятель пожелает, то он может церковную жизнь обставить прекрасно. Жатвы много, а делателей мало. Надо позаботиться о привлечении в ряды архипастырей и пастырей людей благонастроенных, а о тех пастырях, которые уже призваны на ниву Христову, молиться, да укрепит и воодушевит их Своею благодатью Архипастырь Христос!

Мне одна любящая Господа игумения сказала: «Хорошо Вам после обычных пастырских трудов на некоторое время уединиться для того, чтобы успокоиться духом, а главное, всецело отдаться молитве». И в самом деле, как это хорошо! Сам Господь наш Спаситель показал пример уединенной молитвы. Вот Он при насыщении 5000 человек возводит очи горе и призывает благословение Отца Небесного — Он молится, но этого мало: после проповеди и совместной с народом молитвы Он еще ночью уединяется на молитву, весь отдается Богу Отцу (См.: Мф.14:13-23). На Тайной Вечери Господь так молится, как никто никогда из смертных (См.: Мф.26:20-30), но опять в Гефсиманском саду Он один молится до кровавого пота (См.: Мф.26:36-46). Да, особенную силу и особенное значение имеет молитва пастыря в уединении! Ею он может подводить как бы итог всех переживаний, какие он имел доселе. В его душе, в его сердце от времени накапливается груз, сырой материал, может быть даже ценный, но необработанный, его нужно привести в систему, порядок, одно — закрепить за душою, другое — оценить, понять, третье — отбросить, надо ближе стать пред лицом Божиим и почувствовать Его близость к нашему сердцу, надо проникнуться всем, что Господь дает тебе, надо помолиться о себе и о ближних, а может быть, у тебя есть такие духовные чада, за которых особенно надо помолиться; наконец, надо тебе покаяться, очиститься от всякой нечистоты, скверны плоти и духа, которая непременно приражается при соприкосновении с миром. Все сие, однако, можно сделать только во время уединенной молитвы. Про жизнь пчел естествоиспытатели говорят, что в течение дня пчелы к одному только стремятся, как бы больше в улей принести материала, а затем ночью они его приводят в порядок, его перерабатывают. Так и пастырь Церкви. Трудись, работай на ниве Христовой, а потом, в известные сроки давая себе отдохновение, уединяйся на богомыслие и молитву, и ты через это и сам будешь возвышаться духом, и пастырская твоя деятельность будет приобретать все больший и больший успех.

Когда тебя посещает борение, какое-нибудь искушение, ты можешь или поддаться ему, усладиться грехом, или наоборот, выдержать себя, не приражаться к искушению. И посмотри, какая в том и другом случае получается разница. Поддался искушению — значит, дал простор для дальнейших

дурных помыслов и чувств, долго еще ты после этого будешь находиться в дурном, греховном состоянии, и если последнее прекратится — наступят внутренние страдания, угрызения совести, а то и разочарование, уныние, расслабление, какое-то безразличие, которое приводит еще к большему и большему нравственному падению. И слава Богу, если после искушения последует сокрушение, слезы покаяния, — это может восстановить тебя в прежнем чине. Но вот, ты выдержал искушение, предупредил грех, тогда является у тебя бодрость духа, свежесть сил, духовная радость и мир, хочется после этого усиленно молиться, работать Господу и на пользу ближним. Но берегись и здесь! К тебе, когда ты радуешься, незаметно может подкрасться самоуслаждение, превозношение, что может погубить в тебе добрый плод, который ты приобрел победой над искушением.

В истекшем 1915 году по подсчету по г.Москве около 400 человек разных христианских исповеданий присоединилось к Православию, не считая евреев, магометан, которых крестилось около 200 человек. При свободе вероисповедания и даже некотором унижении Святой Православной Церкви — это знаменательно! Немало было случаев, когда присоединялись тайно, боясь гонения от родителей. Особенно меня поражает одна девочка-лютеранка, которая, обучаясь в гимназии, забегает по дороге в обитель святого Алексия и каждый раз при встрече со мною с горькими слезами умоляет меня сделать ее православною и причастить ее Святых Тайн. Да, несомненно, много есть привлекательного в нашей Святой Церкви, что влияет на чистые, добрые сердца некоторых людей неправославных и непреодолимо их влечет к ней!

Спаситель мой! Чувствую, что по моему недостоинству Ты далеко отстоишь от Меня! Но, Господи, прими и меня в число Своих учеников, как Ты принял некогда Иоанна Богослова, Симона Петра и прочих. Ведь у Тебя нет ни времени, ни пространства, Ты всегда Той же и лета Твоя не оскудеют. Прошу Тебя, Господи, прими меня к Себе, да последую стопам Твоим. Вот ходили за Тобою, при Твоей жизни, многие из народа, слушали Твое Божественное учение, созерцали Твой Небесный лик, ощущали Твою благодать. Да будет сие и со мною, хотя и грешным, но всею душою стремящимся к Тебе, Господи! Войди в мое сердце, Иисусе Христе, дабы не было уже разобщения меня с Тобою, воодушеви, обнови, очисти и просвети меня, да ни на йоту не отступлю от Тебя, моего Спасителя! Пусть всегда будет жива предо мною Твоя спасительная для нас земная жизнь, пусть я чувствую, что она как бы продолжается и сейчас, и я, как один из многих, следую за Тобою. Вот Ты учишь на горе: Блажени нищие духом: яко тех есть Царство Небесное (Мф.5:3), — и я тут у Твоих ног внимаю Твоему Божественному голосу и поучаюсь. Вот Ты с учениками на море Тивериадском, поднялась буря и апостол Петр взывает: Господи, спаси ны, погибаем (Мф.8:25) — вот и я, недостойный, в этой ладье, а вместе и ладье житейской, обуреваемый страстями и волнениями, вопию: «Господи, утиши бурю моих страстей, да восстановится в моем сердце, в моей душе благодатный мир, да будет мне счастьем, отрадой — Ты только, Господи, и ничто другое на земле!» Вот Ты на Тайной Вечери беседуешь с учениками; и преподавая Свое Пречистое Тело и Кровь, говоришь: Приимите, ядите, Сие есть Тело, за вы ломимое во оставление грехов, и Сия есть Кровь, изливаемая за многих во оставление грехов (Ср.: Мф.26:28). О сладчайший Твой глас, — о Божественное Твое Тело и Кровь! Пусть я слышу ежедневно сей глас и вкушаю с горячею верою и любовью Святые Тайны даже до последнего моего издыхания!..

Когда представишь себе, что конечная цель человека — вечное совершенствование: Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть (Мф.5:48) — делается понятным смирение святых. Пред ними предносился Господь — Всевысшее Существо, бесконечное добро, и вот, поверяя этим последним свое собственное душевное состояние, они справедливо, всегда искренно, сознательно и убежденно вменяли себя в ничто. Для праведника яснее как добро, так и зло, ибо внутренней духовной работой они изощрились в различении того и другого. Для грешника же все

спутано, все затемнено, и ему не понять ни добра, ни признать силы греха.

Тяжел грех сознательного самоубийства. Но и самоубийство человека, находящегося в невменяемом состоянии, одинаково тяжело и ужасно. Нельзя испытывать судьбы Божии, но христианское сознание невольно ищет объяснения, почему же некоторые люди, находясь в невменяемом состоянии, именно лишают себя жизни? Думается, что здесь на земле незримо уже совершается суд Божий над человеком. Мы ведь не можем отрицать того, что уже здесь, на земле, часто человек за свой грех наказуется, — то он поражается болезнью, то несчастьем и бедностью, и кто знает — может быть, и самоубийство, совершенное в невменяемом состоянии, есть также последствие какого-либо греха.

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов — самый первый и самый высокий христианский богослов. Таковым его сделала девственная чистота и его сильная горячая любовь ко Христу Спасителю. Отсюда разумеется, что требуется для чистого христианского богословствования, для уразумения тайн домостроительства нашего спасения, для высокого духовного созерцания, — чистота сердца и горячая любовь ко Христу Спасителю. Кто этого не имеет, тот и не берись богословствовать, тот не думай сам понять и другим объяснять христианское вероучение.

Все более и более приходится убеждаться в том, что русское общество, русских людей в настоящее время полонили два сильных порока: страсть к наживе и неуважение к чужой собственности (воровство). В настоящую тяжелую годину беспримерной войны, когда все вздорожало, не слышно нигде примера, чтобы кто, особенно из коммерческих людей, ради пользы ближних поступился своими барышами, прибылью, а захват чужого — самое обычное явление. Крестьяне в деревне не считаются с чужим добром, отнимают друг у друга, воруют у владельцев. Чиновники, разные приставники к чужим имуществам, деньгам — считают за право самовольно выгадывать себе известный процент. Насколько извратились у нас нравственные понятия о чужой собственности — видно хотя бы из следующего факта. На днях в архиерейскую дачу в Черкизове залез вор, забрал кое-какие вещи — подушки, одеяла, ковры. Заведующий поделился своим горем со старушками, призреваемыми здесь же, на даче, и вот одна из них сказала такую нравственную рецензию: «Не жалейте, М.К., о пропаже, ведь это все равно что тайная благотворительность — какой-нибудь бедный человек этим себя поддержит!» Такое понятие о воровстве имеет старушка, постоянная посетительница храма, что же сказать о нашей веселой молодежи! Неуважение к чужой собственности тем опасно, что оно на руку социализму, а потому с этим злом нужно бороться, и бороться серьезно.

Чудная мысль вложена в следующие строки, которые мне сегодня пришлось прочитать: «Подобно скульптору, который заранее созерцает фигуру, полную красоты и величия, в бесформенной глыбе, из которой его резец должен ее выделывать; подобно этому скульптору и пастырь в самом диком, гадком и преступном человеке должен усматривать и заранее приветствовать обновленную душу, могущую воспроизвести образ Божий. Душа такого человека представляет собою как бы развалины — святилище, которое Господь скоро может воздвигнуть и наполнить Своим неизреченным присутствием».

Задавали ли вы себе когда-нибудь вопрос: почему на вечерне Пятидесятницы верующие в храме стоят с цветами? Святой Симеон Новый Богослов говорит: душа человеческая, что цветок. Его обновляет солнце и он цветет, и цвет его бывает разнообразен, дивной красоты и благоухания. Так

и душа человеческая обновляется благодатию Святого Духа, и тогда душа может подобно цветку расцветать и благоухать разными добродетелями. Итак, когда ты, христианин, стоишь в храме на сей дивной службе с букетом в руках, — пламенной желанием сподобиться озарения Святого Духа, дабы тебе преуспевать и в добродетелях.

Что значит, что Дух Святой сошел на апостолов в виде огненных языков, и притом так, что эти языки, каждый порознь, почил на главах апостолов (См.: Деян.2:1-4)? Разумей в этом видимом явлении — рукоположение святых апостолов. Можно иногда слышать вопрос, особенно от сомневающихся в важности преемства священства, кто рукополагал апостолов? — Сам Дух Святой, и притом через воздействие на голову рукополагаемого, то есть так же, как совершается и ныне рукоположение, когда епископ возлагает омофор и руку именно на голову рукополагаемого (см. о сем в Синаксаре на Святую Троицу). При чтении об этом невольно у меня проскользнула мысль: в Церкви Христовой нет ничего недоконченного и неуясненного. Мы можем много не знать, не понимать, сама же Церковь блистает во всей своей полноте и совершенстве.

Воодушевление святых апостолов в день Пятидесятницы толпа объяснила пьянством... Да, възвращение благодати в сердце христианина для человека, чуждого этой благодати, всегда может казаться странным, смешным и непонятным. Отца Иоанна Кронштадтского в начале его служения замечали с руками и глазами, поднятыми к небу вне храма, и считали за странного человека. А эта необыкновенная светлая веселость, игра с детьми и т.п., которая случается у рабов Божиих, — как часто бывает для окружающих непонятна и даже смешна!

Можно ли допустить выборное начало духовенства? Спаситель сказал святым апостолам: Не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас и положих, да вы идете и плод принесете (Ин.15:16) и якоже Ты Мя, Отче, послал еси в мир, и Аз послах их в мир (Ср.: Ин.17:18). При решении вопроса о выборном начале необходимо остановиться на приведенных словах Спасителя, необходимо уяснить себе идею посланничества. В этом посланничестве — единение всех пастырей с Пастыреначальником Христом, в этом — камень, основа нерушимости, твердости Церкви, Ее вероучения и нравственности. При посланничестве вся жизнь Церкви будет течь из одного источника, а источник этот — Чистый, Божественный Христос. При выборном же начале этого единения не будет и даже нужно опасаться за целостность Церкви. Представьте себе, если пастырь будет только в руках пасомых, ведь он будет только с ними считаться, им угождать, забывая свое посланничество от Единого Пастыреначальника Христа, духом Которого он должен быть преисполнен и Его Дух вселять в пасомых, хотя бы этому они противились: Отче Праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них (Ин.17:25-26). Не к выборному началу пастырей пасомыми нужно стремиться, а к тому, чтобы помогать местному архиепастырю разбираться в кандидатах священства. Архиепастырь должен все использовать при назначении священника — и его образование с аттестатом начальства, и свидетельство внешнее о том или другом кандидате, и указание самими прихожанами кандидата, и свое собственное наблюдение над ним; и куда клонится воля архиепастыря — считать сие за указание Божие. Насилия архиепастырь не должен чувствовать, если же оно есть — не добр тогда выбор кандидата, не говоря уже о том, что он противоречит каноническим нашим правилам, по которым, если епископ при поставлении бывает вынуждаем от народа, то такой кандидат извергается из сана.

Неудивительно поэтому, если духовенство и монашество бывает в поношении от мира. Так должно быть. Господь говорил: Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир (Ин.15:19). Пока будет существовать порядок посланничества пастырей к пасомым — пастыри будут подвергаться и всякой критике и осмеянию.

Почему многие как будто и благочестивы и набожны: ходят в храм на церковные службы, берут благословение, хранят церковные уставы и посты, молитвы и т.п., а между тем позволяют себе резко отзываться о деятельности Святейшего Синода, критиковать церковнослужителей, судить, унижать наше духовенство?

Как могут уживаться вместе два совершенно противоположных настроения: почитать своего духовного отца — пастыря, и в то же время поносить целое священное учреждение, поставляющее пастырей? С благоговейным вниманием выслушивать и принимать каждое слово своего духовного руководителя, и тут же глумиться над распоряжениями и постановлениями всего сонма архипастырей? Оттого, думается нам, происходит такая двойственность в настроении этих людей, что религиозное мирозерцание, религиозное их чувство слишком неглубоко, поверхностно, мелко, не продумано, не выношено в душе, как должно, не претворилось в их плоть и кровь.

О таких людях Сам Господь так сказал в притче о Сеятеле: иное семя упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была не глубока; когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло... (См.: Мф.13:3-8.)

А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазнется (Мф.13:20-21). Таков был Ирод: он в сладость слушал Иоанна Крестителя и, однако, обезглавил его.

Позволяем себе спросить: «Управляет ли Дух Святой нашей Православной Русской Церковью?» Верные чада Святой Церкви, конечно, скажут — управляет. А через кого Он управляет? Через наш Святейший Синод. Значит, Святейший Синод управляет по действию Духа Святого, как орудие Его. Следовательно, кто хулит Святейший Синод как орган церковного управления, тот хулит и Духа Святого, хулит нашу Церковь со всем ее устройством. Нельзя легкомысленно отзываться о Святейшем Синоде и его постановлениях. Отдельные члены Святейшего Синода могут не удовлетворять своему званию, могут в своих суждениях погрешать, и однако, Святейший Синод, как орган управления всей Церкви, при этом управления из иерархов, поставленных Самим Пастыреначальником Христом, ибо Он не может оставить Свою Церковь без попечения, должен быть уважаем и почитаем. А у нас в газетах и будничных разговорах сколько иной раз слышится поношения, хуления на Святейший Синод.

Верные чада Святой Церкви! Не идите вслед за этими хулителями. Ведь эти хулители по большей части из лагеря неверов, не принадлежащих нашей Святой Церкви. Этими хулениями вы должны оскорбляться и при всяком удобном случае вставать на защиту своего «Святого Святых».

Дух Святой всегда один и тот же, но управляет Он Святою Церковью в различные времена различно — то Он управлял через святых апостолов, то через Вселенские Соборы. У нас на Руси сначала было управление через митрополитов, потом патриархов и, наконец, в XVIII веке угодно было Духу Святому направить нашу Церковь по руслу управления соборного, синодального. Тако изволился Духу Святому (Ср.: Деян.15:28), а наш слабый человеческий разум отчасти предугадывает, почему так сие случилось. Со времени императора Петра Великого наше русское государство стало на новый путь, на путь сближения с Европой, открылся доступ всякому вольнодумству, которое сильной волной пошло к нам с Запада, жизнь наша потеряла свою патриархальную простоту и сделалась слишком сложной. При таком положении одному представителю Церкви трудно было противостоять общему течению.

Кроме этого, один человек мог сделаться орудием разного рода интриг, одного человека легче склонить на ту или другую сторону, чем это сделать с целой коллегией. И действительно, опыт показал и показывает, что при обсуждении дел в Святейшем Синоде, когда бывает опасность погрешить против чистоты учения Церкви, когда бывает давление на Святейший Синод и среди членов его обнаруживается шаткость, другие члены, как бы в противовес сему, обнаруживают необыкновенную твердость и тем спасают церковные дела.

Святейший Синод составляет душу нашей Святой Православной Русской Церкви. Душу человеку дает Бог и она, душа, оживляет человека. Так и Святейший Синод есть учреждение, данное нам Промыслом Божиим, который и хранит эту душу, давая через нее жизнь всей Церкви. Называть поэтому Святейший Синод учреждением безблагодатным нельзя, это значило бы признавать безблагодатность всей нашей Церкви. А между тем, кто из верных чад Святой Церкви не согласится с тем, что наша Святая Церковь и в синодальный период по-прежнему преисполнена благодати и силы! Сколько у нас за это время процвело угодников Божиих! И посмотрите, какие великие иерархи заседали в этом учреждении — святители Димитрий Ростовский[76], Тихон Задонский, митрополиты Платон и Филарет, светильник Русской Церкви отец Иоанн Кронштадтский[77]. Кстати, несколько слов об этом пастыре. Назначение быть членом Святейшего Синода, как нам достоверно известно, было принято отцом Иоанном Кронштадтским с благоговейным трепетом и смирением, чем и засвидетельствовал отец Иоанн свою веру в Святейший Синод как учреждение не простое, а водимое Духом Святым.

И что Святейший Синод сделал худого для чистоты Православия? Сколько им было опубликовано самых наиболее полезных распоряжений для жизни Церкви и чад ее, сколько обнародовано посланий и постановлений! Если бы все это собрать, то получился бы такой назидательный сборник, что верный сын Церкви, наверное бы, умилился и преклонился перед деятельностью Святейшего Синода за все время его существования.

И за что, собственно, поносят Святейший Синод? За то, что он не сообразуется с веком сим (развращенным и грешным), что он не действует по стихиям мира сего. И в самом деле — вот было время, когда один из обер-прокуроров хотел уничтожить посты, но сего Святейший Синод не допустил. Называют неправильным деянием Святейшего Синода — такие его постановления, как отлучение от Церкви атеиста графа Толстого[78], отвержение священников Гапона[79], Петрова, борьбу Святейшего Синода с сектантами. Но за все это верные чада Святой Церкви должны только воздать Святейшему Синоду хвалу и благодарение, именно за то, что он стоит на страже Православия. Два у нас теперь высших учреждения, о деятельности которых все говорят, — это Государственная Дума и Святейший Синод. Первая старается действовать в угоду современному обществу, Святейший Синод как бы наоборот.

Он является проводником высших Божественных истин и через это часто становится в противоречие с общественным мнением. Святейший Синод возвещает глаголы живота вечного, за что был поношаем Христос Спаситель. Не сообразуйтесь с веком сим, говорит святой апостол Павел, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная (Рим.12:2). Слава Богу, что это постановление божественного апостола Павла проводит в жизнь наш Святейший Синод.

Монах — это покойник, в дому лежащий, около которого еще ходят, на которого глядят и даже целуют его; он еще близ мира и мир его еще видит, но однако мир для него не существует. Применяя к монаху слова апостола Павла, это будет значить: мне мир распялся (Гал.6:14).

Схимник же — это покойник, уже погребенный в могиле, для которого не только мир не существует, но и он для мира. Схимнику применимы последующие слова того же святого апостола Павла: и аз миру распялся (Ср.: Гал.6:14). Схимник не только забыл мир, но и мир о схимнике должен забыть, на него не глядеть, его не помнить, его ничем не беспокоить.

Святые отцы говорят: «Любовь о двух ступенях: взойдешь на первую ступень — долу оставишь землю, это кто возлюбит ближнего своего; взойдешь на вторую ступень — достигнешь неба, это когда возлюбишь и врага твоего!»

Замечательно толкование святителя Иоанна Златоустого о последних судьбах мира. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе (Мф. 24:29-30).

Что означают сии слова, как понимать, что солнце померкнет и луна не даст света своего? Все это произойдет вследствие необыкновенного Божественного ослепительного света Сына Человеческого, знамение Которого явится на небе. Как если вынести свечу на дневной свет в солнечный день, то свет ее будет незаметен, так точно и при явлении Сына Человеческого светила небесные от ослепительного света Христова потеряют свою силу.

Говорят, что у нас нет никакой приходской благотворительности. А почему? Наша приходская благотворительность дробится на множество мелких сборов, производимых постоянно в церкви. Этими церковными сборами поддерживаются многие наши центральные благотворительные учреждения — Палестинское Общество, училища для слепых, глухонемых, эпилептиков, построение памятников — храмов и т.д. и т.д. Если к этому еще присоединить чисто местные нужды — поддержание храма, певчих, духовно-учебных заведений, школ, то мы увидим, что приход иной раз при своей бедности уделяет на благотворительные цели немало лепт, которые, если бы все оставались на месте, в приходе, то могли бы составить видную благотворительную единицу. Не производите в храмах сборов на указанные цели, а предоставьте приходу все эти сборы оставлять у себя, тогда приход, быть может, разовьет благотворительность на месте. Замечено, что когда на виду у нас делается что-либо доброе, — это последнее приковывает внимание наше, и благотворительность растет и расширяется. Что касается того, лучше ли поддерживать центральные благотворительные учреждения или развивать благотворительность на месте, — этого вопроса мы не касаемся.

Святой апостол Павел говорит: слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утвердилась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1 Кор.2:4-5).

Мы стремимся утвердить веру свою именно на мудрости человеческой. Нам нужно доказательство веры, мы и у кандидатов священства стремимся укрепить веру — этим именно путем. Для этого существуют все богословские науки в наших семинариях и академиях, а главную-то науку, изучая которую мы вселили бы в свое сердце силу Божию, выпустили из виду — и наука эта есть воспитание нашего ума, нашей воли, нашего сердца на строго нравственных христианских началах. Служители Алтаря Господня! Запомним вышеприведенные слова святого апостола Павла и, если в учебных заведениях нам предлагали веру, основанную на мудрости человеческой, то теперь на пастырском поприще будем проповедовать Господа Христа не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы (1Кор.2:4). Аминь.

Читая газеты, часто поражаешься неточными, вымышленными, неправильными сообщениями. В данном случае мы прежде всего разумеем сообщения церковные. И думается нам, что если наблюдается такая неосведомленность в газетах о церковных делах, то ведь то же самое может быть и в других областях. И вот, эти газеты читаются нашим обществом, на газетах оно воспитывается, и подумайте, какое неправильное мирозерцание газеты вырабатывают в нашем обществе.

Казалось бы, что ради нашей же пользы Цензурный Комитет должен иметь множество членов — специалистов по разным отраслям знаний и профессиям, которые бы усиленно следили за верностью печатных сообщений. Мы не говорим уже о том или другом направлении газет, нам хочется установить по крайней мере верность, правильность сообщений, хочется устранить из газет всякую ложь и клевету.

Мне один солдат сообщил следующее о табачном сборе, которым для наших воинов так теперь заняты. «Я, — говорил он, — до призыва не курил. Поступив же в ряды войск, я стал курить, так как нам всем стали выдавать деньги на табак. Многие мои товарищи, не курившие дома, сделавшись солдатами, закурили. И что же, какую пользу нам принес этот табак? Мы задыхались, да курили, от табаку получилось дрожание рук и сердцебиение, так что трудно было держать винтовку в руках и бегать. А я даже нажил порок сердца и теперь меня навсегда освободили от военной службы. Я и многие мои товарищи даже роптали, зачем нас приучали к табаку, а были и такие, которые проклинали тех, кто выдумал табак, и не одобряли начальство за то, что оно так поощряет табакокурение».

Выслушав сию исповедь солдата, я подумал: и в самом деле, в эту войну у нас как-то особенно обратили внимание на табак, употребление его как бы получило санкцию, пред сбором его думали даже служить молебен. Зачем искусственно стремиться распространить то, что вредно человеку и в нравственном и в физическом отношении? А то, что употребление солдатами табаку даже мешает их воинскому делу, — дрожание рук, головокружение, сердцебиение, заставляет нас думать, что приучение солдат к табакокурению служит даже на руку нашим врагам.

Когда помотришь на приток духовных чад к монастырским старцам, добрым духовникам и пастырям, увидишь их преданность, любовь и полную покорность, то невольно является следующая мысль: как к солнцу тянется растение и от него получает жизнь, рост и зрелость, так и чада Православной нашей Церкви, стремящиеся к духовной жизни, как бы инстинктивно идут к этим духовным руководителям, тянутся к ним, как к солнцу, и от них почерпают себе духовную бодрость, утешение, подкрепление и руководство. Дай только Господи, чтобы каждый наш духовник, это духовное солнце, был не имеющим только внешний блеск солнца, а действительно благодатным руководителем, исполненным, по апостолу, духа и силы Божией.

Некоторые говорят: «Мы не можем найти хорошего духовника, так как нет теперь, по всей вероятности, опытных духовников». Искание это похвально, но вот что нужно знать в данном случае всякому христианину. Прежде чем искать опытного духовника, ты должен сам, как говорится, «протереть себе глаза», положить в своем сердце стремление быть хорошим христианином — иметь твердую веру, быть послушным членом Святой Церкви, бороться с своими злыми навыками и затем усердно молиться, чтобы Господь помог тебе найти духовного отца, и ты непременно его найдешь, пример сему — евангельский Корнилий сотник. Сей муж, говорится в Деяниях святых апостолов, был добродетелен, искал правды Божией, и Господь послал ему святого апостола Петра, который крестил Корнилия со всем его домом, сделавшись таким образом

их духовным отцом (См.: Деян.10).

В жизни нашей души большое значение имеет ум. На ум падают все впечатления внутреннего и внешнего мира. Ввиду этого обстоятельства нужно стараться управлять наш ум, сосредоточив его в Боге, дабы приосенила его благодать Святого Духа; этим мы будем застрахованы от дальнейшего проникновения в нашу душу зла, приходящего к нам совне, тогда оно не перейдет ни в чувство, ни в слово, ни в дело. И нужно сказать, что со злом легче бороться, когда оно приражается только лишь уму, как если оно, перейдя в слово и дело, будет внесено уже в наше сердце. Отсеки злой помысл поначалу, и ты этим предоохранишь себя от дальнейшего зла. Не потому ли святые подвижники, стремясь свой ум держать сосредоточенным в Боге, занимались трезвением ума, творили Иисусову молитву, размышляли о страданиях Спасителя.

Все мы, грешные, немощные люди, ощущаем внутри себя какую-то греховную занозу, чувствуем какую-то падкость к страсти, — вот у одного позыв к вину, у другого к табаку, у третьего к плотской страсти и т.д., как будто бы что-то подталкивает тебя к тому или другому греховному делу. И пока эта заноза сидит у тебя — знай, что ты еще лишен благодати Божией, она еще тебя не приосенила, что ты еще не привлек ее в свое сердце молитвами, подвигами, исповедью и другими делами благочестия, ибо как только приосенит тебя благодать Божия, так сейчас же почувствуешь отвращение к страсти, всякое внутренне дурное бурление, муть отойдет, исчезнет у тебя.

Признак, что душу христианина начинает приосенять благодать Божия, — это когда ты начинаешь испытывать страх Божий, благоговение к святыне, когда у тебя отпадает всякое презорство при благоугождении Господу Богу, когда ты стыдишься допускать неблагоприличность на молитве, в храме Божиим, оберегаешь святыню, боишься допустить в отношении ее небрежность, а сам ты делаешься безгневным, смиренным, кротким, умиленным.

Никогда не думай, что твои подвиги нужны Господу Богу. Они нужны для тебя самого, для твоего спасения. Когда укрепиться в этой мысли, тогда ты правильно будешь рассуждать и о том, как нести тебе эти подвиги. Нужно их нести не напоказ, не для того, чтобы видели их люди и не для собственного самоуслаждения, а для того, чтобы через них очищалось твое сердце и ты приближался бы к Господу.

Человек впадает в грех по лишении благодати Божией. Лишается же он благодати Божией вследствие небрежности в угождении Богу. Небрежность ведет к забвению Бога, а забвение, порождая самомнение, что все доброе, совершаемое человеком, принадлежит только ему, обнаруживает гордость. Но Бог гордым противится и только смиренным дает благодать (Ср.: Иак.4:6). Благодать от гордых отходит, тогда к человеку легко приближается враг, увлекает его во всякий грех, за которым следует пагуба (по Симеону Новому Богослову).

Какая цель может быть при всякой благотворительности? Преподобный Симеон Новый Богослов говорит: «Кто делает какое-либо добро без Христа, увы ему и делу его» (Слово21). Мы считаем благотворительность добрым делом, спасительным как для нас самих, так и для тех, кому мы благотворим. Но может ли добро быть однобоким? Добро только тогда можно назвать добром, когда в его состав не входит зло. Относительно же нашей благотворительности этого сказать

нельзя. Вот мы устраиваем благотворительный вечер с безобразными танцами и весельем, даем деньгами, якобы и на благую цель, а вместе и на проявление греха (в веселии и танцах). Вот я трачу сумму денег на устройство церкви, благотворительное учреждение и в то же время желаю получить награду, тогда тут моя благотворительность в основе своей имеет корыстную цель — честолюбие, славолубие. Святые отцы подобную благотворительность называют гнилой, дьявольской, ею заправляет сатана, имея одну только цель: под предлогом благотворительности завлекать христиан в грех, преступные дела. Если мы проконтролируем современную нам благотворительность, то мы ужаснемся от массы сатанинской в ней примеси греховного, совсем не христианского. Истинная цель благотворительности — нравственное усовершенствование себя и других, очищение нашего сердца от нечистоты и порока, единение с Господом; словом, спасение нашей души и ближних.

Почему молитва не всегда нас согревает? Но кто согревает нас на молитве? Скажешь — Христос Спаситель. Так вот и знай: если ты желаешь, чтобы тебя согрело солнце, ты ведь всячески к нему принаравливаешься — выбираешь себе место, положение тела и т.д., так точно и когда ты желаешь, чтобы Господь согрел тебя на молитве, принаравливайся к Нему — Господу Богу. А в чем это принаравливание должно состоять, ты как христианин должен знать.

Как узнать — здорова ли у тебя душа или больна? Признак здоровья души — не жаждать греха, ни того, чего жаждет мир, — ни сласти, ни денег, ни славы, ни чести. Если ты всего этого жаждешь, душа твоя больна и тебе необходимо ее врачевать.

Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом (Пс.2:11). Вот девиз твоих отношений к Господу Богу. Чем больше страха, благоговения и усердия в твоих делах благоугождения, тем ты в духовном отношении чище и выше.

Преподобный Симеон Новый Богослов говорит о духовнике: «Духовник — это эконом благодати» (Слово 14). Если тебе хочется начать борьбу с грехом, избавиться от него, убежать дьявола и сетей его, иди к духовнику, и он выдаст тебе от Господа Бога потребную благодатную помощь. Не потому ли духовные дети простирают руки за благословением к духовнику, как бы тем показывая, что они ищут получить от него духовные блага, подобно тому, как теми же руками получают вещественные.

Нужно различать расслабление, отяжеление во время молитвы двоякого рода: одно — от утомления, бденных трудов и болезни, а другое — от нашей лености, бесчувствия, от действия темных сил, которые наводят на нас это отяжеление. Против сего одно только средство — терпение, соединяемое с понуждением. Однако, как мы склонны всякое расслабление на молитве и в храме объяснять только утомлением и болезнью!

Если мы обратим внимание на духовное настроение христиан, не исключая и живущих в обителях, то здесь мы обнаружим два состояния нашей души. Одно — когда мы чувствуем, что внутри нас, в нашем сердце сидит какая-то греховная заноза, жажда греха, склонность к нему, ощущаем как бы внутреннее бурление, как бы червь точит нас и требует себе пищи, что и проявляется у мирских людей в жажде вина, курения табаку, в сласти, а у живущих в обителях — в духовном

расслаблении, ропоте, нетерпении, духовной прелести (самомнении). Это состояние души свидетельствует о том, что мы не стяжали еще в свое сердце благодати Божией, что она не приосенила еще нас, что мы лишены ее. Ибо как только благодать Божия коснется нас, срастворится с нашим внутренним существом, — сейчас же пропадет жажда греха, греховная заноза как бы извлекается, и мы начинаем чувствовать отвращение ко всяким греховным приманкам, это и есть второе состояние души христианской, озаренной благодатью Божией.

И если при первом состоянии душа наша бывает беспокойна и тяжела, при втором — мирна, кротка и смиренна.

Почему некоторые в дни неиспорченной юности, часто люди застенчивые, смиренные, кроткие, для которых мир со своей злобой, ругательством и развращением невыносим, лелеют мысль о монашестве, ищут его? Почему и люди, исстрадавшиеся в этой жизни, для которых мир со своими приманками делается таким отвратительным, также стремятся к тому же монашеству? Да потому, что монашество в христианском сознании представляется как идеал христианской жизни. Монашество таково и есть. К сожалению, встречаются среди нас христианские писатели, которые считают монашество даже явлением ненормальным, неестественным. Какое недомыслие! Может быть общий упадок монашеского духа, могут быть отдельные и даже многие лица, не удовлетворяющие своему званию монахов, но чтобы отрицать монашество, не ценить его, это несвойственно христианам. Великая бы была твоя заслуга, христианский писатель, если бы ты, с одной стороны, сумел изложить всю высоту монашеского звания, а с другой, от всего своего христианского сердца поболел бы об его упадке и о тех лицах, которые легкомысленно принимают и несут это высокое звание!

Христианин должен подвизаться для того, чтобы приобрести благодать Божию, и если после подвигов он бывает добродетельным, смиренным, кротким и святым, то все это производит живущая в нем благодать Божия. Всем христианам пребывать в этом чувстве да поможет Христос Спаситель!

Ты чувствуешь, когда люди к тебе относятся благосклонно, когда они любят тебя, жалеют, чувствуешь и их холодность к тебе, равнодушие, невнимание. Так не лишай же себя возможности ощутительно сознавать близость к тебе и Господа, Пречистой Его Матери и святых угодников. Но нужно знать, что эта близость приобретается только самим тобою, ибо Сам Господь всегда близ нас. Не отдаляй от себя Спасителя, Божией Матери и святых своими пороками и страстями, не будь Иудой, предателем в деле веры, не оскорбляй Господа своим презорством, и твое сердце обвеселит Христос, Пречистая и угодники Божии. Ты почувствуешь, как благ и милостив Господь, как тих и нежен материнский покров Божией Матери!

Ум есть ключ или, лучше, дверь во внутреннюю нашу хижину; крепок запор — и хижина безопасна, так и наш ум когда управлен, сосредоточен в Боге, озарен светом Христовым, — охранена и наша душа от вторжения в нее всякой скверны, злобы и ненависти.

Кто призван учить добру людей, тот должен учить спокойно, не раздражаться на несовершенство людей, не удивляться их падениям. Всякое раздражение будет свидетельствовать лишь о том, что ты обнаруживаешь нетерпение, ослабеваешь в борьбе со злом, что ты тяготишься этой борьбой и рад уклониться от нее. Нет, в этой самой борьбе находи себе подкрепление, ибо ты делаешь Божие

дело, способствуешь устроению Царствия Божия на земле, и потому делай свое дело настойчиво, спокойно и с воодушевлением.

«Иисусе, язвы души моей исцели». Недостаточно только каяться перед духовником, необходимо еще получить врачевание наших греховных язв от Христа Спасителя. Знать это надо нам, христианам. Многие из нас бывают на исповеди, но как формально она у нас проходит! Пожалуй, мы иной раз даже искренно каемся и плачем, но все это бывает мимолетно, только около исповедного аналоя, отошли мы от него — и опять принялись за прежние дела. Такая исповедь не исправляет нас, не освобождает нас от наших недостатков. Необходимо добиться врачевания самих язв, а это совершается исправлением самой нашей жизни, привлечением в наше сердце посредством добрых дел благодати Божией, которая возрождает, обновляет и просвещает нас!

Можно знать, что в нас все доброе совершает благодать Божия, и можно опытом познать это же самое.

Современное общество, осуетившееся и отпавшее от Христа, от веры и Святой Церкви, обсуждает церковные вопросы, думает внести поправки в церковном устройстве, критикует распоряжения и действия церковной власти и т.д. Допустимо ли сие? Самое-то общество наше нужно теперь как бы снова просвещать светом Святого Евангелия, воцерковлять, ибо оно по своей жизни и мирозерцанию сделалось совершенно не христианским. Слишком любвеобильна наша Святая Церковь — все еще ожидает покаяния, исправления, возвращения отпавших к себе, имея право на основании церковных правил и святоотеческих писаний многих и многих из современных людей признать не принадлежащими к ней.

Откровение Божие об истинах нашей христианской веры предлагается всем нам, христианам, в Слове Божием как нечто объективное, вне нас находящееся, со стороны нам данное, открытое. Но вот, когда ты, христианин, это же самое познаешь, восчувствуешь, изведаете через свой собственный религиозный опыт, познаешь, так сказать, субъективно, тогда произойдет как бы совпадение того, что нам открыто в Слове Божием с твоим собственным переживанием, тогда ты, приведя себе на память какую-либо христианскую истину, невольно будешь восклицать: «Да, так и должно быть, я это понимаю, я это чувствую», хотя ты будешь и не в состоянии истины этой изъяснить словами и описать. Отсюда, как важен религиозный опыт для наших профессоров и наставников богословских наук, для тех, кто желает богословствовать. Если они лишены этого опыта, то всегда будут проповедовать неведомую им науку и от них можно ожидать уклонения от истинного богословствования.

Слово Божие говорит: иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном (Мф.5:19). Надо сначала сотворить, а потом уже учить. Какой урок для всех нас, пастырей, проповедников и учителей. Призван на дело учительства других, постарайся прежде сам в своей жизни осуществить то, чему учишь других. И по мере того, как ты будешь сам это исполнять, будет возрастать и успех твоего влияния, твоего учительства на других.

Один святой отец сказал: «Тот великий учитель, который приводит людей не к себе, а ко Христу». Как нужно сие знать всем тем пастырям, которые получают от Господа Бога дар влияния на свою

паству. Пасомые непременно будут привязываться к такому пастырю, и образ Христа через это как бы стусшевывается. Вот и задача: учи свою паству, не оставляй ее, веди ее ко Христу, но в то же время парализуй в ней излишнюю к тебе привязанность, пристрастие и надоедание.

Ты тогда можешь придти в норму надлежащего смирения, когда опытом узнаешь, что все совершаемое тобою доброе совершает благодать Святого Духа.

Ты знаешь, какие могут быть духовные плоды веры и любви к Господу. Если ты сам опытом их не изведаль, то ты не имеешь никакого права отвергать эти плоды, коль скоро другие их изведали. Почему же ты не стараешься стяжать веру и любовь к Господу? Может быть, ты находишься в борении, ты и желал бы верить и любить, да враг тебя борет? Но борение нужно пережить, оно извинительно и часто ведет к благим результатам. А вот худо, когда ты сознательно не хочешь верить и любить, тогда ты поистине безумец.

Святая Церковь ежедневно предлагает нам для молитвы и духовного назидания все новое и новое: жития святых, стихиры, каноны с разными напевами и т.д. Вникнешь в сие, станешь переживать душою, и представится тебе весь богослужебный круг нашей Святой Православной Церкви, как какой цветник. Вот сегодня Святая Церковь предложила одни духовные цветы, как они благоухают, думаешь — лучше их ничего не может быть, а нет, завтра — новый букет и т.д., в общем же составляется такой разнообразный и бесконечный цветник, что от наслаждения и дивного его благоухания душа несказанно духовно радуется и готова непрестанно прославлять Господа, Творца его.

Когда ты болен, то жаждешь лекарства и надеешься, что, принимая его, получишь исцеление. Так и больной душою ты должен жаждать Причащения Святых Тайн Тела и Крови Господних — этого небесного врачевства. Лекарство для тела ты принимаешь аккуратно, в известное время, по известному рецепту, так и лекарство небесное, чтобы оно было действенно, принимай не зря, а с великим приготовлением, каковым является вера и слезы покаяния.

Современная борьба против Святой Церкви и христианских идеалов, собственные внутренние борения и физическое недомогание подчас накладывают такой тяжелый камень на твою душу и такой тяжелой и бесполезной через это представляется твоя деятельность, что ты готов бежать, по слову Спасителя, в горы, чтобы там остаться с одним только Господом и ожидать смертного дня.

О, как ты беспечен в своей жизни, а между тем каждую минуту тебя может постигнуть смерть. Смотри, как многие неожиданно умирают от разных катастроф и параличных болезней, почему же ты думаешь, что с тобою этого не случится? Всегда пред собою имей память смертную, и она предохранит тебя от греха.

В настоящее скорбное, тяжелое время иногда раздаются голоса по адресу духовенства: «Плохо вы, святые отцы, молитесь, коль скоро война продолжается и несчастья не прекращаются». По поводу этих упреков нужно сказать, что они только лишний раз подтверждают, как глубоко некоторые

православные из членов нашего русского общества падают. Ведь говорить так — это значит совсем не признавать за собою никакой нравственной ответственности. В этом упреке слышится гордость, беспечность, полное духовное нечувствие. Не дай Бог, если эти упреки увеличатся, они будут свидетельствовать о развивающемся нечестии нашего общества.

Как установить себя в молитве и какого образа молитвы мы должны искать, чтобы молитва была действительна и спасительна? Одни, когда молятся, то стараются воображать пред собою небесные блага, стараются видимым образом представить Спасителя, Матерь Божию и святых, но этот путь не безопасен — он ведет к прелести. Другие начинают молитву борьбою с помыслами, которые мешают сосредоточиться на молитве. Отгонять помыслы на молитве нужно, но не на это прежде всего нужно обратить внимание, если ты желаешь правильно научиться молиться. Прежде всякой молитвы нужно всемерно очистить свое сердце, покаяться, выплакать свои грехи. Когда очищено твое сердце, то и помыслов у тебя будет меньше, и с этими помыслами будет легче уже справляться твоей умом.

Представь себе: вот твое сердце кишит нечистотами, ведь из него будет выходить бесчисленное множество помыслов, с которыми не справится твой ум. Когда же ты очистишь свое сердце, оно умиротворится, успокоится, тогда будет и твоя молитва безмятежной, спокойной, мирной и тихой. И если явится какой помысл, а без этого обойтись нельзя, ум справится с ним скоро, ибо он будет исходить не из глубины твоего сердца, а случайно набегать совне, как набегает в хорошую погоду редкое облачко. Но ведь сразу не очистишь свое сердце, значит, и правильной молитвы никогда у тебя не может быть. Перед нами впереди всегда должен быть идеал, которого мы, помня, должны настойчиво добиваться. Для истинной молитвы нужно исправление, очищение нашего сердца, вот ты, христианин, и должен для достижения правильной молитвы всю свою жизнь заботиться об исправлении твоего сердца; даже в отдельных случаях, когда хочешь особенно о чем-либо помолиться — предварительно покайся, очисти свою совесть исповедью. Не потому ли и наши предки во время общественных бедствий свою молитву о ниспослании Божественной помощи сопровождали постом и покаянием. Итак, всякая твоя молитва должна иметь в основе своей покаянное чувство, сознание своей немощи и недостойности.

В настоящее время большое внимание обращено на развитие всякого рода наук естественных, технических и т.п., но что-то мало слышно, чтобы разрабатывалась наука о душе. А между тем и область нашего духа не менее интересна, чем и область внешнего мира. Вера, надежда, любовь, скорбь, уныние, страдание, мнительность, — все это духовные явления, а ведь кому не интересно знать природу и свойство этих явлений. Все это и должна выдать наука о душе. Особенно нам, жителям шумной столицы, следовало бы вникать в нашу душу, в наше сердце, ибо такие условия нашей жизни, как суета, многопопечительность, богатство, роскошь или наоборот — нищета и убожество подавляют, парализуют духовную жизнь, отодвигают далеко в сторону духовные интересы. Городская жизнь заставляет нас жить внешними впечатлениями, что создает особое настроение у горожан.

Нам приходилось наблюдать следующее. Мы в тихой, уединенной пустыньке. Насельники ее проводят духовную жизнь, сосредоточены, внимательны к своему «я». Но вот приезжают сюда горожане обозреть святыни — и какой великий контраст чувствуется в настроении этих приезжих гостей и насельников тихой обители! Горожане и развязны, и веселы, и слишком, по апостолу, плотяны (Ср.: Рим.7:14). Равно как и наоборот — заберется по делам обители пустынный в шумный город, и не знает он, как ему здесь ступить, — все ему в городе стеснительно, а для духа тяжело и утомительно. Однажды нам было позволено погостить в одной тихой святой обители. Мы здесь несколько умиротворились, успокоились духом, успели слиться с настроением насельников и отвыкли от городского шума. Приблизилось, однако, время нашего возвращения в город. И вот пред нашим сознанием предстала столичная сутолока во всей своей неприглядной, тяжелой форме, и наше сердце охватила робость, страх. Не без слез мы оставляли тихую обитель и

с тяжелым, подавленным настроением въезжали в столицу...

Свобода от страстей налагает особый отпечаток и на внешний облик человека. В глазах бесстрастного светится искренность, чистота, приятность, в движениях наблюдается спокойствие, выдержанность, в речи — серьезность и убедительность.

В чем заключается тайна влияния на других? Сродство душ и благодатное христианское воздействие одного на другого. В первом случае могут сходиться люди как по добрым своим качествам, так и дурным. У меня таится в сердце какая-нибудь страсть, и мое страстное сердце, как бы ища себе оправдания и пищи, подыскивает подобного себе содружества. Сродный к сродному влечется. Во втором случае при благодатном воздействии — сила влияния неограниченна. Благодать может всех к себе привлекать, не исключая самого отчаянного грешника, ибо душа всякого человека носит в себе образ Божий и есть по природе христианка.

Убеждаюсь, что благодать Христова может всех делать святыми, разумею в данном случае святость в смысле доброй христианской настроенности, то есть — смиренными, простыми, постниками, подвижниками. Какое бы ты положение в мире ни занимал, какими бы ты благами мира ни пользовался, — царь ли ты, князь, богатый или последний бедняк, все вы можете пред лицом Божиим быть равными по своему христианскому настроению. В этом познаю силу благодати Христовой, возрождающей и обновляющей всякого человека, живущего в мире.

Пока человек не испытал, не пережил в себе самом какого-либо пристрастия, порочных чувств, он имеет, или, лучше сказать, хранит в себе великую силу, которая может легко противодействовать всему дурному. Но коль скоро ты пал, грех начинает тебя манить, и ты легко склоняешься к нему, легко его повторяешь. Стоит дерево целое, налетевшая буря его колышет, но не так легко дерево сломится; но вот оно уже подломлено, сл